

*Министерство культуры и массовых коммуникаций РФ
Федеральное государственное учреждение культуры
«Государственный мемориальный историко-литературный
и природно-ландшафтный музей-заповедник А.С. Пушкина
«Михайловское» (Пушкинский Заповедник)»
Институт динамического консерватизма*

МИХАЙЛОВСКАЯ ПУШКИНИАНА

Выпуск 49

**МАТЕРИАЛЫ КОНФЕРЕНЦИИ
«А.С. Пушкин
как мировоззренческое явление
национальной традиции»**

Сельцо Михайловское – Псков
2009

ББК 83.3 (2Рос=Рус)1
М 341

Серия основана в 1996 году.

Материалы конференции «А.С. Пушкин как мировоззренческое явление национальной традиции» : [сб. ст.] – Сельцо Михайловское; Псков, 2009. – 184 с. – (Серия «Михайловская пушкиниана»; Вып. 49).

ISBN 978-5-94542-246-9

В очередной выпуск «Михайловской пушкинианы» включены доклады и сообщения, сделанные участниками конференции «А.С. Пушкин как мировоззренческое явление национальной традиции», которая состоялась в Москве в мае 2009 года и была приурочена к 210-летию со дня рождения поэта. Также в сборник включены некоторые статьи о «реставраторе всея Руси» Савве Ямщикове. Для него эта конференция стала последним крупным публичным собранием, в котором он принял участие.

ББК 83.3(2Рос=Рус)1

ISBN 978-5-94542-246-9
(ГППО «Псковская областная типография»)

© Государственный музей-заповедник
А.С. Пушкина «Михайловское», 2009
© Оформление. ГППО «Псковская областная
типография», 2009

Дорогой читатель!

Если ты держишь в руках этот сборник, значит, ты принадлежишь к числу ценителей творчества Александра Сергеевича Пушкина, к числу друзей и доброхотов пушкинского музея-заповедника «Михайловское». Это очень важная отправная точка нашего общения: сборник обращён ко всем россиянам и всем, кто за рубежами нашей страны и за пределами русского мира ценит Пушкина, признаёт его как великое явление мировой культуры.

В год 210-летия со дня рождения Александра Сергеевича мы решили поговорить о нём не только как о человеке, которого Господь наделил выдающимся даром слова и сделал первейшим русским поэтом и писателем. Пушкин – символическое явление русской национальной традиции во всех её гранях, и именно поэтому нам важно проследить актуальные направления влияния А.С. Пушкина на русскую философскую и политическую мысль XIX–XX веков, на русское самосознание, на современные умонастроения в России.

Сегодня, когда многие наши сограждане продолжают искать смысл и цель своей жизни, когда Россия всё ещё далека от ясного понимания своего предназначения в этом мире, многое нам может дать история жизни Пушкина. Его биография суть непрдуманная повесть о том, как «умнейший человек России» – слова императора о поэте – постепенно охладевал к европоцентризму и либерализму, как он уходил от нравственной фривольности и безбожия, проникался русским национальным духом. В нём, в духе любви к Отечеству и к вере отцов, видел он неперемное условие открытости к другим культурам. Безусловное уважение к своей истории во всей её полноте считал основанием верного взгляда на мировую историю и историю других народов и героев.

Об этих пушкинских координатах, о том, что такое Россия как культурно-историческое явление и в чём, собственно, состоит

наша национальная традиция, о том, как преодолевать навязываемое российскому обществу уравнивание добра и зла, как противодействовать разрушению классической культуры и вечных истин, чем в этой борьбе нам могут помочь творчество, жизнь и образ Александра Сергеевича Пушкина, и написана эта книга. Её авторы – философ В.В. Аверьянов, директор Государственного музея А.С. Пушкина Е.А. Богатырёв, директор Государственного мемориального историко-литературного и природно-ландшафтного музея-заповедника А.С. Пушкина «Михайловское» Г.Н. Василевич, публицист, чрезвычайный и полномочный посланник М.В. Демурин, профессор, заведующий кафедрой философии, политологии и культурологии Дипломатической академии МИД России К.М. Долгов, философ, культуролог А.Л. Казин, писатель и литературный критик В.Я. Курбатов, писатель, литературовед Ю.М. Лощиц, профессор, заведующий кафедрой истории русской философии философского факультета МГУ М.А. Маслин, литературовед, руководитель Пушкинского отдела ИМЛИ РАН В.С. Непомнящий, литературовед В.П. Старк и другие участники конференции «А.С. Пушкин как мировоззренческое явление национальной традиции», состоявшейся в Москве 19 мая 2009 года.

Эта конференция стала последним крупным публичным собранием, в котором принял участие взятый от нас Господом в июле этого года известный общественный деятель, председатель Ассоциации реставраторов России Савва Васильевич Ямщиков. Произнесённое им тогда новое обличительное и вразумляющее слово в защиту русской культуры, народной памяти и будущего России стало одной из важных страниц его завещания всем русским людям, всем соотечественникам. В память об этом удивительно самобытном, бескомпромиссном, честном и цельном человеке, истовом поборнике сохранения и созидания русской традиции, защитнике Пскова и Пушкиногорья, в сборник включены некоторые посвящённые ему статьи, опубликованные после его кончины.

**МАТЕРИАЛЫ КОНФЕРЕНЦИИ
«А.С. ПУШКИН
КАК МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКОЕ ЯВЛЕНИЕ
НАЦИОНАЛЬНОЙ ТРАДИЦИИ»**

**Институт динамического консерватизма
Государственный мемориальный историко-литературный
и природно-ландшафтный музей-заповедник А.С. Пушкина
«Михайловское»**

**Отдел Московского Патриархата по взаимоотношениям
Церкви и общества**

**Комиссия по культуре Общественного совета города Москвы
Государственное учреждение культуры города Москвы
«Государственный музей А.С. Пушкина»**

**(Москва, Государственный музей А.С. Пушкина,
10 мая 2009 года)**

ПРИВЕТСТВИЕ УЧАСТНИКАМ И ГОСТЯМ КОНФЕРЕНЦИИ

Михаил Васильевич Демурин,
директор по программам
Института динамического консерватизма

Дорогие друзья и коллеги, дорогие любители и доброхоты Александра Сергеевича Пушкина! С чувством радости и в предвкушении интеллектуального удовольствия открываем мы эту конференцию. Вернее сказать – начинаем общение по важнейшей, на наш взгляд, теме: «Александр Сергеевич Пушкин как мировоззренческое явление русской традиции». Институт динамического консерватизма, который я имею честь представлять, признателен за поддержку этого начинания двум важнейшим пушкинским музеям России, Отделу Московского Патриархата по взаимоотношениям Церкви и общества, Комиссии по вопросам культуры Общественного совета города Москвы. Их представителям мне и хотелось бы передать сейчас слово.

Евгений Анатольевич Богатырёв,
директор Государственного музея А.С. Пушкина

Рад приветствовать всех вас в московском доме Пушкина, в Государственном музее Пушкина, который сегодня является одним из крупнейших в России и Европе институтов, хранящих память об Александре Сергеевиче Пушкине, хранящих и изучающих его творчество, его жизнь, пушкинскую эпоху; в музее, который призван не только изучать пушкинскую эпоху и Пушкина, но и исследовать современные явления литературы, искусства, социологии, истории, – всё это для нас стало совершенно естественным и необходимым.

Вспоминая десятилетие, прошедшее после двухсотлетнего юбилея Пушкина, хочу сказать, что, как и к 1999 году, к новому юбилею страна сделала для увековечивания памяти Пушкина очень

много. Это, впрочем, совершенно естественно и, что самое главное, традиционно. В этой связи не могу не повторить в очередной раз слова благодарности власти и народу, которые поддерживают эту традицию, поддерживают активно и с энтузиазмом (хотя слово это – энтузиазм – не модное и редко используется сегодня). Я имею в виду отношение к Пушкину и как к поэту, и как к величайшему представителю нашей нации и создателю русского языка, и как к гениальному историку... В нашем представлении александровская, николаевская, даже павловская эпохи – это, прежде всего, эпоха Пушкина.

Во время подготовки к 200-летию поэта были обновлены, возрождены и, по существу, получили новое дыхание практически все пушкинские музеи. Нам, музейщикам, конечно, было отраднее ощущать такое отношение к нашему делу. Это была интересная и очень важная работа. Не буду говорить об отдельных успехах, о том, что каждый из нас смог тогда реализовать. Скажу об общем результате: мы получили оазисы культуры, духовности, красоты, гармонии, благодаря которым сегодня можем работать ещё активнее. Возможности у нас сегодня очень большие. Во всяком случае, если говорить о нашем музее, то мы принимаем треть миллиона посетителей в год. Вы сегодня сами видели: мы собирались на конференцию, а рядом собирались дети – они пришли на специальные музейные программы. Сейчас это обычное явление в нашей музейной жизни. Значительно возросло число посетителей и у Георгия Николаевича, в музее-заповеднике «Михайловское», и во Всероссийском музее Пушкина на Мойке.

В этом году мы отмечаем новую памятную юбилейную дату – 210-ю годовщину со дня рождения Александра Сергеевича Пушкина. За прошедшее десятилетие мы очень многое осознали, многое дополнительно для себя поняли. Мы укрепились в понимании ценности, важности, необходимости той миссии, которую мы выполняем. Благодаря Пушкину, благодаря тому, что мы имеем возможность рассказывать о нём в наших новых экспозициях, на уникальных, новых, отреставрированных материалах, мы храним величайшую память о России, о нашей культуре, транслируем её будущим поколениям.

Прекрасно понимая, что означает имя Пушкина для всех просвещённых россиян, мы плотнее объединись, укрепили сообще-

ство пушкинских музеев. В него сегодня входит 17 музеев, в том числе и из зарубежья. Это объединение помогает и нам, музейщикам, и всем многочисленным посетителям пушкинских музеев, которые сегодня приходят к нам, завтра приезжают в Михайловское, а послезавтра – посещают музей-квартиру Пушкина на Мойке или Царскосельский лицей. Очень важно иметь возможность постоянно видеть и изучать Пушкина в Петербурге или в Москве, в Одессе или Болдине, в Оренбурге или Твери. Наша маленькая «Пушкинская империя» позволяет каждому через творчество Пушкина ощутить себя гражданином России, почувствовать свои корни, думать о важнейших ценностях, хранить и воспитывать те нравственные ценности, о которых писал Пушкин и которые, по мере нашего углубления в XXI век, всё сложнее и сложнее становится хранить. Мы все знаем, какие разнообразные «ценности» – я не хочу сейчас рассматривать их сколько-нибудь подробно – сегодня транслируются везде, начиная с телевидения и заканчивая литературой. Сегодня российскому человеку, российскому народу очень трудно, порой невозможно даже ориентироваться в тех идеях и образцах культуры и псевдокультуры, которые ему активно, иногда насильственно, навязываются.

Мы существуем постольку, поскольку нас поддерживает государство. Музеи всегда пользовались поддержкой государства. Но мы очень рассчитываем и на общественность, на общественные институты, которые всегда были рядом с пушкинскими музеями. Эта поддержка даёт нам возможность заявлять о себе, поднимать тот самый авторитет – не столько даже в глазах народа, то есть тех самых наших ежедневных посетителей, сколько в глазах власти, которая, говоря современным языком, сегодня является нашим учредителем и которая не всегда лояльна к тому, что мы делаем. Я бы даже сказал, не всегда понимает, что мы делаем. Поэтому наша сегодняшняя конференция, сегодняшний наш разговор, думаю, будет чрезвычайно важным для всех нас. Мы рассчитываем на искренние и очень важные для нас выступления, острые в том числе, так как мы все вместе храним одно из самых главных достояний нашей национальной культуры – имя великого русского поэта Александра Сергеевича Пушкина.

Спасибо.

**Георгий Николаевич Василевич,
директор Государственного
мемориального историко-литературного
и природно-ландшафтного музея-заповедника
А.С. Пушкина «Михайловское»**

Принципиальная позиция пушкинских музеев – по крайней мере, тех, кто уже входит в пушкинское сообщество, – такова, что после двухсотлетнего юбилея Александра Сергеевича Пушкина все остальные пушкинские события укладываются в программу, которую когда-то провозгласили как программу «Пушкин вне юбилеев». Для нас очень важно приучить к этой мысли и самих себя, и наше общество, потому что есть вехи, а есть, собственно говоря, сам путь, который и составляет главный смысл развития любого народа. Этот путь измеряется, безусловно, величинами гениев, появившихся в этом народе и служивших ему по произволению Божию. И Пушкин – один из них.

Удивительные бывают совпадения, которые никак и никогда не спланируешь. И одно из них то, что в этом году 6 июня, день рождения Пушкина, приходится на Троицкую родительскую субботу. Я уже однажды в этом зале вспоминал очень трогательное для меня событие – встречу на могиле Пушкина с женщиной, которая пришла для того, чтобы там, у этой могилы, выплакать слёзы о своих предках, которых жизнь разметала по разным странам и по разным кладбищам. У некоторых из них кладбища и просто не было, потому что они погибли далеко от места своего рождения. Единственная могила, которая оставалась у этой женщины, – это могила Александра Сергеевича Пушкина в Святогорском монастыре, к которой она периодически возвращалась для того, чтобы поимённо вспомнить всех тех, кто составлял историю её семьи, связанную с историей Отечества. В этом году, я почти уверен, у могилы Пушкина во время богослужения тоже будут стоять неизвестные нам люди, которые приходят к Пушкину, потому что невозможно не прийти туда. Ведь хотим мы того или нет, но Александр Сергеевич давно уже стал для многих из нас человеком настолько близким, что, наверное, можно считать его нашим родственником, общим предком для всех культурных людей в России.

Однако – и это тоже интересное явление – я сейчас проходил по

музею, смотрел на знакомые портреты и ловил себя на том, что знаю немало людей, которые числят Александра Сергеевича Пушкина, его знакомых и его друзей по ведомству не некогда живших людей, но «литературных героев», «памятников». То есть Пушкин со товарищи настолько нам знакомы, мы настолько и так давно привыкли к их именам, что за именами зачастую не представляем прожитой жизни – несмотря на то, что есть замечательная биография, есть множество монографий о жизни, судьбе и творчестве Александра Сергеевича Пушкина. Вот для того и существует музей, чтобы в какой-то момент, приходя в него, усилиями служащих этого музея наши граждане понимали, что была жизнь – полноценная, сложная, разносторонняя, *живая жизнь*, как и у каждого из нас, живущих сегодня вслед за Пушкиным на нашей родной земле. И что эта жизнь гораздо сложнее, чем литературные произведения, потому что в ней есть испытания, которые необходимо пройти. И многому в этой жизни не грех поучиться у наших великих предков, у самого Александра Сергеевича Пушкина и вовремя понять, что каждый из нас несёт ответственность и за своё время, и за свою страну, и за всё, что будет с нами и нашими потомками.

Мне кажется, если обозначить вклад Александра Сергеевича Пушкина в наше общественное достояние, то одним из наиболее ярких и весомых его составляющих будет то место, которое я представляю здесь: Пушкинский Заповедник, Пушкиногорье – «Михайловское», как часто вспоминают и коротко называют его по имени главной пушкинской усадьбы. Это пространство действительно удивительное. Это не просто место ссылки Александра Сергеевича Пушкина, не просто место, где какие-то самые простые, но и самые в то же время сложные и труднодостижимые вещи стали для него очевидными. Это не только то место, которое до сих пор *устроено правильно*, потому что в нём есть и русская деревенская жизнь, и высокие произведения искусства, и явления культуры европейской. В нём есть родовое кладбище поэта, и есть, по счастью, не разрушенный до основания храм, который хранит его могилу и где вновь звучат молитвы о тех, кто жил в пушкинское время, о самом Пушкине, о тех, кто жил после него.

Не только столетний период хранения памяти поэта как опыт передаётся из поколения в поколение музейными работниками. Частица великой культурной заботы о памяти и совести нашего на-

рода достаётся каждому, кто находит для себя возможным приехать в «Михайловское», – частица общей работы. Мне думается, что Александр Сергеевич помимо известных нам с вами результатов своего литературного творчества оставил нам ещё одно – творчески видоизменённое им место, Михайловское. И я знаю, что каждый, кто с этим местом соприкасается, уходит потом из Михайловского изменившимся, внутренне «переустроенным». И это, может быть, тоже один из величайших подвигов жизни Александра Сергеевича Пушкина и пример того, как правильно услышанная и правильно прожитая жизнь способна вокруг себя изменить мир, сделать его чуть более насыщенным светом, чуть более осмысленным. Сделать место жизни человека чуть-чуть более близким замыслу Господа Бога о том, каким это место должно быть.

Я полагаю, что сегодня будет сказано ещё много важного о самой русской – пушкинской – традиции, о передаче этой традиции из поколения в поколение. Не случайно конференция проходит в преддверии пушкинской юбилейной даты. Мне хочется думать, что всё, что мы делаем как музейщики, всё, что мы делаем как учёные, всё, что мы делаем как граждане и политики, рождено нашим общим желанием, нашим общим стремлением видеть свою Родину процветающей, памятной и достойно несущей всё то огромное наследие, вне которого Россию представить невозможно в истории и в мире сегодняшнем. Что и говорить, Родина наша с вами – действительно страна совершенно удивительная и уникальная, где есть место подвигу, в том числе, и «простому» подвигу самого «простого», доступного, великого и гениального поэта – Александра Сергеевича Пушкина.

Спасибо.

**Священник Георгий Роцин,
заместитель председателя
Отдела Московского Патриархата
по взаимоотношениям Церкви и общества**

Хотелось бы кратко поприветствовать гостей и участников замечательной конференции, посвящённой 210-летию со дня рождения Александра Сергеевича Пушкина, которое 6 июня все мы будем

отмечать, и вспомнить о Пушкине как о простом человеке, таком же, как и все мы. Простом, но и отличающемся от нас тем, что свои чувства, свои переживания, всё то, что с ним происходило в жизни, он смог выразить замечательными образами, облечь в чудесные поэтические слова. Не каждому это дано. Мы все имеем одни и те же желания, мы все встречаемся с похожими явлениями жизни, однако Пушкину удалось это оставить в истории, запечатлеть в поэтическом слове. И это очень ценно.

Как пастырю мне всегда доставляет удовольствие вновь и вновь обращаться к произведениям Пушкина. В них я вижу тот духовный рост, который из года в год проходил великий русский поэт и писатель. Так же очень важно посмотреть не только на то, как жил Александр Сергеевич, но и на то, как он умирал. Для нас всегда важна кончина жизни, ибо мы смотрим не на то, что человек делал в жизни, а на то, как он подошёл к её завершению. И в этом тоже заключается великая, промыслительная тайна. Для нас важно, как великий поэт обрёл Бога, которого он искал, к которому он стремился в течение своей жизни и на смертном одре. Важно, как он простил и получил прощенье, как он предстал перед очами Божьими. В этом великий завет гениального поэта для всех нас.

Хочется также отметить пушкинский язык, который, думаю, как никогда востребован именно сейчас. Мне довелось некоторое время, буквально пару недель тому назад, участвовать в конференции в Институте русского языка имени Пушкина. Отрадно то, что студенты, школьники вновь обращают внимание на пушкинский язык. Меня поразили доклад одного студента, в котором он анализировал то, как Пушкин использует церковнославянский язык в своих поэтических произведениях. Это замечательно. Многие сегодня не хотят идти в церковь, объясняя это тем, что не понимают, что там происходит, и одной из заслуг Пушкина было то, что в своей поэзии он попытался соединить возвышенный, божественный язык – язык богослужения – с простым доступным языком, и это тоже дорогого стоит.

Поэтому хотел бы пожелать вам всем помощь Божью в работе конференции. Пожелать доброго здоровья и выразить надежду, что доклады, дискуссии, которые состоятся на этой конференции, по-новому осветят грани творчества великого русского поэта.

Спасибо.

Михаил Юрьевич Лермонтов,
*президент Ассоциации «Лермонтовское наследие»,
председатель Комиссии Общественного совета города
Москвы по культурной, информационной
и градостроительной политике,
доктор культурологии*

Добрый день, дорогие друзья! Одно даже имя вынуждает меня быть ответственным за то, что мы с вами сейчас собираемся делать. Именно через дела наши будет, с моей точки зрения, решён главный вопрос современного бытия: сумеем ли мы духовно-нравственные ценности нации превратить в национальные интересы государства? Как сделать так, чтобы мера духовности русского человека, которую Александр Сергеевич задает уже 210 лет, стала общепринятой в нашем мироустройстве, в нашем государстве, в нашем обществе?

По нашему настоянию Общественный совет Москвы подготовил проект и открыл Московский клуб «Ценности нации и национальные интересы России». И вот сегодня открывается конференция, которую мы активно готовили вместе с Институтом динамического консерватизма. И вот на что бы мне хотелось обратить ваше внимание.

В каждый момент времени наша душа переживает несовершенство, неправду, несправедливость разрыва между современным духовным измерением и духовным измерением православных христиан, и Александра Сергеевича Пушкина, и Михаила Юрьевича Лермонтова. Как сделать эту меру духовности доступной для наших детей, для молодого поколения? Как сделать так, чтобы музеи становились центрами кристаллизации душ?

Сегодня мы с радостью видим за нашим столом представителей крупнейших музеев в России и с радостью видим детвору, которая весело, но с интересом проходит по музейным залам. Они унесут с собой ту самую высоту бытия, и это, наверное, то начало, та исходная точка, с которой мы с вами должны сегодня попытаться сформировать их гражданскую позицию.

Как установить прямую связь между духовным измерением и материальным жизнеустройством? Поиск ответа на этот вопрос, как мне кажется, и есть главная задача для нас как граждан своей

страны. Ещё раз благодарю вас за участие в этом мероприятии и желаю прагматических, то есть на деле основанных и к делу применяемых, результатов.

Михаил Демурин

Спасибо, уважаемые коллеги, за ваши добрые пожелания участникам и мысли в контексте самой темы нашей конференции. Хотел бы также предварить запланированные выступления и общую дискуссию некоторыми замечаниями о том, как, собственно, родилась эта тема – «Пушкин как мировоззренческое явление» и предложить возможные векторы её развития.

Скоро 6 июня – день памяти Александра Сергеевича Пушкина. В отличие от дней зимнего его поминовения – в день смерти, 10 февраля, – в июньских Пушкинских днях, на мой взгляд, преобладает жизнеутверждающая радость. Радость от того, что у нас есть Пушкин, что он оставил нам образцы истинной русской поэзии, прозы и публицистики, дал жизнь образам, которые уже многим поколениям людей помогли разобраться и в себе, и в истории, и в происходящем вокруг. И ещё помогут – только настрой память и сердце на их волну!..

Мы думаем об этом с благодарностью и зимой, и осенью – в самое любимое Пушкиным время года, и весной. Но летом, лично для меня, переживание Божьего дара, почившего на Пушкине, и его личной устремлённости к цельности и гармонии сильнее. Возможно, потому, что средоточие воспоминаний о Пушкине летом – Михайловское, деревня, место, где, по словам сегодняшнего хранителя этих мест Георгия Николаевича Василевича, «сама природа задаёт строй и ритм русской души», где поэт начал становиться тем, кем стал, – выдающимся явлением русской традиции...

Именно в Михайловском, а точнее на любимой поэтом Савкиной горке, возникли идеи, которые позже оформились в инициативу: провести встречу русских интеллектуалов с тем, чтобы, как это уже не раз бывало в нашей истории, совместно обратиться к творчеству и жизни Пушкина в поиске ответов на вопросы сегодняшнего дня. Те, кто прикипел душой к Пушкиногорью, знают: эти древние места не только благодатны в смысле жизненных и творческих энергий, которыми они напитывают своих доброхотов, но и взыскательны.

Соединяясь с ними, чувствуешь себя обязанным дать им и воспитанному ими Пушкину отчёт в том, кто ты, чем ты живёшь, чем живёт твой народ, что такое Россия сегодня и соответствует ли она тому её образу, который создавал и стремился передать нам «умнейший человек России», «наше всё».

В системе пушкинских и пушкиногорских координат особенно вопиюще осознаётся прогрессирующая деградация России как субъекта культурно-исторического действия. Вдумаемся: у большинства русских уже не вызывает отторжения предложение радоваться так называемой «победе» представителя России на иностранном песенном конкурсе, где он был отмечен именно за то, что в нём сугубо *чуждо* русской культуре. Нам серьёзно предлагают гордиться тем, что во время ужесточающегося кризиса государство и «общественное» телевидение тратят многие сотни миллионов рублей, чтобы «удивить» мир проведением музыкального китча – конкурса «Евровидение». И это в условиях, когда на Всероссийский Пушкинский праздник поэзии из федерального бюджета уже не первый год не выделяется ни рубля.

Эти примеры можно было бы, к сожалению, множить и множить. Как немало горьких слов можно было бы сказать по поводу следующих одно за другим пагубных искажений смысла во внешнеполитической деятельности нашей страны. Перечитаем «Клеветникам России» и обратим взгляд на то, например, что происходит сейчас на прибалтийском направлении российской внешней политики. Мне перед Пушкиным за то, как действует там в настоящее время Россия, стыдно. Похоже, однако, что многие из тех, кто делает сегодня внешнюю политику нашей страны, «Клеветникам...» и «Бородинскую годовщину» если и читали, то давно, и плохо помнят, что завещал нам Пушкин. Поэтому, в частности, мы так легко и по форме, и по политическим и экономическим обязательствам отказались от концепции «Ближнего зарубежья» – и получили в ответ «Восточное соседство» Европейского союза. Поэтому Россия и русские, способствовавшие воссоединению Германии, встречают резкую неприязнь Запада в отношении нашего желания сохранить единство исторических переживаний, свойственное любой состоявшейся нации, на основе уважения в Победе наших отцов и дедов в Великой Отечественной войне.

Другими словами, все наши беды не от того, что у нас слабая, «неотрегулированная» экономика или неэффективный, коррумпир-

рованный госаппарат. Наоборот, сегодняшние российские нестроения – социально-экономические, политические, культурные – порождены именно искажением и разрушением наших традиционных смыслов, забвением национальных корней, отрицанием в принципе важности идейной основы жизни. Но если мы не будем ясно понимать, что такое Россия как культурно-исторический тип, в чём наша традиция, как преодолевать навязываемое современному обществу уравнивание в правах добра и зла, как противодействовать разрушению классической культуры, то есть, иными словами, – если у нас не будет своей идеи, нам её просто окончательно навязжут извне. Между тем для выживания и успеха в современном мире с его всё возрастающей межцивилизационной конфликтностью достаточно просто ясно определить свою национальную идентичность и последовательно удерживать установленные культурно-политические рубежи. Метод, согласитесь, гораздо менее затратный, чем «хитроумные» внешнеполитические схемы, многомиллиардные вложения в «энергетические привязки» или, наоборот, «энергетическую независимость», в идеологическое «противодействие» или военное присутствие за рубежом. Более того, он всё вышеперечисленное не отменяет, а придаёт ему удесятёрённую эффективность.

О степени недооценки властью и обществом идеальной основы как таковой и особенно её содержания ярко свидетельствует, на мой взгляд, история с известной фразой императора Александра III о том, что у России есть только два союзника – её армия и её флот. Прошло не более трёх десятков лет с того момента, как были сказаны эти слова, и именно российские армия и флот превратились в главные инструменты уничтожения Российской империи. Произошло это не потому, что в какой-то момент армия и флот стали вдруг плохи сами по себе, а потому, что распалась идейная основа положительной роли армии и флота. Распалось то, что предопределяет дух солдат и волю командиров, то, что скрепляет их воедино, а армию соединяет с властью, с одной стороны, и с народом – с другой. Сегодня нам предлагают концепцию четырёх или даже пяти спасительных «И», но никакие институты, инвестиции, инфраструктуры и инновации сами по себе не смогут вывести страну из кризиса. Что же касается интеллекта, то, чем более он развит, тем более надо быть уверенным, что направленность его приложения соответствует долгосрочным интересам страны.

Поэтому мы и решили провести сегодня этот разговор об Александре Сергеевиче Пушкине как символическом мировоззренческом явлении русской традиции, а через это – разговор о том, что такое Россия как культурно-историческое явление, в чём, собственно, состоит наша национальная традиция, как преодолевать навязываемое нашему обществу уравнивание добра и зла, как противодействовать разрушению классической культуры и вечных истин и как в этой борьбе нам могут помочь творчество, жизнь, образ Александра Сергеевича Пушкина.

ИЗ ВЫСТУПЛЕНИЙ УЧАСТНИКОВ КОНФЕРЕНЦИИ

Валентин Яковлевич Курбатов,
писатель, литературный критик

Вот уж Александру Сергеевичу Пушкину и 210 лет. А вроде только вчера было двести. И о нём уже и в двести было сказано всё. А уж теперь – тем более. И иногда с почти оправданным эгоизмом усталого времени хочется подумать о себе. Но как раздумаешься, то тут и увидишь, что и то, что написано о нём за двести-то лет, хоть одними только русскими людьми, – разве только о Пушкине? О себе ведь всегда, о себе. И когда Достоевский о «всемирной отзывчивости», и когда Ильин о «солнечном центре нашей русскости», и когда Розанов о том, что, поживи Пушкин подольше, мы не поделились бы на славянофилов и западников – стыдно было бы его цельности. И когда сейчас общим хором, что Пушкин – «наша национальная идея», – это ведь не свидетельство гордости, а тревога о неблагоприятности. Это: «батюшка Пушкин, помоги!», «дай нам руку в непогоду, укрепи в немой борьбе».

Правда, борьба не немая, а очень даже разговорчивая, так что иногда с горечью думаешь, что само слово уже и мешает нам. Что слово, которое было у Бога и было Бог, потеряло таившееся в нём дело, забыло землю и небо и стало только словом. А человек и народ тотчас узнают эту пустоту и охотно освобождаются от обязывающей памяти о земле и роде, потому что в пустых словах легче спрятать нечистоту сердца.

Сейчас мы узнали, чем кончается такое «освобождение», став, кажется впервые за русскую историю, из народа населением частных людей. Слава богу, хоть всё острее, всё настойчивее начинаем чувствовать это и, может быть, однажды дозреем до пушкинского народного безмолвия, которое и есть настоящая полнота Слова как полнота Разума. И всё чаще собираясь на Пушкинский праздник, в день его рождения, в Михайловском ли, в Москве, в Петербурге, чувствуешь не свет праздника, а опасность часа, когда хочется быть вместе, чтобы сказать, что пришло время Пушкина как символа национального воскрешения, не кому-то другому, а самим себе, потому что мы и сами уже мало чем отличимы от мёртвых – так инфицирует всех зараза общего равнодушия.

Сейчас, готовясь к очередному (Господи, уже сорок третьему – и я был на всех! – как далеко! как близко!) празднику, я прочитал горький том «Последний год жизни Пушкина», а в нём – тяжелейшие последние страницы о днях, когда Александр Сергеевич умирал, приговаривая, когда его поворачивали: «Вот и хорошо! Вот и прекрасно!», хотя боль была выше человеческих сил, и на утешения уже спокойно говорил: «Не надо. Теперь уж всё». И как опять, словно впервые, заметалось сердце, когда Наталья Николаевна, ещё вчера утешавшая мужа привычно французским: «*Tu vivra*» («Ты будешь жить!»), в отчаянии кинулась «будить» отмучившегося поэта по-русски, проснувшимся русским сердцем: «Пушкин, ты жив? Ты жив?»

И вот опять как дочитаешь до последнего «Ну подымай же меня, пойдём, да выше, выше... ну, пойдём!», так и поймёшь, что это он, предчувствуя нашу беду и сиротство, нам уже кричит, чтобы и «выше», и «вместе». И смерть становится его последним собирающим нас делом.

И это воспоминание Жуковского о первых минутах пушкинской смерти, как разливалась по лицу поэта «какая-то глубокая удивительная мысль... какое-то полное, глубокое, удовлетворённое знание... выражение величественной торжественной мысли». Если бы не стыдиться великих слов (а нас отучают от них, потому что лучше нас знают, что великие слова – это зеркало великого сознания), можно было бы сказать, что это было лицо России перед Богом. И каждый его тогда таким и видел, почему и бросились к дому тысячи, чтобы ещё побыть в его свете. И кто теперь напишет в некрологе, как тог-

да Одоевский: «Солнце нашей поэзии закатилось!.. всякое русское сердце будет растерзано. Пушкин! наш поэт! наша радость, наша народная слава! неужели, в самом деле, нет уже у нас Пушкина! К этой мысли нельзя привыкнуть!»

Самое время и нам спросить себя: неужели правда нет у нас уже Пушкина, раз мы живём так, будто его нет и осталось одно опустевшее имя? Подлинно к этой мысли нельзя привыкнуть. В первые пореволюционные годы Владислав Ходасевич жёстко говорил о новых поколениях: «Необходимость учиться и развиваться духовно сознаётся недостаточно, хотя в иных областях жизни, особенно практических, они проявляют большую активность». Да уж, что до практических областей жизни, то наши молодые хищники тем наивным устроителям новой жизни дали бы куда какие значительные уроки.

Даже и в литературе, впервые ставшей отраслью лёгкой промышленности, что заставило Андрея Битова с горькой иронией заметить, что русская литература наконец стала профессиональной, то есть перестала быть русской литературой... И когда меркнет, как-то духовно обессиливается, словно испаряется, несмотря на громадные усилия организаторов удержать его высоту, Пушкинский праздник, постепенно догадываешься, что это происходит не от неловкости или равнодушия его устроителей, а оттого, что и в самой нынешней поэзии умирает голос внутренней правды. Художник уже не ставит себя «лицом к лицу с совестью», что, как отмечал тот же Ходасевич, было первой чертой Пушкина, который остро чувствовал «роковую связь человека с художником, личной участи с судьбой творчества».

Наша личная участь пасётся на других полях, не граничащих с судьбой творчества. Не потому ли мы всё больше отодвигаем его в дым слов и постепенно выводим из прямого повседневного духовного обихода, как уже отодвинули в безопасную историю литературы Державина и Сумарокова, а там Баратынского и Лермонтова, Некрасова и Тютчева и совсем вчерашних Твардовского и Смелякова. И вон уж даже и Евтушенко с Вознесенским – вполне Державин и Сумароков. Время торопится проститься с минувшим, нарочито сбив систему координат, чтобы начать мир с себя и не отвечать перед традицией. И тут – освободиться, освободиться...

Но хоть шестого-то июня, в святой день его рождения, в Троицкую родительскую субботу, не дадимся этой отвратительной «свободе»

и вспомним его в родном Михайловском как родителя нашей национальной целостности, нашего языка, нашей духовной зрелости в мировом саду народов. И может, воскликнем с Игорем Северянином, чтобы на минуту обмануть себя:

Любовь! Россия! Солнце! Пушкин! –
Могущественные слова!..
И не от них ли на опушке
Нам распускается листва?

И молодеет не от них ли
Стареющая молодёжь?..
И не при них ли в душах стихли
Зло, низость, ненависть и ложь?

К сожалению, не стихли они – низость и ложь, зло и ненависть, а только по-настоящему набирают силу и раскидываются на полсвета. И если сказать словами другого «серебряного» поэта – Георгия Иванова, то как будто:

И ничего не исправила,
Не помогла ничему
Смутная, чудная музыка,
Слышная только ему.

Но могущественные слова «Любовь! Россия! Солнце! Пушкин!», слава Богу, не торопятся исчезнуть из словаря и терпеливо ждут нашего оразумления. И сам он всё смотрит на нас не только со страниц школьных учебников, а и с каждой домашней книжной полки, чтобы поймать наш взгляд и дружески окликнуть: ну что, ребята, куда бежите?

Нам сразу не своротить историю, которая хочет «по своей воле пожить», но хоть сказать о своей тревоге с должным беспокойством за судьбу русской культуры, оказавшейся на опасном пороге, мы властны. А там потихоньку с состраданием и любовью, глядишь, и поднимем его.

И пойдём, как он просил, – «вместе». Если не выше, то хоть прямо и не теряя себя.

Савва Васильевич Ямщиков,
председатель Ассоциации реставраторов России

Прошлым летом, когда готовилось телешоу «Имя Россия», была проведена подготовительная передача «Национальный интерес». Её целью было обсудить, как лучше это шоу построить, чтобы нанести как можно меньший вред России, её именам, её истории. Я предложил Пушкина в список обсуждаемых кандидатур не включать. Как на фестивалях, когда присваивается звание «За заслуги» по совокупности. Но меня не послушали. И вы видели, что происходило. Я знал, во что выльется это обсуждение. Я знал, что Зюганов будет представлять Ленина и одновременно будет говорить, какой Достоевский хороший писатель, забыв о том, что Достоевский написал «Бесов». Я знал, что Черномырдин, вместе с Ельциным доведший нашу Россию до того состояния, в котором она сейчас находится, будет выступать «державно».

Наиболее страшным из итогов 25-летнего нашего так называемого «постперестроечного» времени я считаю то, что за это время нас заставили потерять память. С этого началась вся эта бархатная революция, которая стоила нам не меньше жертв, чем война и революция не бархатные. Помните, с чего всё начиналось? Кого они прославляли на страницах журналов? Бухарина. Бухарина, который сказал, что большевикам имя Есенина вспоминать не нужно, что если мы будем хвалить Есенина, то не дай Бог и до Тютчева «докатимся». Это было продолжение той же самой троцкистско-ленинской революции. Чего было ждать от этих подразгулявшихся ребят? «Московские новости» Егора Яковлева говорили о демократии, а он в то же время продолжал снимать 90-серийный фильм о Ленине, обобрав всё Останкино за свой сценарий. А был уже 1989 год... Уже повсюду звучали призывы к демократии – их демократии. Лиля Брик, Бухарин, прочие – социально близкие им люди.

Месяца полтора тому назад в подмосковной усадьбе в Люблино, где мы представляли книгу о русской усадьбе, у меня произошла одна встреча. Книга эта, кстати, совершенно замечательная: об усадьбах преимущественно не дворянских, а промышленников – Мамонтовых, Морозовых, Рябушинских. Там я повстречал Бориса Евгеньевича Пастернака, внука поэта, и меня потрясли его слова. Он сказал, что за последние 25 лет все усадьбы вокруг Москвы, которым посвя-

щён этот альбом, уничтожены. Я думал, что такое происходит только в Пскове, что рядом с Москвой уничтожено только Абрамцево, а оказывается, что и другие подмосковные усадьбы уничтожены.

Не буду рассказывать вам о наших бедах во Пскове. Могу сказать, что всё это делается людьми, которые хотят уничтожить не Пушкинский праздник, а нашу память. У этих людей нет совести. Они могут действовать через прокуратуру, через что угодно, но самое главное – я это официально заявляю, и не только с этой трибуны, – речь идёт о целенаправленном разрушении, целенаправленном уничтожении памятников культуры! В течение четырёх лет со страниц всех газет, по телевидению мы говорили, что Абрамцево уничтожается по специальному плану. Удар был осуществлён руками поставленного туда директором выпускника иезуитского ватиканского колледжа г-на Пентковского. Придя на царствование, он заявил: «Духа мракобеса Гоголя в Абрамцево не будет». Они уничтожали Абрамцево, и уничтожили под корешок. Мы создали общественное движение в защиту Абрамцева, провели конференцию, где выступило более 40 человек – искусствоведы, реставраторы, священники, филологи. Что через «Московские новости» нам отвечал г-н Швыдкой? «Через полгода там будет всё в порядке». Сейчас мы снимаем репортаж для Российского телевидения с Аркадием Мамонтовым. Слёзы выступают на глазах, когда видишь, во что превратилось Абрамцево, о котором Павел Флоренский в 20-е годы писал дочери Мамонтова: если будет цело хотя бы одно брёвнышко Абрамцева, Россия не умрет.

Я официально заявляю, что наш бывший министр культуры Швыдкой делал и делает всё для уничтожения нашей памяти и нашей культуры. Разве может быть министром культуры человек, который проводит провокативную программу «Культурная революция»? Её темы: «Пушкин устарел», «Музеи – кладбища культуры»... И это министр говорит об этом! Он доболтался до того, что заявил: «русский фашизм страшнее немецкого». Мы сейчас объявляем движение о привлечении его к ответственности. Уже стало гулять это выражение – «русский фашизм». В России однозначно не может быть фашизма! Россия – православная страна. Я спросил его: «Что, вам нравится немецкий фашизм? А про печи Дахау и Освенцима вы помните?» Никто ничего не слушает. Он поёт и пляшет на всех каналах. А мы продолжаем терять памятники нашей культуры.

Четыре года мы боролись за то, чтобы достойно отметить юбилей Гоголя. Нас кто-то в этой борьбе поддержал? Нас поддержал председатель Союза писателей Ганичев? Нас поддержал председатель Российского фонда культуры Михалков? Нас поддержали другие творческие союзы? Нас поддержал прежний министр культуры Швыдкой? Нет, он нас обвинил в том, что не Гоголь нас интересует, а материальная корысть. Какой может быть Пушкинский праздник в провинции, если в Москве гоголевский юбилей прошёл если не сказать страшно, то печально. Если идёт торжественное заседание в Малом театре, а одновременно дают премьеру фильма «Тарас Бульба» в кинотеатре «Октябрь» – значит, это кому-то надо. Я, как говорится, нелюбимое дитя тоталитарного режима, но я помню, как в 1952 году мы слушали по радио заседание в Большом театре по поводу 100-летия со дня смерти Гоголя. Четыре часа, и диктатор сидел всё это время на сцене. У нас это всё прошло более скромно. Один только новый министр культуры пришёл, и всё. Первый канал в этот день в программе «Время» не сказал, что сегодня юбилей Гоголя. Зато 15 минут чествовали 75-летие г-на Познера. Разве показали посвящённое Гоголю заседание в Малом по телевидению? А юбилей Жванецкого три с половиной часа транслировали. И растяжка висела в зале Чайковского – «Жванецкий – это Россия». Если Россия – это Жванецкий, то это не моя Россия. Россия – это Пушкин, это Гоголь, это Достоевский.

Президент Путин учредил свою литературную премию пять лет назад. Кто её получает? Распутин, Астафьев, Белов? Нет. Жванецкий. Что вы хотите? Вот у нас вчера был «круглый стол» в газете «Известия» по поводу музея-заповедника «Михайловское». Я сказал, обращаясь к нынешнему министру культуры, что ему надо быть 6 июня в Михайловском. Потому что не должно быть так, чтобы общероссийский праздник вывозили на своих плечах только псковичи – директор музея Георгий Николаевич Василевич и новый советник губернатора по культуре Игорь Валерьевич Гаврюшкин.

А скажите, кто у нас представляет Россию на книжных ярмарках? Одни и те же писатели: Ерофеев, Быков, Попов... У нас что, берут на эти книжные ярмарки Курбатова, Золотусского, Распутина? Нет. Они только между собой встречаются. И когда мы подписали несколько месяцев назад письмо президенту по поводу того, кому предоставляется телевидение, нам ответил г-н Лошак, редактор

«Огонька». Он написал: не дождетесь, господа, ваше время прошло, мы указываем, что главное.

Знайте, они будут уничтожать нашу культуру! Они радуются, что Псков уничтожат. Они радуются, что идут скандалы вокруг Пушкинского Заповедника. Что канала «Культура» как действительного проводника культуры нет.

Помню 4-й общеобразовательный канал в советские годы. Если там выступали люди, то только те, кто в своем деле был номером первым. Если литературоведение – Лотман, если археология – Янин, история – Рыбаков. Что такое канал «Культура» сегодня? Это «Культурная революция», это в «Апокрифе» пошлейшая болтовня Ерофеева – человека, который написал, что русская литература – это отстой, что о ней говорить невозможно. Или же абсолютно откровенно русофобская передача г-на Архангельского, в которой на вопрос газеты, почему он приглашает людей одной национальности, он ответил: «Я не виноват, что они умные». Один из его умников, выдаваемый за великого знатока древнерусского искусства, г-н Лившиц, договорился до того, что сказал о своей благодарности революции: она позволила ему увидеть подлинный лик Владимирской Богоматери и «Троицы» Рублёва. Я бы ещё две тысячи лет ждал, чтобы увидеть подлинный лик Владимирской Богоматери и «Троицы» Рублёва, но только бы не было революции, которая уничтожила сколько церквей! А сколько икон было сожжено, скольких священников казнили! Если речь заходит об опере или балете, то «Культура» показывает только спектакли западных театров. А разве дождёшься, чтобы канал «Культура» приехал осветить какую-нибудь серьёзную выставку?

Нас замучили современным, так называемым постмодерновым искусством. Всякими «пожираниями» сделанного из шоколада тела Ленина, как это делал Марат Гельман, всякими «новыми памятниками», которыми «унавожена» Москва. Вам не страшно от этих отрубленных рук, от этих «петров»? Посмотрите, во что Москва превратилась!

Нет у нашей новой «элиты», так она себя называет, совести! Они настоящую русскую культуру или ненавидят, или не знают. И если мы вместе с руководителями нашего государства и вместе с Александром Сергеевичем Пушкиным не поставим на их пути за-слон, мы канем в бездну.

Александр Леонидович Казин,
доктор философских наук,
профессор Санкт-Петербургского
государственного университета

Существуют две крайности в оценке духовного значения Пушкина – превращение его в богоборца или в образец православно-го благочестия. И то и другое неверно. Существует также смешение личной веры (или «афеизма») А.С. Пушкина и идеального смысла его создания. Нет нужды говорить, что нас интересует прежде всего второе, а именно – образ России в духовном кругозоре пушкинской музыки.

В 1823 году молодой Пушкин написал стихотворение на мотив евангельской притчи о сеятеле «Изыде сеятель сеяти семена своя»:

Свободы сеятель пустынный,
Я вышел рано, до звезды;
Рукою чистой и безвинной
В порабощенные бразды
Бросал живительное семя –
Но потерял я только время,
Благие мысли и труды...

Паситесь, мирные народы!
Вас не разбудит чести клич.
К чему стадам дары свободы?
Их должно резать или стричь.
Наследство их из рода в роды
Ярмо с гремушками да бич (II-I, 302)¹.

В историософском плане это стихотворение есть ключ к началу пушкинианы. Оно ещё более резко, чем предшествующие ему ода «Вольность» («Беги, сокройся от очей, / Цитеры слабая царица! / Где ты, где ты, гроза царей, / Свободы гордая певица?»; II-I, 45–48) или знаменитое послание «К Чаадаеву» («Товарищ, верь: взойдёт она, /

¹ Здесь и далее цитаты из произведений А.С. Пушкина, кроме случаев, оговорённых особо, приведены по: *Пушкин А.С. Полн. собр. соч.*: В 17 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1959. Номер тома и книги указан римской цифрой, номер страницы – арабской. (*Прим. ред.*)

Звезда пленительного счастья, / Россия вспрянет ото сна, / И на обломках самовластья / Напишут наши имена!»; II-I, 72), выставляет на передний план категорию свободы.

Если же при этом учесть, что Пушкин сопроводил его в письме к А.И. Тургеневу ироническим комментарием: «...я закаялся и написал на днях подражание басне умеренного демократа И.<исуса> Х.<риста>» (XIII, 79), то позволительно заподозрить, что пушкинская муза есть воплощённый либерализм, для которого важна свобода сама по себе, свобода как таковая, а всё остальное приложится...

Было бы, однако, большой ошибкой начало выдавать за конец, а хронологию путать с онтологией. Да, Пушкин начал как свободолобец, иронист и гордец, а кончил мученически – исповедовавший его священник-старик признавался потом, что он себе бы хотел такой христианской смерти. Но что самое главное – в своём искусстве, в своём слове перед Богом и народом Пушкин пришёл к совсем иным вероисповедным берегам, он буквально перешёл в другую веру. Дело при этом не следует понимать таким образом, что Пушкин отказался от своей поэтической юности («строк печальных не смываю»). Он духовно покаялся в ней, бесконечно расширил и углубил свой художественный горизонт, и это дало его поэзии такую силу, что она заслуживает названия поэтического образа Православного бытия – не больше и не меньше.

В таком плане я бы разделил поэзию Пушкина на три больших периода: до покаяния («Свободы сеятель пустынный»), эпоха самого покаяния («Евгений Онегин», «Борис Годунов») и, наконец, вершина его пути («Медный всадник», «Капитанская дочка», каменноостровский цикл). В первом периоде пушкинская лира требует свободы, гордится и любит себя – примеры мы привели выше. Мирная жизнь, смирение и покорность в это время для неё – холопство, удел которого – «умеренный демократизм», до которого нет дела певцу вольности. Однако уже здесь, в истоке пушкинианы, сквозят ноты сомнения в самодостаточности свободы, и особенно на Руси. Само желание «отчизне посвятить души прекрасные порывы» свидетельствует о том, что у свободы должен быть духовный Предмет, без которого она вырождается в свободу греха. «Познаете истину, и истина сделает вас свободными» (Ин. 8:32), – сказано в Писании, и Пушкин искал эту истинную свободу, или, лучше сказать, свободу в истине до самой смерти.

По-видимому, высшей – и одновременно наиболее отчаянной – точкой этого поиска явился роман «Евгений Онегин». Принято считать, что в романе этом Пушкин отразил трагедию русского барства («великое дворянское безделье»). Я полагаю, однако, что речь надо вести именно о таком этапе духовного возрастания Пушкина, когда он вошёл в пору покаяния в Православном смысле этого слова и в пору чуткого внимания к своеобразности своей родины – в историко-софском своём воззрении. Евгений Онегин – это дитя Петербурга, дитя Летнего сада – по существу, отвергается собственной страной в лице Татьяны, которая, хотя и «выражалась с трудом на языке своём родном», всё же сохранила верность «преданьям простонародной старины», таинству брака, сокровищу женской чести. Подобный «домострой», а точнее строгое Православное строительство семьи как малой церкви, и повергает в отчаяние Онегина. «Пусть лучше все будут несчастны, чем кто-либо будет счастлив за счёт другого», – как бы высказывает ему Татьяна сокровенную русскую мудрость. Онегин в ужасе, и в эту злую для него минуту Пушкин оставляет своего героя, как будто оставляет себя – ветхого, грешного, гордеца и сластолюбца...

Справедливости ради скажем, что петербургская родословная пушкинского героя не противоречит тому типу русского странника, который увидел в Онегине и обозначил в своей пушкинской речи Достоевский. Наоборот, двойственность петербургской культуры, одновременно наследующей и отрицающей традицию русской духовности, приводит к тому, что Онегин (как и Чацкий и Печорин) «не устаивает» своим участием жизненного торжища, где идёт борьба за власть и деньги. В этом плане Онегин – дальний родственник тех старообрядцев, которые бежали от дел тьмы, и предшественник Ильи Ильича Обломова, не встававшего с дивана из безразличности перед суетой («священная лень»). Кроме того, Пушкин проводит прямую параллель между Онегиным и Чаадаевым: «второй Чаадаев, мой Евгений...» И дело тут не только в изысканности туалета. Ведь и Чаадаев не был принят собственной страной, тоже оказался лишним человеком в ней и возвратился духом к отечеству только через «метанойю» – перемену ума.

В перерыве между работой над главами «Онегина» Пушкин пишет «Бориса Годунова» – эту драму власти без любви. Вот Иоанн Грозный был жестокий, суровый – а народ любил его, видел в нём за-

конного государя (вспомним «Песню про царя Ивана Васильевича» М.Ю. Лермонтова), тогда как Борис Годунов – безлюбовый царь, хотя и умный, и хлебосольный, и даже «демократ-западник». Более того, подозрение в убийстве царевича Дмитрия посланцами Бориса не находит фактического подтверждения – а самозванцы множатся, потому что не в эмпирических фактах тут дело, а в харизматической природе русской монархии: если уж царь – так вся Русь, помазанник Божий, а не ловкий ставленник случая или тех или иных боярских кругов... Ещё более усиливает антихристианский характер борьбы за царский венец на Руси стремление «грех грехом поправить» (выражение В.В. Розанова) – замысел Гришки Отрепьева, который и приводит в Москву поляков. Общее Православное покаяние приносит за всю Русь Пимен:

Прогневали мы Бога, согрешили:
Владыкою себе цареубийцу
Мы нарекли (VII, 21).

Так от героя к герою углублялось творческое сознание Пушкина, восходя в полноту возраста Христова. Повторяю, речь идёт здесь об объективном идеальном горизонте его поэзии, о её опорных духовных ценностях, а вовсе не о личной пушкинской судьбе. Среди этих ценностей свобода оставалась, честь оставалась, любовь к отеческим гробам и родному пепелищу оставалась, – но они пресуществились из языческих в Православные, засияли в Божьем луче, как сказал бы И.А. Ильин. Причём лично Пушкин готов был теперь идти за них на жертву – вспомним реакцию тогдашней «прогрессивной общест-венности» на его грозные патриотические стихи «Клеветникам России» и «Бородинская годовщина».

Что же касается периода послепокаянного, то жемчужинами его выступают, как я уже сказал, «Медный всадник», «Капитанская дочка» и «каменноостровский цикл» стихов.

Смысл Православного искусства состоит в том, чтобы человеческими средствами передать радость бытия с Богом («всякое дыхание да славит Господа»). Именно такой радостной вестью всё более и более становится с годами поэзия Пушкина, хотя внешне это может быть и личная трагедия, и народная драма, и экзистенциальная «заброшенность» («Маленькие трагедии»). В этом плане «Медный

всадник» и «Капитанская дочка» – это как бы эпохальная и личная грани русской жизни, сливающиеся в её религиозном преображении («каменноостровский цикл»). В поэме о Петре Пушкин являет Христианскую антиномию высшего напряжения – антиномию между соборной и индивидуальной душой России, потревоженной титанической волей властелина. Вклад Пушкина в разрешение этого противостояния выражается его приятием во всей полноте, без попытки уйти в ту или другую сторону. Говоря проще, Пушкин в своей поэме не с Евгением и не с Петром, а с Богом, который обещал нам, что в конце «смерти не будет уже; ни плача, ни вопля, ни болезни уже не будет; ибо прежде прошло» (Откр. 21:4). В «Капитанской дочке» та же, по существу, дилемма ставится уже как задача персонального выбора: либо ты с истиной (то есть идёшь царской дорогой русской истории), либо ты отщепенец и самозванец, который уже был осуждён в лице Григория Отрепьева и теперь осуждается в лице Емельяна Пугачёва («не приведи Бог видеть русский бунт, бессмысленный и беспощадный»). Собственно, в образе Пугачёва Пушкин окончательно расстаётся со своим прошлым – с демоническим соблазном воли для гения, а не для Творца... Очень характерен в этом плане сон Гринёва, где тот видит перед собой мужика с топором. «Страшный мужик ласково меня кликал, говоря: «Не бойсь, подойди под моё благословение...» (VIII-I, 288). Не сословно-партийное разделение и не титанизм короля-солнца держат Русь, а симфоническое согласие Всех с Одним и Одного со Всеми (ср. финал «Капитанской дочки»); горе ей, если это согласие поколеблется...

Г.П. Федотов остроумно назвал Пушкина певцом империи и свободы. Я думаю, он не был ни тем, ни другим. Зрелый Пушкин – это певец Христианской свободы, которая ответственна перед Богом, и это певец Православного русского Царства, которое волею судеб представляет в облике петербургской империи. В Пушкине как художнике наиболее полно воплощена одновременно русскость и всемирность петербургской культуры, её золотое и серебряное качества. В поэзии Пушкина действуют те же духовные энергии, что и в «Троице» Андрея Рублёва, но выступают они теперь в ренессансно-романтических формах, более того – самоопределяются по отношению к ним. Именно на этом скрещении духа и формы рождается «каменноостровский цикл», из которого мы приведём лишь два стихотворения. Одно из них называется «Из Пиндемонти» (1836):

Не дорого ценю я громкие права,
 От коих не одна кружится голова.
 Я не ропщу о том, что отказали боги
 Мне в сладкой участи оспаривать налоги
 Или мешать царям друг с другом воевать;
 И мало горя мне, свободно ли печать
 Морочит олухов, иль чуткая цензура
 В журнальных замыслах стесняет балагура.
 Все это, видите ль, *слова, слова, слова*.
 Иные, лучшие мне дороги права;
 Иная, лучшая потребна мне свобода:
 Зависеть от царя, зависеть от народа –
 Не всё ли нам равно? Бог с ними.

Никому

Отчёта не давать, себе лишь самому
 Служить и угождать; для власти, для ливреи
 Не гнуть ни совести, ни помыслов, не шеи;
 По прихоти своей скитаться здесь и там,
 Дивясь божественным природы красотам,
 И пред созданьями искусств и вдохновенья
 Трепеща радостно в восторгах умиленья.

– Вот счастье! вот права... (III-I, 420).

Казалось бы, тот же гимн вольности, что и двадцать лет назад, – но здесь мы встречаем нового Пушкина, «нового Адама», который понял космический замысел Бога и нашёл своё место в нём. Свобода для него теперь – не самоцель, а способ приближения к Творцу; права человека – не разрешение на грех, а возможность отказаться от суеты ради божественных красот мироздания. Более того, само лишение человека формальных прав не вызывает теперь у него ропота. Нет и тени вызова Господу – есть кротость и смирение перед Ним.

Отцы пустынноики и жены непорочны,
 Чтоб сердцем возлетать во области заочны,
 Чтоб укреплять его средь дольних бурь и битв,
 Сложили множество божественных молитв;
 Но ни одна из них меня не умиляет,
 Как та, которую священник повторяет

Во дни печальные Великого поста;
Всех чаще мне она приходит на уста
И падшего крепит неведомою силой:
Владыко дней моих! дух праздности унылой,
Любоначала, змеи сокрытой сей,
И празднословия не дай душе моей.
Но дай мне зреть мои, о Боже, прегрешенья.
Да брат мой от меня не примет осужденья,
И дух смирения, терпения, любви
И целомудрия мне в сердце оживи (III-I, 421).

Данное стихотворение, как известно, представляет собой переложение Великопостной молитвы преподобного Ефрема Сирина. Вместе с тем это есть поэтическое завещание Пушкина, итог его художнического труда. «...Семь раз упадёт праведник и встанет» (Притч. 24:16), – говорит Писание. Такими словами позволительно обозначить пушкинское начало серебряного века России – петербургского периода её истории, который начался на костях строителей невской твердыни, кончился тремя революциями, и всё же то была великая эпоха, когда Святой Руси пришлось встретиться с Западом не только на поле сражения, но и внутри собственной души¹.

Михаил Александрович Маслин,
*профессор, заведующий кафедрой истории
русской философии философского факультета
Московского государственного университета
имени М.В. Ломоносова*

Дорогие коллеги, прежде всего хочу выразить солидарность с общим направлением конференции и с теми, кто предложил термин «динамический консерватизм». Насколько я понимаю, это первое публичное выступление Института динамического консерватизма. И мне кажется, Пушкин и его юбилей – хороший повод поговорить на тему динамического консерватизма.

¹ В основу выступления на конференции легла глава «А.С. Пушкин» из кн.: Казин А. Последнее царство. Русская православная цивилизация. СПб., 1998. – Прим. ред.

Первое, что я хотел бы сделать, это поблагодарить руководителей двух крупнейших пушкинских музеев. Одного – что в Пушкиногорье. Мне доводилось участвовать в конференциях этого замечательного научного, а не только музейного заведения. Другого – Государственного музея Пушкина, в стенах которого мы имеем удовольствие работать.

Тема моего выступления, конечно, не может «уместиться» в десять минут, как положено по регламенту, поскольку она называется «Философские идеи Пушкина». Но наиболее важные акценты я хотел бы расставить.

Прежде всего, хотел бы разочаровать тех филологов (литературоведов и не только) и философов, которые искренне полагают, что русская философия – это и есть русская литература. Бытует такое литературоцентричное представление, которое является ложным пониманием, вариантом ложного понимания известного высказывания Аполлона Григорьева, что Пушкин – «наше всё». Пушкин – один из высших маяков нашей культуры, который светит в ночи и помогает нам прокладывать путь. Но заменой философии – тем более, что Пушкин профессиональным философом не был – творчество Пушкина быть не может.

Здесь другое, очень интересное в этом смысле, универсальное для нашей культуры явление имеет место. В нашей культуре, и в нашей философии в том числе, нет прямой, выстроенной линии преемственности, как, скажем, в немецкой культуре. (Кстати, немцы при общем богатстве своей философской культуры не отказываются от того, чтобы называть Гёте замечательным философом.) Поэтому специфическим отличием русской культуры не является то, что Гоголь и Достоевский рассматриваются нами как мыслители. Для нас важно то, насколько Пушкин сумел «схватить» и отразить национальные особенности русской культуры, которые позволили Достоевскому представить Пушкина как символ русской идеи.

Здесь я хочу поддержать некоторые политические моменты, которые были озвучены в остром и злободневном выступлении Саввы Васильевича Ямщикова по поводу состояния нашей культуры. Конечно, как человек, который всю жизнь связан с системой образования, я вижу, что корень большинства наших проблем именно в образовании. Те, кто работает в высшей школе, знают, что в этом году вся российская высшая школа переходит на ЕГЭ, а вступитель-

ные экзамены фактически отменяются. Это предельное выражение тупикового состояния нашего образования. Это специально выстроенный сценарий для его уничтожения – других слов здесь не найти. Это уничтожение, и в этом слове – вся соль.

Если же говорить о Пушкине, то можно увидеть очень интересный симптоматический момент, связанный с отношением к Пушкину как выразителю русской идеи в современном западном сознании. Совсем недавно, буквально каких-то 20 лет тому назад, в последние годы советской эпохи, общее отношение к русской религиозной философии на Западе было весьма покровительственным. Некоторые названия монографий сами об этом говорят, как, например, «Русская альтернатива марксизму» Дж. Патнэма.

Сейчас отношение к русской религиозной мысли коренным образом изменилось. Сейчас все осознали, что её богатства можно ещё черпать и черпать на протяжении, по крайней мере, двух-трёх поколений, поскольку у нас имеется огромный массив архивных документов, далеко не полностью изученный. Достаточно сказать, что архив Ильина, который прибыл недавно в Московский университет, насчитывает сто коробок, большая часть этого архива никогда не публиковалась. Архив отца Георгия Флоровского, правда не в натуральном, а в цифровом виде, тоже находится сейчас в Москве и так далее. И вот что получается: Пушкин, как человек, который был взят Достоевским в качестве образа всемирной отзывчивости русской культуры, оказывается во всём виноват.

В чём же он виноват? Современные западные авторы констатировали конец господства марксизма, вместе с ним уходит целая эпоха. Но то, что приходит на смену марксизму, который, в конечном счёте, является производением западной культуры, зачастую совершенно противоположно западной культуре. И идеи русской религиозной философии не органичны для Запада, они во многом враждебны Западу. В связи с этим в западном сознании произошли изменения. Вот, например, последняя книга одного из ветеранов американской русистики Дж. Скенлена называется «Достоевский как мыслитель». В ней русская идея трактуется как антисемитизм, ксенофобия, шовинизм и прочие антиидеи. И у истоков всех этих идей, по мысли почтенного американского профессора, стоит Пушкин. Он говорит о некоей вековечной тяге России к экспансии, о русском экспансионизме и возводит всё это к Пушкину. Пушкин им провозглашается

одним из виновников распространения панславизма. При этом все давно забыли, что Пушкин, естественно, к панславизму никакого отношения не имеет: панславизм – это всецело произведение западных славян – чехов, словаков, которые буквально стонали под игом Австрийской империи и простирали руки: «Россия, помоги»...

И вот получается, что в контексте общих изменений западного сознания – в отношении к русской интеллектуальной истории, и философии в том числе, – Пушкин становится символом всего не-симпатичного для западного человека. Это очень важное изменение, но оно пока не получило должного освещения в нашей научной и публицистической литературе.

Константин Михайлович Долгов,
доктор философских наук, профессор,
заведующий кафедрой философии,
политологии и культурологии
Дипломатической академии МИД России

Я очень признателен, что меня пригласили на эту конференцию, потому что не так часто приходится бывать на конференциях, которые посвящены фундаментальным проблемам нашего бытия. Прежде всего, хотел бы сказать, что я много работал и работаю в архивах и в музеях – большей частью в зарубежных, но и в отечественных тоже. И должен сказать, что музей – это не просто хранитель памяти. Музей не посвящён прошлому как таковому. Музей – это хранилище прошлого, но хранилище – обращённое в будущее. Музей – это настоящее и будущее нации, народа, государства. И в этом смысле он гораздо важнее телевидения, радио – всех средств массовой информации. Потому что музей позволяет человеку интимно, лично постигать судьбу или судьбы своего народа и других народов. Этого ничто и никогда не сможет заменить. И нельзя нам недооценивать музеи. Государство, министерство культуры, наше правительство должны уделять первостепенное внимание именно музеям, потому что они формируют миросозерцание любого человека, особенно молодых людей.

Теперь относительно нашей темы, непосредственно о Пушкине. Эта конференция организована консерваторами. Мы говорим о

творческом консерватизме, динамическом консерватизме. Я думаю, что настоящий консерватизм всегда творческий, глубокий и фундаментальный, и не надо тут никаких извинений.

По своему общему характеру политическое мировоззрение Пушкина есть консерватизм, сочетающийся, однако, с напряжённым требованием свободного культурного развития, обеспеченного правопорядком и независимостью личности. То есть в этом смысле консерватизм Пушкина проникнут либеральными, но настоящими либеральными, а не псевдолиберальными началами.

Консерватизм Пушкина складывается из трёх основных моментов. Из убеждения, что историю могут творить и творят не все и государством должны править не все, не средние люди в виде массы, а избранные великие люди, составляющие основу политической жизни. Для Пушкина также важны их забота о мирной непрерывности политического развития и отвращение к насильственным переворотам.

Современная внутренняя и внешняя политика абсолютного большинства государств является аморальной и безнравственной – мы это видим, причём не только в истории XX века, где было несколько мировых войн и множество вооружённых конфликтов. Вооружённые конфликты, войны, уничтожение миллионов и миллионов невинных людей – это картина и сегодняшнего дня.

Люди, которые вершат такую политику во многих странах, в большей своей части – малограмотные, малокультурные, малообразованные люди. Можно назвать много фамилий. Достаточно наших: Горбачёв, Ельцин и прочие, которые, действительно, ни образования не получили нормального, ни культуры не имели и не имеют. Поразительная вещь: такие люди занимаются политикой! В то время как политика – это высочайшее искусство и высочайшее призвание!

Так вот, когда мы обращаемся к Пушкину, мы видим, что он откликнулся не только на события своего времени, но и на исторические. На реформы Петра, например. Он понимал, что сделал Пётр позитивного и что – негативного. А Екатерина? Здесь вспоминали о телепередаче «Имя Россия». Считается, что Екатерина II – великая императрица. Но Пушкин ведь писал о Екатерине убийственно, причём абсолютно правильно:

«Екатерина явно гнала духовенство, жертвуя тем своему неограниченному властолюбию и угождая духу времени. Но лишив его

независимого состояния и ограничив монастырские доходы, она нанесла сильный удар просвещению народному. Семинарии пришли в совершенный упадок. Многие деревни нуждаются в священниках. Бедность и невежество этих людей, необходимых в государстве, их унижает, и отнимает у них самую возможность заниматься важною своею должностю. От сего происходит в нашем народе презрение к попам и равнодушие к отечественной религии; ибо напрасно почитают русских суеверными: может быть нигде более, как между нашим простым народом, не слышно насмешек на счёт всего церковного. Жаль! ибо греческое вероисповедание, отдельное от всех прочих, даёт нам особенный национальный характер.

В России влияние духовенства столь же было благотворно, сколько пагубно в землях римско-католических» (XI, 16–17). И так далее.

А возьмём наказ Екатерины. Пушкин, как говорится, не оставляет камня на камне от этого наказа.

Пушкин был дружен с Мицкевичем, но когда Мицкевич приехал в Варшаву, чтобы помочь польскому восстанию, возмущению Пушкина не было предела. Он понимал, что Мицкевич выдающийся поэт. Но вместе с тем он не принимал этого «моста» с западными державами, открыто это выражал.

Можно говорить о многих других политических событиях, на которые откликнулся Пушкин. О Соединенных Штатах он писал: «С изумлением увидели демократию в её отвратительном цинизме, в её жестоких предрассудках, в её нестерпимом тиранстве. Всё благородное, бескорыстное, всё возвышающее душу человеческую — подавленное неумолимым эгоизмом и страстию к довольству; большинство нагло притесняющее общество; рабство негров посреди образованности и свободы; родословные гонения в народе, не имеющем дворянства; со стороны избирателей алчность и зависть; со стороны управляющих робость и подобострастие; талант, из уважения к равенству, принуждённый к добровольному остракизму; богач, надевающий оборванный кафтан, дабы на улице не оскорбить надменной нищеты им втайне презираемой: такова картина Американских Штатов...» (XII, 104). Ведь там сейчас то же самое! Это слова против современной демократии: циничной, совершенно наглой, необразованной.

Владимир Соловьёв писал, что к Пушкину не надо ходить за политическими идеями – к Пушкину надо ходить за красотой. Я здесь

не согласен с Владимиром Соловьёвым, потому что Пушкин – это один из самых выдающихся политических мыслителей России не только того времени, но и времени нынешнего. Почему?

Тезис первый. Пушкин своим талантом, гениальностью, своими произведениями, особенно «Маленькими трагедиями», «Борисом Годуновым», о котором надо говорить особо, оказал огромное воздействие на формирование политической воли России, на всех нас. Почему сейчас, все последние двадцать лет, рушатся все реформы в России? Потому что не было и нет политической воли ни у верхов, ни у низов! А почему не было и нет политической воли? Потому что недоставало веры! А почему недостаёт веры? Потому что недостаёт культуры! А что является ядром культуры? Образование. Так значит, врагам России надо разрушить и культуру, и образование до конца. Что сейчас и делается!

Второй тезис – о Пушкине как о политическом мыслителе. Небольшое отступление: недавно я выступал на Оптинском форуме в Российской академии государственной службы при Президенте РФ. Там один из выступавших озвучил тезис: «Нам надо отказаться от русской идеи. У нас есть много других идей». Как такое возможно вообще? Так вот, об историческом и логическом восприятии Пушкина. Если теряется историческая составляющая, то страдает логическая, страдает сама мысль, сам дух народа разрушается. Я хочу ещё и ещё раз подчеркнуть важность исторической составляющей народности, важность истории, традиции...

И ещё момент. Эмпирическое и теоретическое восприятие Пушкина. Возьмите любое сочинение Пушкина. Какой там народный язык, какое живое слово! Но из этого эмпирического вырастает теоретическое – судьба и будущее народа, нации, государства.

И третье: традиция в собственных инновациях. У нас всё время болтают о всяких новациях, но где эти новации? Промышленность проваливается, сельское хозяйство влечит жалкое существование. Но если мы не будем хорошо знать свои традиции и извлекать из них нужное, никогда никаких новаций нам не видать, потому что новое произрастает именно из глубин традиции.

И ещё одно, чему учил Пушкин как политический мыслитель и как поэт. Он учил смыслу человеческой жизни. Он говорил о Боге, свободе и бессмертии души. Дело всё именно в том, что если нет Бога, то, как Достоевский писал, всё дозволено, то налицо абсолют-

ная, полная анархия. У нас затоптали в грязь все высшие человеческие ценности: истину заменили ложью, свободу рабством, любовь сексом, можно долго перечислять... Это – страшно, это убиение смысла, а убиение смысла – это убиение жизни...

Поэтому Пушкин – это действительно «наше всё» как гениальный поэт, гениальный мыслитель, в том числе как политический мыслитель. Это тот родник, к которому мы должны постоянно припадать, чтобы не сбиться с пути.

Валентин Семёнович Непомнящий,
доктор филологических наук, литературовед,
руководитель Пушкинского отдела ИМЛИ РАН

Я очень мало буду говорить о Пушкине, но не могу не сказать, что Пушкин – тот центр, вокруг которого уже два столетия вращается весь космос русской культурной жизни. Без этого центра немыслимо существование ни русской культуры, ни, тем самым, России.

Пушкин – то зерно, из которого выросла великая русская литература и культура. Он сосредоточил в себе, в своём корпусе сочинений, отчасти в своей судьбе, главные ценности нашего менталитета, систему ценностей, которой Россия жила довольно долго и благодаря чему оставалась единственной не похожей на ни какую другую страну. Россия была страной, общностью, которой, как Чаадаев сказал, определено высокое предназначение. Это так и есть, это подтвердил XX век. Что покажет XXI – посмотрим...

Я думаю, что не я один видел телепередачу, в которой преподаватель филологического факультета МГУ рассказывала о пушкинском семинаре, который она вела и в котором участвовало двадцать студентов. Разговор шёл о лирике Пушкина, и в частности о стихотворении «Я вас любил». В конце занятия она спросила у студентов, как они понимают две последние строки стихотворения:

Я вас любил так искренно, так нежно,
Как дай вам Бог любимой быть другим.

Девятнадцать человек из двадцати сказали, что это ирония. А двадцатая девочка сказала, что это насмешка...

Это катастрофа. Такого не могло быть никогда на Руси. Только сейчас, в наше время, людям становятся неведомы чувства доброжелательности, самопожертвования, благородства, – чувства, которые продиктовали вот эти строки. И мысль Пушкина здесь, конечно, не плоская, ему обидно, и он действительно считает, что никто не будет любить её так, как он. В этих словах есть некоторый укол, но, с другой стороны, он абсолютно искренне желает, чтобы та, которую он так любил, сподобилась бы такой же любви. Вот эти чувства нынешним студентам, воспитанным в 90-х годах, уже неведомы...

Другая передача – «Закрытый показ» Александра Гордона, замечательный фильм Алексея Учителя «Кавказский пленный». Очень драматичная вещь, берущая за душу. Там два наших солдата берут в плен мальчика-чеченца, ещё совсем молоденького, красивого очень, чтобы он вывел их тайными тропами... В ходе обсуждения фильма одна молодая женщина, почти девушка, сказала, что в этой ленте главное – гомосексуальная тема, хотя в фильме про это, в общем-то, ничего не было. Только человек со свёрнутыми набекрень мозгами может увидеть это как главную тему данного фильма. И таких примеров можно набрать сейчас миллионы.

У нас в России произошла и происходит ментальная катастрофа. И она не сама происходит: она делается, она организуется.

В этой связи я повторяю то, что как-то говорил уже в программе «Русский взгляд». В XX веке очень нашумел так называемый план Алена Даллеса. Мифический это был план или реальный, не важно, но это был текст, в котором излагалась система разложения и уничтожения России изнутри за невозможностью уничтожить её снаружи. И там было прописано, как развращать, как морально ослаблять общество. Там была дана скрупулёзно проработанная программа: что нужно делать, чтобы вывернуть наизнанку наши ценности, чтобы лишить нас нашей идентичности и чтобы нас, в конечном счёте, уничтожить. В этом плане, конечно, «переночевал» доктор Геббельс, который считал, что завоёванные, покорённые народы не должны иметь ничего, кроме развлекательного искусства...

Этот план Даллеса – детская игрушка по сравнению с тем, что называется у нас сегодня реформой образования. Я говорил и повторяю, что так называемая реформа образования – это преступление

национального масштаба, затеянное людьми, которые действуют умышленно или по невежеству и темноте, которые не знают или не хотят знать, что такое культура для России.

Один из моих любимых афоризмов Козьмы Пруtkова звучит так: «Многие вещи нам непонятны не потому, что наши понятия слабы, но потому, что сии вещи не входят в круг наших понятий». Вот это самое лучшее, что можно подумать о тех, кто затеял такую реформу, поскольку культура, литература, гуманитарные науки – всё это не входит в круг их понятий, без этого, по их мнению, можно обойтись.

И дело здесь не в каком-нибудь министерском «кувшинном рыле», это непонимание идёт сверху. Ведь нынешняя реформа состоит из трёх составляющих: ЕГЭ трижды проклятое, Болонская система, в которой сокращён курс фундаментального, основательного образования в пользу образования узкоспециального, и третье, самое страшное – вывод литературы из категории базовых предметов.

ЕГЭ придуман, как сказал чиновник из министерства, «для унификации подсчёта результатов». Но в области культуры унификация – это убийство. Преподаватель, вуз и школа имеют в этом случае дело не с живой личностью, а с чем-то другим.

Что касается Болонской системы. Вся русская культура выросла на том, что при всех недостатках системы образования эта система опиралась на широкую гуманитарную базу.

В 2001 году, когда президент Путин вручал мне Государственную премию в Екатерининском зале, я произнёс небольшое слово, где сказал, что уникальные русские мозги – явление не этническое либо биологическое, а гуманитарное. Та высота, та точка обзора, широта горизонта, неожиданность поворотов, свобода, которая свойственна русскому мышлению, – это всё покоится на гуманитарном фундаменте.

Не случайно Эйнштейн сказал свою знаменитую фразу: «Достоевский дал мне больше, чем математика, больше, чем Гаусс». И вот это широкое основание упраздняется или сужается в пользу узкой специализации. Что значит узкая специализация? Я много лет уже слышу, что в Америке, скажем, русист может быть специалистом по позднему Манделштаму, больше он ничего не обязан знать...

И выступая тогда, я сказал, что если мы оставим на коммерче-

ской панели выброшенную туда высокую русскую культуру, то мы очень быстро распрощаемся и с русскими мозгами.

Надо заново поставить вопрос о том, что такое культура помимо «культуры и отдыха». Надо создать концепцию культуры, чтобы было хотя бы понятно, с чем мы имеем дело. Надо иметь определённую политику в области культуры. И закончил я свою речь словами: «Я надеюсь, что это будет при вас, господин президент, иначе будет то, о чём Талейран сказал: это хуже, чем преступление, это ошибка. Мы рискуем поколением».

Не скрою, что реакция была очень интересная. Была маленькая пауза, а потом президент, мягко улыбнувшись, сказал: «Ну вот, в этот торжественный день мы получили элемент производственного совещания».

Я написал недавно письмо нынешнему президенту Медведеву и нашёл способ, чтобы оно было передано ему лично, из рук в руки. Я писал, что осуществляемая реформа образования – хуже любого нашествия, хуже любого экономического кризиса или катаклизма и что если это будет продолжаться хотя бы десять-двадцать лет, мы превратим Россию в толпу тупограмотных потребителей, невежественных, но очень лихих прагматиков и талантливых бандитов, потому что русский народ очень талантлив во всём. А единственная область, в которой останется свобода, – это будет свобода зла.

У Карамзина в «Истории государства Российского» есть такая горькая фраза: «Все думали не об истине, но единственно о пользе». Вот сейчас такое время, и эта идеология прагматизма для России – убийство. Россия не такая страна. И если уж человек стоит на большой высоте, то падать он будет очень низко. Из удивительной страны, единственной в своём роде, с самым прекрасным в мире языком, Россия превратится в то самое царство великого инквизитора, но уже на современный лад.

Это тот случай, о котором можно сказать словами Леонида Леонова: «Бывает, что на городской площади в рельсу бьют». Сейчас именно такой момент. Мы стремительно движемся к национальной катастрофе. Хотя и ползучей, но всё равно катастрофе. Необходимо какое-то движение. Нужны люди, которые понимают это, нужны деятели, организаторы. Я не организатор по своей натуре, поэтому я лично не могу ничего посоветовать, но факт есть факт. Надо спасти Россию от реформы образования.

Юрий Михайлович Лоциц,
писатель, литературовед,
секретарь Правления Союза писателей России

Сама постановка вопроса о славянофильстве Александра Сергеевича Пушкина может показаться неучливой, даже агрессивной по отношению к укоренённой в пушкиноведении традиции говорить о просвещённом европеизме поэта, да и по отношению к общеизвестному высказыванию Достоевского о «всемирной отзывчивости» Пушкина. Действительно, «всемирная отзывчивость» трудно согласуется с преобладающим и по сей день представлением о славянофильстве как о доктрине этнической замкнутости. Сам же поэт неоднократно свидетельствует о своей распахнутости всему миру, всем языкам и временам.

Можно составить список упоминаемых им народов и племён, и перечень этот неумолимо разрастётся в этнологический словарь впечатляющего объёма. Пушкин поразительно любопытен по отношению к людям самых разных языковых семей и рас. Это у него в крови, любопытство прибывает по мере роста созерцаемого им собственного генеалогического древа. В конце концов мы убеждаемся, что имеем тут дело с поистине царственным любопытством, как если бы поэт-царь в свою придворную читательскую челядь набирал не только «по всей Руси великой», а, говоря про «всяк суший в ней язык», зрел в уме да и наяву уже целую землю, вселенную.

Но «всемирная отзывчивость» вовсе не есть распыление в беспредельном. Она предполагает устойчивый центр, рабочую меру отсчёта, наконец, иерархию ценностей. Продолжив цитату из «Памятника», мы тут же и увидим, что первым в перечне языков упомянут всё же «гордый внук славян», а за ним уже «и финн, и ныне дикой тунгус, и друг степей калмык»... То есть перед нами не какая-то беспаспортная служба всему миру, не эхо, бесперебойно экранирующее любой звук. Эта «всемирная отзывчивость» изъясняется по-русски.

Ей нет нужды стесняться своего происхождения и своих естественных предпочтений.

Сегодня отовсюду слышен ропот об опасности превращения Пушкина в икону. Вполне справедливое опасение. Но тем более неуместны попытки канонизации общих мест пушкинистики XX века.

Это, в первую очередь, касается нашей «домашней» пушкинистики, с её устойчивым предпочтением всего интернационального всему национальному. К примеру, в правилах такой пушкинистики до сих пор брезгливо относиться к стихотворению «Клеветникам России», укорять поэта в реакционности высказанных в нём политических мнений о славянском мире и о западноевропейских ненавистниках России. Даже нет смысла ссылаться на кого-либо из пушкинистов той формации. Здесь в течение многих советских десятилетий почти все были заодно в защите общегуманистических ценностей от «националиста» Пушкина.

Так же, как почти все были заодно в молчании или в снисходительной рассеянности, когда приходилось упираться глазами в пушкинские тексты, посвящённые славянскому миру. Никто как-то ни разу не заметил, даже скороговоркой, что славянская тема – одна из ведущих у Пушкина, одна из доминант всего его творчества. В гигантской по количеству названий пушкинской библиографии недавно ушедшего века мы не встретим, кажется, ни одной монографии или монументальной статьи, которая бы называлась «Пушкин и славянство», «Пушкин и славянский мир», «Славянская тема в творчестве Пушкина». Пушкинистика шарахалась от пушкинского славянолюбия, как чёрт от ладана. В том числе она сквозь зубы цедила о личных симпатиях, которые связывали поэта со славянофилами первого поколения – Хомяковым, Шевырёвым, братьями Киреевскими.

Конечно, строго говоря, педантически говоря, Пушкин не был (или не успел стать) единомышленником своих приятелей-славянофилов на доктринальном уровне. Но взаимоотношения прервались именно в час, когда поэт в наибольшей степени подошёл к осмыслению идеи-образа славянского всеединства (имеется в виду начатая им работа над «Словом о полку Игореве»). Какое-то уже обозначилось тогда в воздухе знаменательное решение для Пушкина: и в отношении к Петру I, к которому он, по мере знакомства с архивами, заметно охладевал, и в отношении к западным передержкам Чаадаева, и в отношении к Западу вообще, и, наконец и во-первых, в отношении к православной домашней традиции («Отцы пустынники и жены непорочны...»).

Позволю тут себе одно сугубо личного свойства отступление. На последних курсах филологического факультета МГУ, в начале 60-х годов, я сильно увлекался поэзией и личностью Велимира

Хлебникова (хотя диплом писал по творчеству Пушкина). Однажды меня пригласил к себе домой, для более подробного знакомства, известный тогда знаток русского литературного авангарда. Наш с ним разговор о Хлебникове коснулся ранней смерти поэта, и я заметил собеседнику, что, может быть, несмотря на свои тридцать семь, Хлебников всё же вовремя умер: никак ведь он не вписывался в царство нэпманов, тогдашних «молодчиков-купчиков»...

– Да, вы правы, – быстро отозвался собеседник. – Он именно вовремя умер. – И тут же добавил: – Так же, кстати, как и Пушкин вовремя умер... А то ведь мог стать... славянофилом. Всё к тому шло.

При этих его словах я как-то весь внутренне сжался: Пушкин... у-м-е-р? Это после лермонтовского «Погиб поэт! – невольник чести... Убит! – к чему теперь рыдания... Его убийца хладнокровно навёл удар...». Оговорился мой собеседник, что ли? Или намеренно смягчил, на всякий случай, свой укор поэту, вовремя «умершему», да нет же, убитому! Убитому для того, чтобы не стал славянофилом? Вот так поворот! Получается, что он сейчас приглашает меня в соавторы своего, по сути, приговора Пушкину, – ради того, чтобы тот не стал славянофилом. И как-то сразу до меня дошло, что если он говорит сейчас так доверительно и спокойно, как о чём-то само собой разумеющемся, то, значит, это не сиюминутное откровение. Значит, так по поводу Пушкина давно обдуманно и определено. И, похоже, не одним им.

Я не отвечал на это его «вовремя умер» слишком долго, да так и не ответил, и до него, думаю, дошло, что он не найдёт в молодом собеседнике соучастника. Разговор наш как-то скис и вскоре закончился. Мы никогда больше не встречались. (Если спросят, почему не называю имя собеседника, то ведь речь не о личности, а о тенденции, живущей, увы, и по сей день.)

На ту пору я, к стыду своему, почти ничего не знал о сущности славянофильского учения. Кроме обязательного для нескольких поколений студентов-филологов минимума, состоявшего в том, что учение сие реакционно, ретроградно, консервативно, так что к нему и прикасаться-то нежелательно. И лишь много позже, лет через двадцать после той беседы, я вспомнил приговор своего собеседника Пушкину и подумал: а ведь он с этим своим приговором опоздал, промахнулся, как промахнулся и убийца Дантес. Потому что Пушкин уже был славянофилом.

Все они, кто думали так же, как он, получается, проморгали Пушкина. Потому что Пушкин был славянофилом всегда, всю свою жизнь, начиная с «Воспоминаний в Царском Селе», с «Руслана и Людмилы», со стихотворения «Дочери Карагеоргия», с замысла поэм о Вадиме и Мстиславе. Так и пошло дальше – через украинофильство Пушкина, через его «Полтаву», через дружбу с Мицкевичем, через покровительство Гоголю, через «Песни западных славян». Пушкин всю жизнь был природным славянофилом, какими были до него митрополит Иларион и Кирилл Туровский, автор «Слова о полку Игореве» и Епифаний Премудрый, протопоп Аввакум и Тредиаковский, Ломоносов и Державин, какими были при нём, Пушкине, и после него Рылеев, Грибоедов, Александр Одоевский, Языков, Дельвиг, Даль, Лермонтов, Тютчев, Некрасов... Русский поэт, если только он не отрещивается от своего природного естества, не может не быть славянофилом. Это естественное славянофильство, такое же всенепременное, как воздух, как кровь в жилах.

Это славянофильство не деклараций, манифестов и доктрин, а живого, подвижного, образного мирочувствия. Славянофильство духовных прозрений, пророческих предчувствий, а не интеллектуальных конструкций.

Нельзя не обратить внимания на то, что пророческое начало в творчестве Пушкина заметнее всего именно в его славянской тематике. Здесь поэт закладывает сюжеты и коллизии, которые вдруг обнаружат свою горячую, воспалённую злободневность через сто и более лет. Разве Иудин грех измены внутри славянской семьи (поэма «Полтава») не проступил сегодня снова в выходках самостийных президентов Украины, в церковном отщепенстве, в том, что на десятигривенной купюре новейшие мазепинцы намалевали парсуну гетмана-предателя? Разве гражданская и духовная доблесть архиепископа Георгия Конисского в защите народа белорусского от посягательств с Запада, так восхитившая когда-то Пушкина, не служит и сегодня образцом верности славянскому миру? И разве не современен укор, высказанный в стихотворении «Он между нами жил...» польскому поэту, ещё недавно другу?

Поэтическое пророчество, в отличие от предсказаний с календарными претензиями, как правило, не метит в какую-то определённую дату. Оно по духу ближе завещанию или заповеди на все времена. Таково пушкинское пророчество о славянской семье, о старом сла-

вянском споре, который нужно и можно решить только в семейном кругу, без постороннего вмешательства. Эта *семейная мысль* широко разлита буквально по всем творениям поэта, объединённым славянской темой. Она центральна и для «Полтавы», и для стихотворения об Адаме Мицкевиче, она звучит поистине программно в стихотворении «Клеветникам России», в «Песнях западных славян».

Пушкиноведение советских десятилетий методично замалчивало в пушкинском наследии его православное содержание, его русскость, его славянский дух. Особое старание было приложено к таким шедеврам поэтической публицистики, как «Клеветникам России», «Бородинская годовщина», а заодно и к «Песням западных славян». Если в связи с первыми двумя стихотворениями Пушкину, как уже было сказано, инкриминировалась реакционность, даже великодержавный шовинизм (несмотря на восторженный отзыв П. Чаадаева: «Вот, наконец, вы — национальный поэт; вы угадали, наконец, своё призвание... Стихотворение к врагам России в особенности изумительно; это говорю я вам. В нем больше мыслей, чем их было высказано и осуществлено за последние сто лет в этой стране. <...> ...вот, наконец, явился наш Дант...»), то по отношению к «Песням западных славян» широко применялась тактика иронических ухмылок. Пушкин, мол, попал тут впросак, приняв за подлинные сербские песни ловкую мистификацию Проспера Мериме, вышедшую в Париже в 1827 году, под названием *La Guzla ou choix de poesies illyriques, recueillies dans la Dalmlie etc.*» (Гузла, или Сборник иллирийских стихотворений, собранных в Далмации, Боснии, Хорватии и Герцеговине). Промах поэта не извиняло-де и то, что в предисловии к «Песням...» он огораживал себя мнением Мицкевича: «Поэт Мицкевич, критик зоркий и тонкий и знаток в славенской поэзии, не усумнился в подлинности сих песен, а какой-то учёный немец написал о них пространную диссертацию».

Нет, поэт вовсе не думает извиняться за мнимый промах. Более того, он в предисловии даёт высокую оценку изобретателю «странных сих песен» Просперу Мериме: «...острый и оригинальный писатель, автор... произведений, чрезвычайно замечательных в глубоком и жалком упадке нынешней французской литературы». А фактом переложения на русский почти дюжины песен из «Гузлы» даёт высокую оценку и их содержанию. Кроме того, он добавляет в свод «Песен...» два собственных стихотворения на сюжеты из современ-

ной сербской истории: «Песня о Георгии Чёрном» (о вожде первого сербского восстания против османского ига Карагеорги) и «Воевода Милош» (вождь второго восстания). Наконец, добавляет сюда же и два перевода, сделанных на основе фольклорных публикаций сербского просветителя Вука Караджича. В итоге в «Песнях западных славян» все составляющие, несмотря на свою разнородность и разновременность, так гармонично согласованы, так дополняют, взаимонасыщают друг друга, что рождается совершенно органичный поэтический образ всего славянского мира, а не только «западного» (либо, что было бы географически точнее, южного).

О жизненности этого пушкинского образа говорит страшная достоверность исторических прозрений, наполняющих «Песни...», – прозрений, уже востребованных и подтверждённых жестокой явью XX и самого начала XXI века. Залитая кровью «по щиколотку» православная церковь в «Видении короля» – что это как не сербские храмы, в которых во время Второй мировой войны хорватские и мусульманские усташи устраивали массовые заклятия местного православного населения? Жуткий вурдалак в балладе «Марко Якубович» – что это как не зловещее видение «нового мирового порядка», устроившего под самый конец XX века образцово-показательное кровопускание рассечённому несправедными границами сербскому народу? И разве не к нынешним сербам, насильственно вытесненным из своего прародительского Косово, обращается пушкинский воевода Милош:

Долго ль вам мирволить янычарам?
Долго ль вам терпеть оплеухи?

Хочу повторить: славянская тема в творчестве Александра Пушкина ещё ждёт своего будущего исследователя. В такой чаемой суммирующей работе отдельными главами могли бы стать творческое соревнование малороссийских сюжетов у Пушкина и Рылеева, не убывающий с годами интерес поэта к словарным и филологическим публикациям серба Вука Караджича, драматические подробности взаимоотношений Пушкина с Мицкевичем, классификация обширной славянской составляющей в личной библиотеке поэта, наконец, и богатейшая рефлексия его произведений в творчестве известных поэтов и прозаиков XIX века, принадлежащих к разным славянским народам Европы.

Могут сказать: уж сейчас-то время самое неблагоприятное для таких обязывающих исследований. Не скажу про время. Сам Пушкин благоприятен всегда¹.

**Наталья Ивановна Михайлова,
доктор филологических наук,
академик Российской академии образования,
заместитель директора Государственного музея
А.С. Пушкина по научной работе**

Изучение жизни и творчества А.С. Пушкина в широком контексте истории, литературы, культуры и быта его времени может очистить его образ от публицистической, идеологической, сиюминутной шелухи. Что же касается духовного возрождения России, то нет необходимости вновь признавать давно признанную и несомненную в этом великом деле роль Пушкина, заключённых в его слове нравственных и эстетических ценностей. В России одиннадцать, а если говорить о филиалах, то более двадцати музеев Пушкина. И это ещё одно свидетельство востребованности Пушкина сегодня. Однако, на мой взгляд, научный, образовательный и воспитательный потенциал пушкинских музеев востребован ещё далеко не в полной мере.

В своём выступлении я хочу рассказать о сотрудничестве Государственного музея Пушкина с учреждениями Русской Православной церкви. Оно началось сравнительно недавно, в 2000 году, но уже есть достойные результаты.

В 2000 году по благословению Патриарха Московского и всея Руси Алексия II наш музей работал над выставкой «Пушкин и Филарет, митрополит Московский и Коломенский». В выставке при-

¹ Оpubл.: Москва, июнь 1999. Из литературы по теме, заявленной автором, см.: А.С. Пушкин и мир славянской культуры: (К 200-летию со дня рождения поэта) / Ин-т славяноведения РАН. М., 2000. 276 с.; *Слинько А.* «Русская идея» в мировосприятии и творчестве А.С. Пушкина // Филол. записки: Вестн. литературоведения и языкознания. Вып.12. Воронеж, 1999. С. 31–39. Библиогр.: 20 назв.; *Ходукина Т.* Национальный образ мира в поэзии А.С. Пушкина Лекция. М., 1999. 49 с. Библиогр.: 35 назв.; *Хорев В.* Пушкин и славянские литературы // Славянский альманах, 1999. М., 2000; *Кошелев В.* Пушкин и Хомяков // Временник Пушкинской комиссии / АН СССР. ОЛЯ. Пушкин. комис. Вып. 21. Л., 1987 и др. – *Прим. ред.*

няли участие одиннадцать музеев, архивов и библиотек Москвы и Санкт-Петербурга. Были собраны и экспонированы уникальные материалы. Из всероссийского музея Пушкина в Петербурге впервые в Москве были представлены личные вещи поэта: его жилет, цилиндр, трость с аметистовым набалдашником. Венцы, в которых венчался Пушкин, были предоставлены музеем Кремля. Здесь были автографы святителя, большинство из которых впервые были включены в научный и культурный оборот, прижизненные издания Пушкина и митрополита Филарета, иконы XVII, XVIII, XIX веков, всего не перечислишь. Но вряд ли выставка могла бы состояться без участия церковно-археологического кабинета Московской духовной академии и семинарии, предоставивших прижизненные портреты святителя, его личные вещи: чётки, пояс, скуфью, митру, орлец.

Это были не просто экспонаты, это были святыни, переданные на время выставки в наш музей. Благодаря уникальным материалам, представленным в экспозиции, нам удалось вызвать интерес наших посетителей к диалогу Пушкина и митрополита Филарета, сделать их соучастниками в нашем размышлении о высоком нравственном смысле, заключённом во взаимоотношениях первого поэта России с иерархом РПЦ. Главными же экспонатами стали слово Пушкина и слово святителя Филарета.

Позволю себе привести лишь один пример из того исторического урока, преподанного нам поэтом и проповедником. В «Капитанской дочке» Пушкин высказал суждение о том, что лучшие и прочнейшие изменения в судьбе – те, которые происходят от улучшения нравов, без всяких насильственных потрясений. Это суждение Пушкина близко к тому, что говорит святитель Филарет в одном из своих писем. Вслушайтесь в слова святителя, мне кажется, что они очень актуальны именно сегодня: «Усиленное стремление к преобразованиям, неограниченная, но неопытная свобода слова и гласность произвели столько разнообразных воззрений на предметы, что трудно между ними найти и отделить лучшее и привести разнообразие к единству. Нужно осторожно, как можно менее трепать то, что стоит, дабы строение не превратить в разрушение. Бог да просветит тех, кому суждено из разнообразных мнений извлечь твёрдую истину».

Мы имели возможность видеть, как посетители переписывали тексты Пушкина и святителя Филарета. Это позволяло нам надеяться, что, побывав на выставке, они обратятся к книгам Пушкина и

святителя, прочтут их, и это было для нас главным итогом нашей работы.

В 2003 году нам удалось издать альбом-каталог выставки «Пушкин и Филарет, митрополит Московский и Коломенский». Это научное издание стало значительным событием культурной жизни рубежа XX–XXI веков. Существенно, что в альбом были включены материалы научной конференции «Пушкин и духовная культура его времени», которая была организована Государственным музеем Пушкина и Московской духовной академией в феврале 2001 года в Москве и Сергиевом Посаде. В конференции приняли участие историки, филологи, архивисты, музейные работники, учёные-богословы из Сергиева Посада, Москвы и Санкт-Петербурга, Саратова, музея-заповедника «Михайловское», музея-усадьбы «Астафьево». Работу конференции в стенах Московской духовной академии открыл ректор академии архиепископ Евгений (Верецкий), приветствовавший углублённое изучение православных основ русской культуры. В Государственном музее А.С. Пушкина с приветствием к участникам конференции обратился директор музея Евгений Богатырёв.

Выставке «Пушкин и Филарет, митрополит Московский и Коломенский» была суждена долгая жизнь. В ином варианте она была экспонирована в Церковно-епархиальном музее Самары. С просьбой об этом к нам в 2006 году обратилась директор этого музея Ольга Ивановна Радченко. В Самаре мы работали под патронажем владыки Сергия, архиепископа Самарского и Сызранского. Выставка получила большой общественный резонанс, её широко освещали в печати, на радио и телевидении. Наше сотрудничество с Самарой продолжается. В прошлом, 2008 году по приглашению владыки Сергия сотрудники Государственного музея А.С. Пушкина приняли участие в научно-практической конференции «Православные ценности в современном мире». Сегодня мы ведём переговоры с Церковно-епархиальным музеем Самары о совместной работе над созданием выставки «1812 год. Слово церковного проповедника».

В 2008 году началось наше сотрудничество с Московским подворьем Свято-Троицкой Сергиевой лавры. В ознаменование 400-летия подворья в нашем музее пришло три вечера, где выступали замечательные хоровые коллективы, звучали церковные песнопения. На подворье был подготовлен и проведён вечер, посвящённый Пушкину и митрополиту Филарету. Вместе с настоятелем подворья

игуменом Дионисием мы планируем создать на подворье выставку, рассказывающую о святителе Филарете. Мы предлагаем включить подворье в экскурсионный маршрут по пушкинской Москве – ведь Пушкина связывает с ним не только то, что там жил и окончил земную жизнь святитель Филарет, но и то, что храм подворья, церковь Живоначальной Троицы, была в приходе деда Пушкина, Льва Александровича Пушкина. Там крестили отца поэта, Сергея Львовича, и его дядюшку, Василия Львовича. Там Василий Львович Пушкин венчался.

Одним словом, наше сотрудничество с учреждениями РПЦ – это не слова, а дела. Это пусть небольшой, но реальный вклад в большое общее дело. При этом мне хотелось бы особо подчеркнуть – я глубоко убеждена в этом! – что объединение деятелей и учреждений науки, искусства, образования, культуры с РПЦ может сегодня содействовать духовному возрождению России.

Вадим Петрович Старк,
доктор филологических наук,
профессор Санкт-Петербургского института
телевидения и дизайна, главный редактор журнала
«Художественный вестник»

Всё, о чём мы с вами говорили и будем говорить дальше, сводится, на самом деле, к одному: прежде всего Пушкин – первый национальный поэт. Он аккумулирует Россию.

Когда-то Жермена де Сталь, гонимая Наполеоном, в своей записке о России писала, что Россия ещё не имеет оригинальной литературы, но необычайные происшествия нашего времени обещают появление в России национального гения. Таким образом, замечательная французская писательница предсказала появление в России национального гения. Им стал Пушкин. В первом некрологе в Париже на смерть Пушкина национальный поэт Польши Адам Мицкевич очень точно выразил, что же такое национальный поэт – всего в нескольких словах: *выразитель устремлений нации своей*. И совершенно не важно, что Пушкин, национальный поэт России, никогда не покидал Россию, а Мицкевич, первый национальный поэт Польши, никогда не был в Польше. Суть не в том, где ты жил, а в том, что ты сделал.

Я бы хотел ограничить тему своего выступления тезисом, не вписывающимся, казалось бы, в общую тему: что есть дворянство. Дворянство в контексте политических воззрений Пушкина я бы обозначил как основополагающую идею – если уж мы говорим о ведущей идее – от рождения и до смерти. Пушкин родился дворянином и стал невольником чести: выйдя к барьеру, он закончил свою жизнь.

Осознал это Пушкин довольно-таки рано, ещё до окончания лица, вступая в жизнь, начиная своё творчество, когда написал: «Равны мне писари, уланы, / Равны Законы, кивера, / Не рвусь я грудью в капитаны / И не ползу в ассессора...» (I, 259). Капитанский чин в армии, ассессорский в гражданской службе давал их носителям права на дворянство. Пушкину это было не нужно. Пушкин был родовой дворянин.

У него в сказке: «не хочу быть чёрною крестьянкой, хочу быть столбовою дворянкой». Нельзя стать столбовою дворянкой, ею надо родиться.

Петровское время положило конец старому дворянству, и началось дворянство новое, началось расслоение. Старое дворянство, по мысли Пушкина, становится источником революционных потрясений. Он писал, что в России нет третьего сословия, которое во Франции сделало революцию. Род третьего сословия у нас – обнищавшее дворянство, то есть то, к которому принадлежал он сам. Он иронично может рассказать свою родословную, вспомнив, что предки служили ещё Александру Невскому, другим государям. Пушкин выбирает ключевые моменты русской истории и везде отмечает гонимость. Они гонимы, – Пушкин даже немного преувеличивает, насколько они гонимы. Для него это идея, концепция: «они гонимы во все времена, гоним и я».

Тезис о старом и новом дворянстве, слова Пушкина о том, что «нова рождением знатность». В конечном итоге и в своих размышлениях – прозаических, поэтических, эпистолярных – он всегда выступал с позиции старого дворянства. Кстати, эту позицию хорошо отметил Лермонтов. Я сейчас не про невольника чести, а по поводу противников Пушкина, – это всё представители нового дворянства, такой новой чиновной бюрократии, ничтожные потомки прославленных людей: Меншиков, Нессельроде, Безбородко и так далее. Лермонтов отсюда суть изымает, когда пишет: «А вы, надменные потомки известной подлостью прославленных отцов». Обычно под-

лость здесь трактуют как подлость нравственную. Нравственная подлость здесь тоже имеет место, но в данном случае слово «подлость» ещё означает из «подлого люда». Это социальная категория, это другая значимость.

По поводу Пушкина не нужно никаких споров. Он выразитель идей: и ваших, и моих, и одного, и другого, и третьего человека, – а иначе он не был бы национальным поэтом. Пушкин, сын своих родителей, Сергея Львовича и Надежды Осиповны, родился в Москве. Пушкин – поэт, романтик – родился в Царском Селе, Пушкин – национальный поэт России – родился в деревне – в псковском Михайловском.

В этом смысле можно припомнить слова Пушкина: «Петербург прихожая, Москва девичья, деревня же наш кабинет. Порядочный человек по необходимости проходит через переднюю и редко заглядывает в девичью, а сидит у себя в своём кабинете» (VIII-I, 52). Вот пушкинское ощущение, короткое понятие России и расстановки приоритетов.

Эдуард Анатольевич Попов,
доктор философских наук,
доцент Южного федерального университета

Мне бы хотелось поговорить о тернистом пути, который русский дворянин А.С. Пушкин прошёл от революционного романтизма к охранительству русских начал.

Недавние юбилеи Николая Васильевича Гоголя и Александра Сергеевича Пушкина по-новому высвечивают значение этих величайших поэтов как глубоко национальных гениев. Приятие или неприятие их творчества и жизненного пути служит идеальной лакмусовой бумажкой для определения мировоззренческой и идеологической характеристики российского общества. И если в отношении Гоголя вердикт вынесен окончательно и автор «Тараса Бульбы» и «Выбранных мест из переписки с друзьями» заклеимён как реакционер, то в отношении Пушкина приговор либеральной историографии пока не столь однозначно суров.

Итак, творчество Пушкина, как и творчество Гоголя, Тютчева, Достоевского, содержит в себе политическое измерение. Пушкин

вместе с Карамзиным и Жуковским открыл плеяду русских художников-консерваторов. Являя собой, по образному выражению Г.П. Федотова, певца империи и свободы, он стал одним из первых глашатаев русского консерватизма, продолжив линию своего духовного и идейного предшественника и учителя Николая Михайловича Карамзина. Линию не только историософскую, развитую, прежде всего, в драматических произведениях, но и политическую. Бывшего масона и поклонника Робеспьера Карамзина «перевоспитало» глубокое исследование русской истории: его «Записка о древней и новой России» (1811) – политическая квинтэссенция «Истории государства Российского» – стала первым документом русского консерватизма.

Позволил себе небольшое терминологическое отступление.

Идеология консерватизма, в том числе русского консерватизма, являет собой противоречивое явление и обладает дуалистической природой. Это можно назвать парадоксом консерватизма. С одной стороны, консерватизм стоит на защите «средневековых» духовных и культурных ценностей, защищает «средневековый» же государственный и общественный идеал – не в том смысле, что он идеализирует социальные институты Средневековья, а в том, что он разделяет его мировоззренческий и общественный идеал. С другой стороны, идеология консерватизма, как и всякая идеология, являет собой порождение Нового времени и использует язык рационализма.

С окончанием Русского средневековья появляются предпосылки для возникновения русского консерватизма. Однако в течение продолжительного периода, до начала XIX столетия, он находился в эмбриональном состоянии – в виде так называемого предконсерватизма (термин известного исследователя консервативной мысли В.А. Гусева). «Общепризнано, – отмечает исследователь в своей работе «Русский консерватизм: основные направления и этапы развития», – что консерватизм, в том числе и русский, начал принимать форму политической идеологии в конце XVIII – начале XIX столетия. Однако, как и любой другой крупный идеологический феномен, он имел свою предысторию, опираясь на идеи мыслителей предшествующих веков». Предконсерватизм, считает исследователь, представляется в виде «совокупности идей, послуживших опорой для

классических консерваторов». Хронологические рамки русского предконсерватизма В.А. Гусев определяет X – концом XVIII века. На мой взгляд, предложенная автором начальная дата нуждается в пересмотре.

Консерватизм, используя терминологию А. Тойнби, является защитной оболочкой духовного ядра. Следовательно, консерватизм не есть традиция, он то, что охраняет традицию – духовную культуру и общественно-политический строй народа. Предконсерватизм мы определяем как фазу своего рода эмбрионального развития консерватизма, предшествующую собственно становлению консервативной идеологии.

В научной литературе принято относить зарождение русского консерватизма к концу XVIII века, а в качестве первого документа этого интеллектуально-политического направления называть знаменитую записку князя М.М. Щербатова «О повреждении нравов в России». Однако щербатовский труд не может быть отнесён к «зрелому» этапу развития русского консерватизма, являясь, скорее, морализаторским трактатом, в котором основное внимание уделяется порицанию роскоши петербургского двора и русской аристократии екатерининского времени. Немецкий социолог К. Мангейм определяет подобную рефлексию как традиционализм, безыдейную фазу развития консерватизма.

Именно в карамзинской «Записке» русский консерватизм впервые предстаёт в роли полноценной политической идеологии, являет собой развитую идейно-теоретическую рефлексию, тогда как в творениях предшественников консерватизм ещё не перерос наивно-эмоциональной фазы своего отрочества.

Политическая программа Пушкина не столь фокусирована. Её фрагменты содержатся и в многочисленных стихотворениях, и в драматических произведениях, в переписке, беседах с самодержцем Николаем I и современниками и в блестящих, но, увы, малоизвестных даже читающим людям «Table-talk» и «Путешествии из Москвы в Петербург».

В «Стансах», написанных в конце 1826 года и являющих собой политико-поэтическое послание к Николаю I, представлена, пожалуй, квинтэссенция этой программы в виде апологии со знаменитым предком молодого императора:

Самодержавною рукой
Он смело сеял просвещение,
Не презирал страны родной:
Он знал её предназначенье.

То академик, то герой,
То мореплаватель, то плотник,
Он всеобъемлющей душой
На троне вечный был работник.

Семейным сходством будь же горд;
Во всём будь пращуру подобен:
Как он неутомим и твёрд,
И памятью, как он, незлобен (III-I, 40).

Речь, как мы видим, идёт о контурах консервативной, местами даже реакционной, программы. Как Карамзин, а позднее Гоголь обосновывали опасность несвоевременного и неподготовленного освобождения крестьян от крепостной зависимости (лекарство, как показала история, оказалось страшнее болезни), так и Пушкин, едва ли не единственный из русских, увидел опасность в секуляризации царской власти.

По известному признанию поэта, он едва не единственный, кто пожалел о смерти «реакционера» графа Аракчеева, оболганной и недооценённой фигуры русской истории первой четверти XIX века, выдающегося государственного мужа, личности более глубокой, чем прославленный в либеральной историографии революционный реформатор Сперанский.

А.С. Пушкин являлся самой яркой звездой в созвездии русских гениев. Но вместе с тем он был, исходя из конкретизирующей логики консервативного стиля мышления, представителем своей эпохи, своего класса (сословия), своей страны. Как человек исторического времени Пушкин сформировался в отсвете блестящих побед екатерининского времени и на фоне победоносной Отечественной войны 1812 года и заграничных походов русской армии. Как социально укоренённая личность он был плотью от плоти дворянского сословия, потомком старинного столбового рода:

Мой предок Рача мышцей бранной
Святому Невскому служил;
Его потомство гнев венчаный,
Иван IV пощадил.
Водились Пушкины с царями;
Из них был славен не один,
Когда тягался с поляками
Нижегородский мещанин (III-I, 262).

Но значение гения – в способности подниматься выше своего исторического времени и становиться над заблуждениями своего социального слоя. Как и все практически русские консерваторы первого ряда, за единственным, пожалуй, исключением Алексея Степановича Хомякова, Пушкин пришёл к охранительству (прямой перевод французского термина «консерватизм») через увлечение либеральными (точнее – революционно-романтическими) идеями. В этом он был не одинок: подавляющее большинство русской интеллигентной молодёжи того времени страдало тем же недугом.

Значительные слои русского дворянства (главным образом высшая его часть, аристократия) находились под интеллектуальным влиянием западных модернистских идей, экспортируемых в Россию на протяжении всего петербургского периода. Именно эти слои дворянства дали тот известный социальный тип, высшим представителем которого стал лишний человек (начиная с пушкинского Евгения Онегина и Грибоедовского Чацкого), а низшим – «внутренний эмигрант», первым литературным воплощением которого стал фонвизинский Митрофанушка. Определение этому широко распространённому дворянскому типу дал в «Дневнике писателя» Ф.М. Достоевский: «В полтора года жизни предыдущей жизни русского барства за весьма малыми исключениями истлели последние корни, расшатались последние связи его с русской почвой и с русской правдой».

Пожалуй, не будет большим преувеличением сказать, что всякий выдающийся и самостоятельный русский ум консервативен и отмечен политической враждою к Западу. Н.А. Бердяев в своё время правильно сказал, что русское западничество – это провинциальное явление.

Во всей русской литературе нет более ёмкой формулы русской внешнеполитической программы (читай: антизападничества), чем в знаменитом и очень современном пушкинском стихотворении «Клеветникам России»:

О чём шумите вы, народные витии?
Зачем анафемой грозите вы России?
Что возмутило вас? волнения Литвы?
Оставьте: это спор славян между собою,
Домашний, старый спор, уж взвешенный судьбою,
Вопрос, которого не разрешите вы.

.....

Оставьте нас: вы не читали
Сии кровавые скрижали;
Вам непонятна, вам чужда
Сия семейная вражда;
Для вас безмолвны Кремль и Прага,
Бессмысленно прельщает вас
Борьбы отчаянной отвага –
И ненавидите вы нас...

За что ж? ответствуйте: за то ли,
Что на развалинах пылающей Москвы
Мы не признали наглой воли
Того, пред кем дрожали вы?
За то ль, что в бездну повалили
Мы тяготеющий над царствами кумир
И нашей кровью искупили
Европы вольность, честь и мир? (III-I, 269–270)

Пушкинские строки сегодня мало понятны нашей западнизированной правящей «элите», ещё больше – «элите» умственной. В этом отношении политический инстинкт народа является более верным политическим компасом. Большинство нашего общества поддержало по-настоящему патриотический акт нашей верховной

власти, чтобы дать отпор одновременно и западному оружию, и лицемерным «народным витиям» в августе 2008 года. Большинство «образованного» общества, современные митрофанушки, предали свою страну...

Дворянство на протяжении XVIII и большей части XIX столетия фактически являлось синонимом русского образованного общества – интеллигенции. Русское дворянство, ставшее привилегированным сословием благодаря реформам Петра I и особенно его преемников, в значительной мере стало апофеозом беспочвенности, нацией внутри нации или малым народом. В сословном самосознании русского дворянства присутствовал дуализм: в нём были заложены и консервативные, и модернистские ценности. Последние проявлялись в идее политических прав дворянского сословия, а позднее развились в идею конституционной монархии.

В известном отрывке очень едко высказано пушкинское презрение к идее «народовластья», которое ещё не превратилось в удобное прикрытие диктатуры «нового дворянства» – денежной олигархии:

Не дорого ценю я громкие права,
От коих не одна кружится голова.
Я не ропщу о том, что отказали боги
Мне в сладкой участи оспоривать налоги
Или мешать царям друг с другом воевать;
И мало горя мне — свободно ли печать
Морочит олухов, иль чуткая цензура
В журнальных замыслах стесняет балагура:
Всё это, видите ль, *слова, слова, слова*.
Иные, лучшие мне дороги права;
Иная, лучшая потребна мне свобода:
Зависеть от властей, зависеть от народа —
Не всё ли нам равно? Бог с ними (III-I, 420).

Консервативные симпатии русского дворянства в значительной мере носили стихийный характер. По терминологии К. Манхейма, дворянский консерватизм правильней назвать традиционализмом, не-сознательным консерватизмом. Лишь у немногих дворянских интеллектуалов консерватизм обретает форму идеологической

программы, перерастает незатейливую, хотя и глубокую, формулу охранения существующего миропорядка. У Карамзина русский консерватизм становится идеологией, которая отстаивает универсальные, вечные ценности. Того же рода и консерватизм Пушкина. Не являясь идеологом в узком смысле, А.С. Пушкин был одним из самых глубоких политических мыслителей России. Возможно, мы не ошибёмся, назвав три имени в одном ряду – Николай Михайлович Карамзин, Александр Сергеевич Пушкин и Константин Николаевич Леонтьев.

«По общему своему характеру, – говорит веховец Семён Людвигович Франк в известной работе «Пушкин как политический мыслитель», – политическое мировоззрение Пушкина есть *консерватизм*, сочетающийся, однако, с напряжённым требованием свободного культурного развития, обеспеченного правопорядка и независимости личности, – т.е. в *этом смысле* проникнутый *либеральными* началами»¹. Характеристика несколько поверхностная, отводящая категорию порядка к «ведомству» консерватизма, а свободы – к монополии либералов. На самом деле внутренне свободная личность, – а именно апологией такой личности занимался Пушкин – это главный элемент философской антропологии консерватизма. Гуманизм же либералов выражался в защите прав индивида, существа по определению политического, а не духовного.

В этой центральной для Пушкина идее он выступает преемником Карамзина, который также ставил духовное образование выше политической эмансипации. Не права единственного в штирнеровском понимании анархически свободного (от общественных связей и морали) индивида, а достоинство и честь социально укоренённой личности, осознающей историческую связь с родиной и сословием, – вот квинтэссенция пушкинской, сугубо консервативной по своему характеру политической антропологии. В цитируемой работе Франка верно отмечено отсутствие у Пушкина дилеммы «свобода – (сословно-монархическая) власть». Уточню лишь в этой связи, что сословную монархию Франк противопоставляет цезаризму.

¹ Приведено по: *Франк С.Л.* Пушкин как политический мыслитель // Пушкин в русской философской критике: Конец XIX — первая половина XX в. М., 1990. С. 412. – *Прим. ред.*

Нет, я не льстец, когда царю
Хвалу свободную слагаю:
Я смело чувства выражаю,
Языком сердца говорю.
Его я просто полюбил:
Он бодро, честно правит нами;
Россию вдруг он оживил
Войной, надеждами, трудами.

.....

Я льстец! Нет, братья, льстец лукав:
Он горе на царя накличет,
Он из его державных прав
Одну лишь милость ограничит (III-I, 89–90).

Характерно, что сущность монархии также раскрывается Пушкиным через идею личности и понимается как бремя индивидуальной совести за вверенную Богом власть над народом. Едва ли во всей мировой литературе найдётся более глубокое раскрытие этой темы, чем в нарисованном Пушкиным образе мятущегося Бориса Годунова, пусть даже историческая канва трагедии царя-детоубийцы, вероятнее всего, не соответствует действительности.

Сословные предания, укоренённые в православной традиции и ведущиеся из допетровской Руси («бояр старинных я потомок»), – вот источник подобного понимания свободы человеческой личности и человеческого достоинства Пушкиным («внутренней свободы», по терминологии славянофилов), а никак не модные конституционные идеи конца XVIII столетия. Недаром эпитафией для «Капитанской дочки» выбрана русская пословица «Береги честь смолоду». Русский дворянин – гражданин мира и русский дворянин – представитель служилого слоя Русского государства – вот спор двух частей сословного и исторического сознания, который получил воплощение и разрешение в творчестве и личности Пушкина и завершился победой отеческой старины, «любви к отеческим гробам».

Пётр Вячеславович Калитин,
доктор философских наук,
профессор Государственного университета управления

В случае с Пушкиным мы имеем дело, может быть, с самым великим соблазном в русской культуре в том смысле, что каждый, как сегодня правильно говорили, от младенца, слушающего колыбельную, сказку, и до человека, уже пожившего и повидавшего многое, каждый с Пушкиным запанибрата. Помните, знаменитое, хлестаковское: «с Пушкиным на дружеской ноге». Но не будем забывать – особенно в год 200-летия Гоголя, – что Иван Александрович Хлестаков не самый лучший персонаж в русской литературе, если не сказать, что едва ли не самый эффектный бес...

Ситуация «с Пушкиным на дружеской ноге» у каждого из нас порождена его такой вроде бы простотой, такой понятностью. Причём простотой, направленной как бы на нас, и, соответственно, стимулирующей в нас простоту и понятность. Говоря непосредственно о причинах этого соблазна, как ни парадоксально это звучит, этого помрачения русской культуры, заклятия Пушкина, я хотел бы ещё раз подчеркнуть, что поэт действительно постоянно провоцировал на простоту, постоянно провоцировал на какую-то однозначность в восприятии. И в этом плане с успехом можно было бы развернуть прекрасный академический доклад на тему либерализма Пушкина так же, как сегодня вы слышали доклады по поводу его консерватизма.

Можно развернуть и прекрасный академический доклад на тему «Пушкин – националист». И с таким же успехом можно развернуть академический доклад с привлечением массы цитат и источников, скажем, на тему «Пушкин – космополит». Можно привлечь массу источников и создать доклад «Пушкин – великий русский писатель, оригинальнейший русский писатель». Я напомним, что когда Иван Сергеевич Тургенев попытался перевести для Мюссе Пушкина на французский, то Мюссе, ничтоже сумняшеся, прямо сказал: «Я вас, русских, не понимаю, это же наш писатель, французский». То есть русский Пушкин на французском звучал для Мюссе вполне родным и был понятным. Хотел бы ещё раз подчеркнуть: все будут правы с этими совершенно противоположными установками. И в этом, повторяю, заключается главный соблазн Александра Сергеевича

Пушкина. А вот попытаться действительно задуматься над неоднородностью пушкинского гения – подобных попыток, подобных трудов я, к сожалению, не знаю.

Теперь мне хотелось бы непосредственно перейти к своему выступлению, заявленному в программе так: «А.С. Пушкин и Филарет Московский». Я бы хотел подчеркнуть, что буду говорить только об одном из её аспектов – об отношении святителя Филарета и А.С. Пушкина к Петру Великому. Сразу скажу, что отношение к Петру их объединяет. И это при том, что у Пушкина был свой взгляд на Петра. Я не собираюсь пересказывать его, только отмечу, что в «Истории Петра», которую, как известно, Пушкин не закончил, он остановился на мысли о двойственном лице Петра, что не преминул подчеркнуть первый издатели собрания сочинений Пушкина Пётр Васильевич Анненков. И затем уже Филарет – я цитировал это в своей книге – прямо написал, что «сердце царево в руце Божией было», когда тот, в частности, в 1724 году выпускал свой самый, казалось бы, антиправославный и скандальный указ «О монашестве».

У Филарета есть несколько проповедей о монашестве, посвящённых преподобному Сергию, где, если убрать безусловно проповедническую тональность, можно прямо вспомнить петровские мотивации по поводу того жёсткого указа. Это связано, прежде всего, с деградацией монашеского звания в силу лёгкости пребывания в нем, лёгкости этой среды в петровское время, и эта опасность была ясна Филарету. То же самое было и со Священным Синодом, о чём говорили не однажды русские мыслители, и именно Филарету принадлежит знаменитая фраза о том, что духовная коллегия была провинциальным образом превращена в Священный Синод.

Сказанным я хочу подчеркнуть, что и Филарет принимал Петра тоже как человека и царя двойственного, тоже, если хотите, через призму равнозначного наличия противоположных качеств. Здесь я лично для себя давно ощутил эту, с моей точки зрения, очень продуктивную, очень креативную пульсацию. Через эту призму антиномизма и расставляются точки над «i». В том числе и у Пушкина.

Именно в его антиномическом единстве можно понять всё. Не буду углубляться в логические стороны этого антиномического единства, просто подчеркну, что равно-раздрай, равно-раскол, равно-раздвоение и равно-единство – это и равно-синтез, и равно-гармония. Этот двойственный взгляд по отношению к себе для само-

го Пушкина был очень болезненным. Прорывался он только в редких стихах. В том же «Евгении Онегине» у него прямо звучит такой своего рода постулат: «так нас природа сотворила, к противоречию склонна...» Но, тем не менее, при взгляде на Петра Пушкину было тяжело признавать эту антиномическую органику.

А теперь о другом. В чём причина нашего обольщения Пушкиным? Здесь речь должна идти не просто об открытии того же антиномизма, что и у Пушкина, а и о том, что можно было бы назвать нашей бесовщиной, нашим демонизмом, что был свойственен и Пушкину. Лермонтов сумел объективизировать, осмыслить это. А в случае с Пушкиным произошла своеобразная интроверсия, и он оказался неопасен в этом смысле – не был, как Лермонтов, обнажён, открыт. И в этом смысле оказался нам более угоден.

Уже прошло больше 200 лет со дня рождения А.С. Пушкина, и скоро будет 200 лет со дня его смерти. Мы до сих пор не нашли то, о чём Николай Константинович Михайловский говорил в связи с Петром, – «формулу Петра». Но мы должны найти и «формулу Пушкина», которую он сам – помните? в полемике с Чаадаевым – приложил уже применительно к России: в России должна быть другая формула¹. Мы до сих пор этой формулы не знаем, растаскивая Пушкина, что называется, по своим частным «приватизированным» квартирам. В этом плане Пушкин, может быть, самая крутая жертва нашей духовной приватизации, нашего философского духовного наследия. На этой грустной ноте и позвольте мне закончить.

¹ См.: «Поймите же и то, что Россия никогда ничего не имела общего с остальной Европою; что история её требует другой мысли, другой формулы...» (VII, 100). – *Прим. ред.*

ВЫСТУПЛЕНИЯ В ДИСКУССИИ

Виталий Владимирович Аверьянов,
кандидат философских наук,
директор Института динамического консерватизма

Я бы хотел объяснить, что с нашей точки зрения – с точки зрения нового Института, который только что создан, – значит сегодня Пушкин. Безусловно, тот факт, что тему «Пушкин как идейное явление» мы сделали фактически стартовой для своей работы и публичной деятельности, не является случайным. Во-первых, значение Пушкина как мировоззренческого явления недооценено в нашей культуре. Это определённая негативная традиция, которая идёт от XIX века и которую пытались исправить разные наши мыслители, о чём сегодня уже шла речь. И как водится, исправляя эту ошибку и пытаясь понять и объяснить, что значит Пушкин как мировоззренческое явление, как носитель и выразитель идей, они «тянули одеяло на себя».

Самый яркий пример – Семён Франк, который практически открыл тему Пушкина как политического мыслителя. У него даже есть этюд, который так и называется – «Пушкин как политический мыслитель». И там очень много интересного сказано о Пушкине, замечено многое, чего не замечали до Франка. И в то же время автор этюда в своём истолковании Пушкина стал «работать на свою партию» – партию либерального консерватизма – и говорить о том, что Пушкин был фактически отцом-основателем либерально-консервативного течения. Я очень уважаю этого философа, но Франк здесь пошёл, на мой взгляд, по лёгкому пути, потому что соединение либерального и консервативного начал – это, в общем, достаточно банальная линейная логика, в которую, конечно, объёмный Александр Сергеевич не укладывается и уложиться не может.

Предложенная нами формула динамического консерватизма, на мой взгляд, выгодно отличается от формулы Франка. Она позволяет сопрягать в единых воле и сознании разноречивые тенденции. Это как раз было свойственно Пушкину. Что поражает сегодня, когда перечитываешь его дневники, записи, стихи? Поражает, что, несмотря

на ясное осознание всех пороков и недостатков, которые окружали его в реальной социальной жизни, несмотря на острое и очень болезненное осознание вековых ущербных черт, присущих политическому устройству России, её менталитету, Пушкин, тем не менее, умел преодолевать в себе разрыв между должным и явленным. Самый яркий пример – это, конечно, слова из письма Чаадаеву, где он говорит: «Я далёко не восторгаюсь всем, что я вижу вокруг себя; как литератора – меня раздражают, как человек с предрассудками – я оскорблён, – но клянусь честью, что ни за что на свете я не хотел бы переменить отечество или иметь другую историю, кроме истории наших предков, такой, какой нам Бог её дал» (XVI, 393, оригинал на французском языке).

Да, Пушкин, несомненно, консерватор. Но какой консерватор? Либеральный консерватор, предлагающий пути умеренного, но неуклонного раскрепощения и эмансипации? Или, может быть, консерватор, который тянет назад, зовёт вернуться к тем порядкам, что когда-то были разрушены? Нет и нет! Он не укладывается в привычные рамки, его трудно описать в системе идеологических маркеров, которые были расставлены либо в XIX, либо в XX веке. Пушкин больше всего этого, он разрывает эти сетки. Несомненно, сегодня для нас он является примером и образцом того, как русский интеллигент может быть абсолютно далёким от каких-либо комплексов ущербности, потому что осознаёт: за его спиной стоит величественная самобытная национальная, государственная и духовная традиция, – то, чего нашей интеллигенции так часто недостаёт. Так что Пушкин – это пример, глядя на который легче такие комплексы изживать, а ещё лучше – в корне их не допускать, потому что, действительно, наша традиция не заслуживает, чтобы к ней относиться так, как относятся отщепенцы или пасынки.

Я не буду здесь рассказывать, что такое динамический консерватизм, это тема долгая и сложная, и сейчас не время и не место для этого. Но, тем не менее, я хотел бы привести один пример. Я разговаривал на эту тему с одним академиком, тоже философом по образованию, и он сказал: «Ну, понятно, «динамический консерватизм» – вы просто переименовали старую формулу устойчивого развития». И мне пришлось ему возразить: очень важно, на чём ставится акцент. Вот у Пушкина в планах заметки «О дворянстве» есть такая фраза: «Устойчивость – первое условие общественного блага.

Как согласовать ее с бесконечным совершенствованием?»¹. То есть фактически вот она – формула. Формула чего? Устойчивого развития? Нет, это формула динамического консерватизма. Потому что устойчивое развитие – это модель, в которой, простите меня за такую аллегория, семейство вампиров, скажем, какие-то там живущие в Румынии графы Дракулы, не имеет никаких препятствий к тому, чтобы заниматься своим делом, то есть вампиризацией доставшихся им в удел подданных. Вот образ программы устойчивого развития, которую закладывает некий теневой субъект. А Пушкин говорит про устойчивость как условие общественного блага. То есть устойчивым должно быть не развитие – устойчивой должна быть сама идентичность, само «я». А уже на основе этого самостояния личности можно будет говорить и о развитии. Тогда никаких вампиров не будет, а будет культура, духовность, память о наших предках.

Спасибо.

Виталий Юрьевич Волчков,
председатель экспертного Военного совета
Клуба товарищей Военного института иностранных языков

Я – выпускник военного института иностранных языков. По образованию – военный переводчик-референт по Китаю. Нас учили при переводе с одного языка на другой работать со смыслами, искать параллельные реалии в языках и культурах двух народов. Поэтому я хочу остановиться на пушкинских смыслах, оттолкнувшись от только что озвученной здесь мысли Александра Сергеевича Пушкина о безграничности совершенства, – мысли, смысл которой методологически необыкновенно глубок. Как сопрягать безграничность с совершенством? Это возможно только, если смыслом и критерием человеческого бытия сделать служение единому прекрасному.

Тема нашей конференции – «Пушкин как мировоззренческое явление русской традиции». Многие выступления свидетельствуют о том, что при всей противоречивости природы Пушкина как человека всё его творчество отличается необыкновенной мировоззренческой

¹ Цит. по: *Франк С.Л.* Пушкин как политический мыслитель // Пушкин в русской философской критике: Конец XIX — первая половина XX в. М., 1990. С. 414. – *Прим. ред.*

целостностью. Как целостность, творчество Пушкина стремится к универсальному безграничному совершенству, которое служит для поэта-мыслителя критерием, мерилom оценки – и текущих дел, и исторических событий.

Это очень важный момент. Какое произведение Пушкина мы ни возьмем, в нём так или иначе выражена мысль о едином. С особой силой она звучит в пушкинской трагедии «Моцарт и Сальери». Гений Пушкина устами гения Моцарта говорит о необходимости служения единому прекрасному – служении совершенному, подлинной гармонии.

Мировоззренчески это сейчас очень актуальная мысль. Именно сейчас, когда так называемый мировой финансовый кризис разрушает цивилизационную целостность миропорядка, сложившегося по меркам Запада. Предлагая меры по выходу из кризиса, эксперты выпячивают то одну, то другую частную сторону, вместо того чтобы искать рецепты преодоления болезни глобального целого – западной цивилизации, подчинённой интересам не всего человеческого общества, а интересам лишь его одной достаточно узкой части.

В отличие от этого русская национальная традиция творчеством А.С. Пушкина акцентирует необходимость служить гармонии единого целого, что, бесспорно, призвано стать мощным мировоззренческим инструментом многонационального («всем миром») поиска форм совершенного – прекрасного – мироустройства, способного на глобальном уровне преодолеть беду («по-бедить») международной финансовой, экономической, социальной, а в конечном счёте – цивилизационной разобщённости человечества.

Являясь одним из величайших политических мыслителей своего времени, А.С. Пушкин остаётся им и до настоящего времени. Преодолев узость сословного мышления, он поднялся до преодоления духовного раскола правящей элиты с народом. И это – важнейший критерий оценки его произведений, благодаря этому выходящих за рамки времени и места своего создания. Именно это качество делает Пушкина национальным творцом мирового масштаба.

Это принципиально важный момент. И здесь я хочу подчеркнуть то, что мастерство Александра Сергеевича не отрывалось от русской национальной почвы, успешно выражая универсальный характер истины по-разному, очень просто и очень ясно. Читатель воспринимает его послылы естественным для себя образом.

Поэтому я считаю, что внесение мыслей А.С. Пушкина в аргументацию современных общественных дискуссий будет не только обогащать их содержательно, но и выправлять их. Не потому, что это мысли безусловного авторитета, и раз он так сказал, то так оно и должно быть, а потому, что это глубоко верные конструктивные поучения, востребованные в наше сложное, противоречивое время – путеводные мысли, в которых как в зеркале отражается необходимость национальных интересов для гармоничного существования целостного человеческого общества.

Общечеловеческая многогранность А.С. Пушкина не страдала от его национальной самобытности. Так же как и национальная самобытность не страдала от общечеловеческого содержания смыслов его произведений. Общечеловеческое не делало его менее национальным, он не стал космополитичным. Это ещё раз демонстрирует значимость и плодотворность целостного мировоззрения по сравнению с царящим ныне в мире и в нашей стране мировоззрением фрагментарным, односторонним, конфронтационным.

Для того чтобы воспринять целостное мировидение, органически сочетающее в себе национальное и общечеловеческое, не требуется заканчивать каких-то специальных учебных заведений – достаточно основательно и осмысленно углубиться в пушкинское творчество, созвучное русскому типу сознания и выражающее его ведущие характеристики. Простой человек – мы видим это и в художественных произведениях, и в жизни – как правило, сохраняет целостность. Такова психологически и психически нормальная здоровая личность. Эта целостность должна быть транслирована, воспроизведена в общественной практике для исцеления («ис-целения») и оздоровления обстановки в нашей стране и в мире.

Если динамический консерватизм мировоззренчески отражает такую целостность, то это можно только приветствовать. И ещё хотелось бы, чтобы произведения Пушкина у нас не просто тиражировались, но чтобы его провидческие путеводные смыслы активнее внедрялись в российское общественное сознание, в пространство средств массовой информации для оценки текущих событий. Целесообразно не прекращать общественные усилия на этом направлении. Может быть, специально рассмотреть аспекты политические (народ и власть), отдельно – экономические («Как государство богатеет, / И чем живёт, и почему / Не нужно золота ему, / Когда *простой*

продукт имеет»), как и мировоззренческие, то есть – сделать такие конференции традиционными и всецело поддерживать. Спасибо за внимание.

Михаил Демури

Выступление следующего участника нашей конференции, Татьяны Георгиевны Философовой, я хочу предварить двумя словами. Сегодня уже звучала мысль о том, что Пушкин один на Псковщине не выживет. Какие бы огромные усилия ни вложили в этот музей доброхоты музея и его дирекция, сколько бы туда ни приезжало людей, он всё равно не может существовать там один. Рядом должно быть ожерелье усадеб, музеев, и не просто усадеб и музеев, а тех мест, куда идёт и где живёт русский интеллект. Пока русский интеллект не двинется в провинцию, она по-настоящему не будет развиваться, она будет оставаться скорее музейной, чем живой. То, что делается в ходе «Философских чтений» на Псковщине, очень важно для осуществления этой идеи.

Татьяна Георгиевна Философова, *доктор экономических наук, профессор ГУ-ВШЭ*

Я не буду надолго задерживать ваше внимание – я хочу представить небольшую презентацию, связанную с судьбой одной из старинных усадеб, с одним из мест, связанных с пребыванием Пушкина на Псковской земле и с людьми, с которыми он здесь общался.

Сегодня мы много говорили о Пушкине, о путях формирования мировоззрения и затронули темы, которые мне очень близки.

Первая тема – это формирование личности. По роду своей деятельности я много общаюсь с молодёжью, и эта проблема мне представляется чрезвычайно актуальной. Вторая тема, которая здесь прозвучала, – проблема сохранения русского наследия, русских усадеб, той культуры, по которой, как по лакмусовой бумажке, мы проверяем сами себя.

Русская усадьба всегда отличалась необыкновенно домашней обстановкой, – обстановкой, которая позволяет остановиться, заду-

маться, посмотреть на себя со стороны. Попадая в Михайловское, мы останавливаемся в нашей сумасшедшей жизни, мы начинаем сверять свои дела и помыслы с идеалами далёких времен. Михаил Васильевич сейчас сказал о том, что должно существовать ожерелье усадеб, музеев и просто мест, куда идёт и где живёт русский интеллект. В этой связи я бы добавила: нужно восстановить и сберечь для наших детей те намоленные места, где когда-то жил и формировался русский интеллект и которые могли бы стать точками развития русского интеллекта в будущем.

В течение уже многих лет мне доверено быть председателем организационного комитета по проведению Философовских чтений, которые проходят раз в два года по соседству с Пушкинскими Горами – в Бежаницах Псковской области.

Вообще я попала на Философовские чтения совершенно случайно. Когда меня попросили помочь в их организации, я, честно говоря, с большим скепсисом отнеслась к этому предложению, потому что с определённым недоверием отношусь к модным нынче генеалогическим исследованиям. Мы с вами люди современные, мы гордимся своими предками, но это наша внутренняя гордость, и выносить её напоказ, мне кажется, не очень правильно. Но, тем не менее, я не могу не назвать имя совершенно удивительного человека, профессионала-искусствоведа высшего разряда, увлечённого русской историей и русским искусством, человека необыкновенно деликатного, но в то же время настойчивого. Это Римма Никандровна Антипова, сотрудник Псковского музея. Она и пригласила меня побывать у себя на Псковщине. Прекрасная атмосфера, необыкновенные люди, которые за мизерную зарплату ведут работу, которая мне кажется просто необъятной, – всё это сыграло свою роль в моём решении.

Философовские чтения проходят в бывшей усадьбе Философовых – древнего дворянского рода, который ведёт свой отсчёт с IX века нашей эры и тесно связан с православием. Основатель рода – «муж честен Марк Философ» – приехал к князю Владимиру во времена крещения Руси. В Бежаницах было поместье, которое принадлежало Философовым с XVI века. Хочу показать дом, который сохранился и потихонечку восстанавливается благодаря усилиям исключительно местных властей. Дом принадлежал Дмитрию Александровичу Философову – министру торговли и промышленности в правитель-

стве Витте. Дом сохранился до наших дней, потому что долгое время здесь располагалась школа. В настоящее время в доме размещён культурный центр Философовых.

На следующем слайде представлен хозяин этого дома, Дмитрий Александрович Философов. Интересно, что Дмитрий Александрович Философов и младший сын Пушкина Григорий Александрович были женаты на сёстрах: Григорий – на Варваре Алексеевне Мельниковой (в первом браке Мошковой), а Дмитрий Александрович – на Марии Алексеевне Мельниковой (в первом браке Бибиковой). Но нас в контексте сегодняшней конференции больше будет интересовать дед Дмитрия Александровича – Дмитрий Николаевич Философов. Тот самый Дмитрий Николаевич, который послужил прообразом Троекурова, который общался с Пушкиным, который был достаточно близок к родственникам Александра Сергеевича. Хотя, как вы знаете, Пушкин относился достаточно скептически к псковскому дворянству, и есть целый ряд воспоминаний, касающихся того, что Александр Сергеевич, в общем-то, старался от этих людей дистанцироваться. Тем не менее он бывал в доме Дмитрия Николаевича, есть воспоминания об этих встречах.

На втором портрете – Мария Матвеевна, вторая супруга Дмитрия Николаевича. Пушкин посвятил ей несколько строк. Портрет Марии Матвеевны сейчас находится в Третьяковской галерее. Обратите внимание на имена художников, которые писали эти портреты: Орест Кипренский, Алексей Гаврилович Венецианов. Имена говорят сами за себя, определяя круг общения.

Наше время характерно тем, что после периода критики дворянской жизни наступил период её идеализации. На самом деле, истина, как всегда, посередине. Всё было. И тот же самый Дмитрий Николаевич в образе Троекурова – не совсем положительный герой. Но он и его окружение сумели воспитать сына человеком, который прослыл в государстве Российском одним из честнейших людей. Я говорю о Владимире Дмитриевиче Философове – главном военном прокуроре, члене Государственного Совета по департаменту гражданских и духовных дел, действительном тайном советнике, статс-секретаре, человеке, по оценкам современников, более чем достойном.

На следующем слайде – усадьба, которая, к сожалению, не сохранилась. Тем не менее это усадьба, где как раз и бывал Александр

Сергеевич Пушкин. Внутренний интерьер. Первое – диванная и гостиная. Обратите внимание на убранство. Среди картин работы Венецианова, привезённые из Италии произведения искусства. А теперь представьте: это внутреннее убранство деревенской усадьбы, которое во многом определяло её быт. Это был не «забытый Богом уголок», – это мир, в котором люди жили, общались, мир, который с детства формировал вкус подрастающего поколения.

На следующем слайде представлены страницы «Дневника правоведа», который написал сын Дмитрия Николаевича – Владимир Дмитриевич. К сожалению, дневник до сих пор не опубликован по одной простой причине: пока нет средств. В дневнике достаточно подробно, день за днём, описан быт дворянской усадьбы. Документ этот – кладёзь: прочитав его, начинаешь понимать, как формировался человек, что его окружало, как и какие у него складывались приоритеты, интересы.

Следующий слайд – портрет Михаила Михайловича Философова, одного из умнейших людей своего времени. Михаил Михайлович в своё время сыграл большую роль в судьбе поэта Креницына, который числился среди друзей Пушкина. В те времена было принято, чтобы дядюшки помогали молодёжи, а мать Креницына – Пелагея Николаевна, урождённая Философова, – была родной сестрой Дмитрия Николаевича.

Здесь я вспомню о Михаиле Юрьевиче Лермонтове, потому что имена людей, которые я сейчас назову, были ему хорошо знакомы. Это имена его родственников, которые непосредственно были знакомы с Пушкиным. На слайде представлена достаточно интересная выдержка из письма Екатерины Илларионовны Философовой к брату Алексею Илларионовичу. Алексей Илларионович – генерал от артиллерии, боевой заслуженный генерал – был близок к императорской семье, позднее стал воспитателем великих князей Николая и Михаила Николаевичей, был женат на Анне Григорьевне Столыпиной, которая приходилась двоюродной сестрой Марии Михайловне Лермонтовой.

Суть в том, что первое знакомство Екатерины Илларионовны с Пушкиным было достаточно странным. Пушкин пришёл смотреть квартиру, был в потёртом сюртуке и цилиндре, и Екатерина Илларионовна, не зная, что перед ней поэт, разговаривала с ним, что называется, сквозь зубы. Позднее, узнав, что это был Пушкин, она

не находила себе места в течение долгого времени и обратилась к своему брату с тем, чтобы он загладил её вину перед этим человеком. Маленькая бытовая сцена, маленький штрих, мазок на большом полотне русской истории. Если говорить о биографии Пушкина, то, наверное, совсем неприметный эпизод, о котором, в общем-то, можно бы было забыть. Но насколько по-разному люди относятся к своим поступкам, которые они считают неправильными! Загладить вину, попросить прощения – не это ли важнейший итог осмысления своей ошибки, своей вины, прежде всего, перед самим собой! Быть честным перед собой – вот высшая мера, всеобщий критерий.

На слайде – цитата из письма Екатерины Илларионовны, описывающей этот случай. А следующая фотография уже не псковская, а из Нижегородской области. Это церковь, которая находится на территории бывшей усадьбы Философовых, принадлежавшей брату Алексея Илларионовича, Николаю Илларионовичу, генерал-лейтенанту. К сожалению, барского дома уже нет. В доме когда-то располагался аграрный техникум, но потом его снесли и построили новое современное здание. Но церковь, некогда построенную Философовыми, восстановили. Работы продолжаются, и это приятно, что в глубинке люди, зачастую при небольшом достатке, очень отзывчиво и трепетно относятся к истории родного края.

Мне хотелось бы закончить достаточно тривиальным выводом о том, что, действительно, не зная истории, мы не можем ею гордиться. И возвращаясь к проблеме воспитания молодёжи – прежде всего, мне кажется, молодёжи надо дать знания. Заполнить тот вакуум, который, к сожалению, существует. Молодёжь у нас очень хорошая, Я это вижу, преподавая уже 30 лет в различных вузах: в ГУ-ВШЭ, в МГУ имени Ломоносова, в других. Молодые люди с удовольствием ходят и будут ходить в музеи, с удовольствием будут изучать историю, культуру, впитывать то лучшее, что ещё сохранилось в нашей стране, – но им нужно помочь выбрать главное из огромного количества всего, что их окружает сегодня, и отставить в сторону инородное, дешёвое, пустое. Мы должны помочь им выбрать из массива информации то, что действительно ценно, что ценно для нашего государства – государства Российского, то, что поможет сформировать настоящих патриотов своей Родины, знающих историю не только своей страны, но и тех мест, где они родились, где они учатся и живут, – знающих и поэтому гордящихся ею.

Реплика из зала: У вас есть связи с кем-нибудь из парижской ветви Философовых?

Философова: К сожалению, нет. Известно, что Владимир Владимирович Философов, который уехал во Францию, какое-то время работал в Лувре хранителем. Скончался он в Русском доме в Сент-Женевьев-де-Буа. Похоронен на местном кладбище. Детей у него не было. И сколько мы ни пытаемся разыскать ещё какие-либо источники во Франции, найти их пока не можем. Кстати, благодаря Владимиру Владимировичу Философову Михайловское превратилось в заповедник. В 1899 году по инициативе Владимира Владимировича Философова, который был в это время губернским предводителем Псковского дворянского собрания, Михайловское на собранные по подписке средства приобрели у младшего сына поэта – Григория Пушкина – в общественную пользу с целью открыть в нём какое-либо благотворительное учреждение, связанное с именем Пушкина.

Сергей Петрович Пыхтин,
главный редактор журнала «Золотой лев»

Позволю себе несколько изменить тему разговора. Я здесь единственный, кто представляет политическую партию – партию «Великая Россия». Она создавалась именно как консервативная партия, идеология которой опирается на русский консерватизм, и, естественно, для нас всё то, что связано с Пушкиным, – это «наше всё» ещё и в политическом смысле, помимо культурного, исторического и иных аспектов. Может быть, поэтому у нас и возникли проблемы с регистрацией политической партии, потому что мы твёрдо стояли именно на консерватизме. Я бы хотел отметить, очень кратко разумеется, два момента, которые нам кажутся весьма важными.

Очень много говорится о Пушкине как о писателе, поэте, очень интересно – о человеке, и, к сожалению, очень мало в нашей стране известно о его мировоззрении, о тех идеях, которые он исповедовал, – идеях, характеризующих его в зрелом возрасте как человека консервативных взглядов. Разумеется, трудно найти убеждённого консерватора в 20-летнем юноше, но каждый должен переболеть ре-

волюционными идеями и либеральными концепциями. Всё это было у Пушкина.

Однако с 1830 года и вплоть до своей гибели Пушкин – убеждённый консерватор. Это доказывают все его произведения, его биография. К сожалению, это малоизвестно. В сфере образования эта тема не развивается, и мне кажется, что это задача современных пушкинистов.

Здесь уже говорилось об различных исследованиях творчества Пушкина начала XX века. Прошло уже целое столетие, пора бы вернуться к этой теме и эту лакуну как-то закрыть. Потому что Пушкин-идеолог, Пушкин-консерватор – это то, что, на наш взгляд, очень ценно и необходимо для современной политической жизни.

Так получилось, что по просьбе одного издания я готовил работу, связанную с Пушкиным в 30-х годах XIX века. Мне показалось, что в его жизни был момент, который мог бы перевернуть судьбу страны. Это связано с событиями 1833 года: если бы три живших тогда выдающихся человека – я имею в виду государя Николая Павловича, Пушкина и митрополита Филарета – соединили бы свои усилия, то, может быть, судьба страны сложилась бы иначе. Мне представляется, что бывают такие ключевые моменты в русской истории, когда можно бы повернуть её в какую-то другую сторону, более благополучную, и... эта возможность, вполне реальная, не реализуется. Мне кажется, что и в 1833 году это не получилось.

Пушкин очень надеялся стать вторым Карамзиным при государе. Он чувствовал очень сильную духовную близость с тем, что исповедовал царь, и это совпадало со многими его идеями, когда он работал над историей Петра, пугачёвского бунта и так далее. К сожалению, эта надежда не оправдалась. Исследователи творчества Пушкина без труда увидят, что происходило потом – в 1834, 1835, 1836 годах. Это уже был другой Пушкин.

Я не имею возможности развить эту тему, хочу лишь сказать, что это очень важный момент в судьбе поэта и в судьбе нашей страны. Именно к 1833 году царь Николай решил многие проблемы, которые стояли перед Россией в то время: он победил чуму, победил в войне с Турцией, подавил польский мятеж, и, как теперь мы знаем, России предстояло 15 лет относительного спокойствия, когда можно было повернуть её развитие в другую сторону. Не опередить, конечно, Англию, которая уже потом, в эпоху Крымской войны,

показала свою силу, но многое можно бы было сделать, если бы верховная власть, религия, церковь, искусство и культура объединились в один мощный кулак. Такая возможность была и, к сожалению, не была реализована.

Второй момент, который мне кажется очень важным, – это мировоззрение Пушкина, его святыни. Просто перечислю то, чему он поклонялся, что считал чрезвычайно важным, – важным настолько, что, защищая одну из этих святынь, и погиб. Это личные права (для Пушкина это имело принципиальное значение, и любое посягательство на личные права он считал недопустимым), духовная независимость, честь и семья, патриотизм, уважение к прошлому (он, кстати, отмечал, что знание истории создаёт политика, – политика не в узком смысле слова, а политика-гражданина, потому что каждый гражданин – это политик, и в благоустроенной стране каждый гражданин должен быть политиком, и первое качество политика – это знание истории). И, наконец, благо общества и прочность государства. Вот консервативные принципы, которые Пушкин отражал в своих произведениях.

Что же касается его личных качеств, то я бы обратил внимание на то, что к 30-м годам он был зрелым православным консерватором, монархистом, аристократом и империалистом. Я на это обращаю особое внимание, потому что Россия – империя, и если мы забываем об этом, то обрекаем наше государство на уничтожение. Пушкин это понимал за 150 лет до нас.

И последний тезис: что особенно беспокоило Пушкина в последние годы его жизни именно как консервативного политика и общественного деятеля? Проблема власти в его времена была точно такой же, как и сейчас: власть окружена выскочками, людьми, для которых служение Отечеству не значит ничего. Они служат не Отечеству, а делают личную карьеру. Карьеристы набивают карманы, используют свои должности в личных целях. Это было свойственно эпохе Николая, который, к сожалению, после мятежа декабристов вынужден был опираться не на дворянство, которое показало свою заговорщицкую, антипатриотическую сущность. Восстав, лучшие люди России изменили присяге, что чудовищно, и трон был вынужден опереться не на дворянство, а на бюрократию, «безродных выскочек».

Пушкин увидел опасность петровской «Табели о рангах»: то, что было хорошо в XVIII веке и что тогда приводило во власть умных,

энергичных, стремящихся принести пользу Отечеству людей, в XIX веке перешло в свою противоположность. С помощью «Табели о рангах» безродные выскочки становились дворянами. Поэтому Пушкин в своих произведениях той поры писал, что власть должна принадлежать аристократии.

Проблема, с которой столкнулся Пушкин в другую историческую эпоху, сейчас повторяется.

Пушкин – «наше всё». Это многогранное и ёмкое понятие. Мы должны изучить проблемы страны, с которыми столкнулся Пушкин и на которые он дал свои ответы, и нам нужно понять эти ответы и поступать соответственно. Как добропорядочным гражданам.

Наталья Петровна Андросенко,
шеф-редактор сайтов
«Русский обозреватель» и «Псковские хроники»

Тема «Пушкин и консервативная идея» заинтересовала меня как исследователя консерватизма. Это очень важная, на мой взгляд, тема.

Не только в нашей литературе, но и во многом во всей русской культуре Александр Сергеевич является своеобразным началом, неким «нулевым километром», таким абсолютным мерилом.

Советская традиция оставила нам образ Пушкина-бунтаря, революционера, угнетаемого царским режимом. В школе обязательно изучают гражданскую лирику поэта и историю его ссылок. И почти не остаётся места Пушкину-русофилу, патриоту, глубоко верующему человеку и, безусловно, консерватору. Посему отрадно признать, что наконец-то «наше всё» начали соотносить и с «консервативной матрицей» – дабы разглядеть ненавязчивое охранительство в «Евгении Онегине», по-другому взглянуть на знакомые с детства сказки, поэму «Руслан и Людмила», «Повести Белкина».

Впрочем, для начала надо бы определиться с тем, что же представляет собой русская консервативная идея. Было бы заманчивым представить её традиционно: «Православие – самодержавие – народность», тем более что фактически Александр Сергеевич является современником появления знаменитой уваровской триады. Однако

я как исследователь отстаиваю мысль о том, что русский консерватизм – это, прежде всего, набор определённых идей и ценностей, а именно:

- концепция «особого пути» России, «особости» российской цивилизации (консерваторы считали, что страна должна развиваться по собственному политическому и духовно-нравственному пути, отличному от западного, из чего следовало признание доминирующей роли государства и незыблемости самодержавной власти в России);

- важная роль религии в мировоззрении (стержнем всех консервативных концепций являлась религиозная константа, обусловленная идеократическим взглядом на мир, сакрализацией царской власти и основных явлений государственной жизни; для русских консерваторов было характерно стремление к сохранению общественной иерархии, традиционного сословного строя);

- настроенное отношение к бурному развитию капитализма в России, требование учитывать специфику отечественной экономики, в частности общинный уклад российской деревни.

Русский консерватизм рассматривал тему взаимоотношений России и Запада не с позиций «догоняющей модели» и «недоразвитости страны», но с позиции диалога двух разных, но равновеликих субъектов. Пока либералы и нигилисты всех мастей отстаивали тезис об «извечной отсталости» Российского государства, а всё национальное отзывалось реакцией, именно консервативный лагерь пытался осмыслить – и небезрезультатно – продуктивность, историческую логичность и социальную обусловленность существовавшей системы.

Меня как исследователя консерватизма очень часто посещает мысль о том, что в силу особенностей нашей системы образования, неких общественных традиций либерализм для большинства из нас является интуитивным понятием, социализм – тоже, так как многие из нас родились и сформировались в социалистическом государстве, а вот с консерватизмом тут же возникают вопросы: «что это такое?», «как это соотносится с ...?». Я пришла к выводу, что не последнюю роль в этом играет некая русофобия, оторванность нашего образования от национальных традиций – вполне обусловленная теми задачами, которые должна была решать система образования при социализме.

Вот тот же Пушкин – как он представлен в школьной программе? Почему отдельной темой в программу включена гражданская лирика поэта, но совсем, абсолютно оставлена в стороне лирика религиозная? Почему гонениям «проклятого царизма» уделено достаточно места, а вот о том, что светоч русской поэзии похоронили не просто в Михайловском, а в Святогорском монастыре, как-то умалчивается? А ведь это те детали, которые способны определить очень и очень многое.

Я помню, несколько лет назад шли бурные дискуссии о введении основ православной культуры в школе, и у противников ОПК очень частым был тезис: какое православие? русская культура изначально светская и целиком противостоит церковной. Иное изучение творческого и жизненного пути Пушкина помогло бы сместить эти акценты.

Пушкин – некая консолидирующая линия в нашей литературе. Пожалуй, столь же консолидирующим явлением является память о победе во Второй мировой войне.

Помню разговор с преподавателем литературы в одной закрытой православной школе для мальчиков при монастыре. Мне было интересно, какие темы они выбирают, какие идеи. Я помню, как они преподают Пушкина, насколько иначе расставляют акценты. Берут не стихотворения юного бунтаря, а более религиозную, более зрелую лирику – и выходит несколько другая «картинка», складывается иное мировоззрение, возражающее «фоновой» русофобии, – и тогда уже не остается ощущения, что ты родился в государственном недоразумении.

Валентин Александрович Радаев,
*консультант Отдела внешних
церковных связей Московского Патриархата*

Уважаемые участники форума!

Мне хотелось бы поговорить о значении личности А.С. Пушкина в современной геополитике. Но прежде чем перейти к сути своих соображений, процитирую документ под названием «Манифест фонда «Пушкинский институт». Вот его ключевые положения, которые имеют отношение к теме моего выступления:

«Судьба русских в России, в дальнем и ближнем зарубежье во многом будет зависеть от того, что – какая идея, какое предназначение, какой смысл – будут связываться с понятием русский.

У русских были и есть великая история, великая культура, великие подвижники и великий язык. Всё это – достояние не только русских и не только России. Это достояние мировой культуры. Россия всегда щедро делилась своим гением с миром, в этом во многом заключалась её миссия в истории. Россия и русские могут и должны продолжать выполнять свою историческую миссию, и только на её осознании и исполнении может собираться русский народ.

Вопрос русской государственности тогда будет заключаться в том, способна ли Россия продолжать задавать мировой уровень культуры и образования и будут ли у неё механизмы представленности этого уровня во вне. <...>

Личность А.С. Пушкина является объединяющей для всех русских и российских людей. Только под имя Пушкина до последнего момента сплывало русское дальнее зарубежье, только имя Пушкина способно сегодня консолидировать русское ближнее зарубежье».

Несколько слов об этом фонде. Основным направлением деятельности фонда «Пушкинский институт» является «задача создания положительного образа страны и повышения её мирового престижа».

Конкретно же имеется в виду создание международной сети российских телекоммуникационных культурно-образовательных центров «Пушкинский дом», выполняющих роль гуманитарных представительств Российской Федерации за рубежом. Как предполагается, с помощью такой сети значительно расширятся возможности выхода на инициативную внешнюю общую и культурно-образовательную политику, возможности «русского присутствия в мире».

Теперь по сути моих соображений. Известно, что эту идею использует и фонд «Русский мир». Одним из основных направлений работы этого фонда, в частности, является открытие русских центров в культурных и образовательных учреждениях разных стран. Данные центры должны служить ресурсной базой для всех изучающих русский язык за рубежом и предоставляют богатую коллекцию русской литературы, аудио- и видеопродукции, различных обучающих программ. Русские центры создаются в целях популяризации русского языка и культуры как важных элементов мировой цивили-

зации, поддержки программ изучения русского языка за рубежом, развития межкультурного диалога и укрепления взаимопонимания между народами. Они предоставляют широкий доступ к культурно-историческому и литературному наследию русского мира, методике и практике российского образования, современным творческим идеям и программам.

По состоянию на ноябрь 2008 года было открыто девять подобных центров, затем появился десятый – в Японии. В планах фонда открыть ещё 20 таких центров. В ближайшие годы русские центры станут неотъемлемой частью внутренней информационной и образовательной инфраструктуры университетов Европы, особенно тех, где действуют факультеты славистики и институты переводчиков. Эти центры станут реальными, живыми площадками для диалога, местом проведения тематических конференций, основой для реализации различных проектов, пространством встречи профессоров и студентов с русской цивилизацией. Вся проблема только в том, как сделать так, чтобы одухотворить эту работу. А для этого необходимо, в том числе, избавиться от её обезличенности.

Вашему вниманию предлагается новый проект «Пушкинский институт» – с целью заручиться поддержкой проекта со стороны участников форума.

В родословном древе великого русского поэта А.С. Пушкина, воссозданном известным пушкинистом-генеалогом А.А. Черкашиным, прослежены родственные и свойственные связи поэта с некоторыми святыми, в земле Российской просиявшими.

В последние годы своей земной жизни Александр Сергеевич, по свидетельству друзей и собственному признанию, постоянно обращался к Библии, одной из любимейших своих книг. Свидетельства тому можно, например, найти в книге «Пушкин и Православие», недавно изданной Международным Фондом единства православных народов. Пушкин принадлежал к немногим избранным. Его хранила сень старинного фамильного древа, которая питала его гений. Известно, что Пушкин не только дорожил своим родословием, берущим истоки в глубине веков, гордился своими историческими предками, но и уповал на память и любовь своих будущих далёких потомков.

Поэтому имя А.С. Пушкина было бы целесообразно увековечить в проекте, связанном с распространением в мире русского языка.

Эта благородная задача сохранения памяти об Александре Сергеевиче Пушкине на земле облегчается тем обстоятельством, что крона пушкинского дерева раскинула свои ветви поистине над всем миром: потомки поэта живут и в России, и на Украине, и во Франции, и в Бельгии, и в Швейцарии, и в Италии, и в Англии, и в США, и даже на экзотических Гавайских островах. Перечислю некоторых потомков поэта, поддерживающих связи с исторической родиной. Николай Васильевич Солдатёнков (Франция) – священнослужитель русской зарубежной Православной Церкви, потомок А.С. Пушкина и Н.В. Гоголя – оказывает помощь детским лечебным учреждениям в России, является членом попечительского совета восстановления храма Спаса-на-Водах в Санкт-Петербурге. Клотильда фон Ринтелен (Германия), праправнучка Пушкина и правнучка Александра II, оказывает гуманитарную помощь Александринской больнице в Петербурге. Герцогиня Александра Аберкорнская (Великобритания), прапраправнучка Пушкина, – организатор пушкинских конкурсов для детей в Ирландии и Англии. Марита Джорджина Кроли (Великобритания), прапраправнучка Пушкина, – театровед, автор пьесы о жизни Пушкина. Александр Александрович Пушкин, праправнук поэта, и его супруга Мария Пушкина, урождённая Дурново (Бельгия), – дарители многих фамильных реликвий, они поддерживают тесные связи с пушкинскими музеями Москвы и Санкт-Петербурга, оказывают помощь больным детям в одной из больниц города на Неве. Анна Георгиевна Тури (урождённая Воронцова-Вельяминова, Италия) – переводчица, участница благотворительных акций. В потомках Пушкина течёт кровь многих народов, и это ещё одно зримое свидетельство принадлежности русского гения всему миру. Подробная информация о потомках поэта, живших и ныне живущих за рубежом, представлена в книге «Тысячелетнее древо А.С. Пушкина: корни и крона»¹, а также будет доступна в подготовленной к печати издательством «Лазурь» книге «Потаённый Пушкин: взгляд из XXI века»².

Хочу в этой связи обратить внимание на то, что во многих странах мира – например, в Китае, в Великобритании, в Японии – созданы и действуют Пушкинские общества. В Испании существует фонд

¹ Черкашин А.А., Черкашина Л.А. Тысячелетнее древо А.С. Пушкина: корни и крона. М., 1998; 2005. – *Прим. ред.*

² Автор – Л. Черкашина. – *Прим. ред.*

«Александр Пушкин», его председатель А. Черносивтов – представитель Российского центра международного научного и культурного сотрудничества при МИД РФ (Росзарубежцентра).

Большой интерес к наследию поэта отмечается также в Греции, где состоялась международная Пушкинская конференция (напомню, что в столице страны, в Афинах, действует высшее учебное заведение – институт имени А.С. Пушкина), и на Мальте, где в преддверии юбилея поэта прошла «Пушкинская неделя» и был выпущен сборник стихов Пушкина на мальтийском языке в переводе г-на Акилле Мицци, помощника Президента Мальты.

Имя Александра Сергеевича Пушкина – это, пожалуй, единственный и непререкаемый авторитет, который служит притягательной и объединяющей для многих русских людей силой, включая тех из них, кто волею судеб оказался вне пределов России.

Пушкина одинаково ценят и любят красные и белые, демократы и монархисты, православные и инославные, а также иноверцы. Как сказал Дмитрий Мережковский, Пушкин для нас больше, чем великий писатель. По его словам, Александр Сергеевич – «...одно из величайших явлений русского духа. И ещё больше: непреложное свидетельство о бытии России. Если он есть, есть и она. ...нам стоит только вспомнить Пушкина, чтобы убедиться, что Россия была, есть и будет»¹.

Ещё Достоевский провидчески писал о всемирной отзывчивости русского поэта. Пушкин давно стал представителем отечественной культуры в зарубежных странах, более того – символом России. И если в нашей стране возьмутся так же активно пропагандировать наш язык и нашу культуру, как это делают в Германии, Италии, Испании и Китае, то стоило бы учесть, что за рубежом имеются такие культурные представительства, как представительства немецкого Института Гёте, итальянского Института Данте, испанского Института Сервантеса, китайского Института Конфуция. Россия могла бы по аналогии также назвать именем Пушкина свои культурные представительства за рубежом, которые в этом случае именовались бы «Институт Пушкина» или «Пушкинский институт». Основой для их создания могли бы послужить Российские центры науки и культуры в системе Росзарубежцентра, а также центры русского языка и культуры, создаваемые по линии Фонда «Русский мир».

¹ Цит. по: *Мережковский Д.С.* Пушкин с нами // А.С. Пушкин: pro et contra. Т. 2. СПб., 2000. С. 5. – *Прим. ред.*

Такое название позволило бы вызвать духовное и культурное притяжение в мире к России, русскому Православию, русской культуре и русскому языку за рубежом, её историческому наследию и современной жизни. Имя А.С. Пушкина способно было бы собрать в стенах одноимённого института всех друзей России от мала до велика.

В 2009 году всё человечество отмечает 210-летие со дня рождения поэта – первый юбилейный пушкинский год в новом столетии и в новом тысячелетии. И это, как представляется, как раз и есть тот самый рубеж для того, чтобы запустить данный проект как повод к тому, чтобы лучезарное имя Пушкина ассоциировалось в мире со светлым духовным образом России.

Благодарю за внимание.

Елена Анатольевна Бондарева,
директор общественных программ
Фонда исторической перспективы

Наш фонд – безусловный соратник и единомышленник Института динамического консерватизма. Мы хотели бы солидаризироваться с основными сформулированными здесь принципами. О нашем Фонде вы можете узнать на двух наших сайтах: Stoletie.ru и Perspektivy.info. Надеюсь, что материалы сегодняшнего мероприятия появятся на этих сайтах.

Моя академическая специальность – история русской эмиграции и балканские исследования, и именно под этими ракурсами мне хотелось бы сейчас поговорить об Александре Сергеевиче Пушкине. Как известно, после революции разыгралась настоящая битва за Пушкина, и сейчас она продолжается, потому что Пушкин – совершенно интегральная для культуры личность. Наверное, конца этой битве не будет. Мы прекрасно знаем, что в 1937 году в Советском Союзе, когда отмечали столетие со дня смерти поэта, была осуществлена огромная пушкинская программа. Тогда дети выучили огромные пласты пушкинского творчества, «Евгения Онегина» наизусть знали, и это было хорошо. Но это было своё прочтение Пушкина. Одновременно был другой Пушкин, который жил среди русской эмиграции...

В эмиграцию, как говорил Евгений Васильевич Спекторский, вывезли не чемоданы с добром, а груз наследия русской культуры. И долго искали тот магический кристалл, который бы позволил воспроизвести основное смысловое ядро русской поэтичности в условиях изгнанничества и для новых поколений. Были разные дискуссии, была, например, попытка сделать днём русского единства для эмиграции день Крещения Руси. Не получилось, потому что раздел проходил между либералами и монархистами, православными и атеистами... Таким интегральным действующим лицом стал Пушкин. Именно день рождения Пушкина был в эмиграции провозглашён днём русского единства, и так было достаточно долго. Почему это было возможно? Понять это в рамках той темы, которую мы сегодня обсуждаем, очень важно.

В осознании наследия Пушкина нельзя сбрасывать, но не стоит и повторять тот путь, который был пройден русской эмиграцией. Пушкин в своём творчестве отражает самые разные параметры русского мира и русского индивида: параметры географические и исторические, философские, социальные, мировоззренческие – от размышлений о правах человека и до молитвы... Все сословия России просматриваются через творчество Пушкина и все возрасты русского человека: и исторический возраст, и возраст биологический, человеческий. Нет, думаю, ни одного русского литератора, который бы с таким вниманием относился к младенцу. На Пушкине можно раскрыть всю человеческую жизнь: от колыбели, от сказки начиная и заканчивая последними человеческими думами...

Александр Владимирович Самоваров,
публицист

Выступавшие передо мной некоторые докладчики говорили, что Пушкин – он разный. Так и выходит, если рассматривать взгляды Пушкина и игнорировать ту конкретную историческую эпоху, в которую он жил. А эпоха ведь менялась радикально. Не учитывать это – странно.

На нашей конференции наметилась тенденция представить Александра Сергеевича Пушкина охранителем. Но всякий, кто и хотел бы сделать из Пушкина «охранителя», натывается на такую

проблему: место охранителей давно уже заняли такие персонажи, как Булгарин и Греч.

Один из выступавших указал на то, что именно в 1833 году отношения у Пушкина и Николая I складывались так хорошо и таким образом, что, развивайся всё в этом направлении, Россия пошла бы другим путём. И что Пушкин и прочие честные люди могли бы заменить тех выскочек и проходимцев, тех космополитов, которые окружали царя, как сейчас они окружают нынешних руководителей.

То есть политическая мысль конференции ясна: чуждых России людей при власти сейчас нужно заменить на патриотов и «правильных» охранителей. Но ведь сам же докладчик заметил, что у Пушкина с Николаем этот союз не случился. И всякий, кто знаком с той эпохой, понимает, что по-другому и быть не могло.

Создав в стране элиту, на две трети состоявшую из инородцев, а часто и русофобов, Николай I должен был иметь и каких-то русских патриотов при троне. Такую роль он и отвёл Александру Сергеевичу. Что из этого получилось, лучше всего высказал гениальный молодой человек, русский националист по фамилии Лермонтов: «Погиб поэт, невольник чести...» Вхожий в узкий круг знати Лермонтов прекрасно понимал суть происходившего. Русского национального гения травили, против него сознательно боролись именно как против русского националиста в окружении царя.

Если вернуться к теме консерватизма, то имеет смысл напомнить, что наполнение этого термина бывает разным. Скажем, «русская партия» во времена раннего Александра I состояла из консерваторов, они защищали русские национальные начала от безудержного либерализма и космополитизма молодого кружка новых друзей царя. Но консерватизм при Николае I – это уже нечто другое. Это защита интересов не России и русских, а защита интересов династии Романовых. А их интересы, как показал XIX век, довольно часто не совпадали с интересами русского народа.

Я лично не планировал выступать, но когда из Пушкина делают охранителя, тут удержаться трудно. Очень странно то, что Александр Сергеевич был абсолютным русским националистом, а из него делают убеждённого монархиста и охранителя.

Дух Пушкина, суть его как человека, мыслителя и поэта – всё это было порождено победой русского оружия в 1812 году. К этому времени русские интеллектуалы прекрасно понимали, что монархия

тормозит развитие страны. Пушкин очень нелюбезно писал о Екатерине Великой, иронично о Павле I, с Александром у него был конфликт: царь очень не любил поэта и преследовал его, как мог.

Что касается «благодетеля» Николая I, то после 1825 года Россия для Пушкина вообще превратилась в тюрьму. Он был под надзором тайной полиции, он был под личным надзором самого царя. Царь делал то, что Пушкин ненавидел всей своей душой: лез в его личную жизнь, лез в его творчество, «руководил» им. В конце концов Николай стал выказывать интерес к жене Пушкина. Тут не то что союза между поэтом и царём быть не могло, а воля бы Пушкина – и он повесил бы Николая Павловича на первой осине.

И ещё я отметил бы, что зрелый Пушкин написал самую демократическую книгу в русской литературе (может быть, за исключением «Тихого Дона»). Эта книга – «Капитанская дочка». В этой книге все равны: Пушкин равно относится что к Пугачёву, что к царице, что к военному губернатору, что к коменданту заштатного гарнизона, что к простым казакам; его главный герой полюбил простую девушку и женился на ней и так далее.

В «Капитанской дочке» Пушкин с огромным уважением относится ко всякой человеческой личности. И это получилось не потому, что Александр Сергеевич ставил перед собой такую художественную задачу. Просто националист не может быть не демократом, для Пушкина русский народ един и русские равны. Демократизм позднего Пушкина – это его внутреннее состояние. Демократизм его порождён именно его национализмом, пониманием единства нации и равенства людей.

Даже когда у Пушкина были иллюзии в отношении Николая, он льстил царю, но при этом писал:

Я льстец! Нет, братья, льстец лукав:
Он горе на царя накличет,
Он из его державных прав
Одну лишь милость ограничит.

Он скажет: презирай народ,
Глуши природы голос нежный,
Он скажет: просвещения плод –
Разврат и некий дух мятежный!

Беда стране, где раб и льстец
Одни приближены к престолу,
А небом избранный певец
Молчит, потупя очи долу (III-I, 90).

Пушкин понимает «народ», как понимали его декабристы, то есть считает его субъектом истории. Были у поэта и другие настроения, когда он замечал, что не всё ли равно, от кого зависеть – от демократии или от самовластия? Но, тем не менее, Александр Сергеевич идентифицирует себя так:

Смеясь жестоко над собратом,
Писаки русские толпой
Меня зовут аристократом.
Смотри, пожалуй, вздор какой!
Не офицер я, не ассессор,
Я по кресту не дворянин,
Не академик, не профессор;
Я просто русской мещанин (III-I, 261).

Мещанин в данном случае – рядовой гражданин, что опять же говорит о национализме и демократизме Пушкина.

А аристократические проявления в его высказываниях и текстах – это напоминание одного из представителей русской аристократии, кто тут в русском доме должен быть хозяином. Уж никак не Нессельроде и Канкрин.

Дмитрий Юрьевич Ермолаев,
*шеф-редактор еженедельного
интернет-издания «Российские вести»*

Постараюсь быть очень кратким. Для начала затрону исторический контекст. В начале XIX века России требовалась срочная модернизация. Причём, несмотря на победу в Отечественной войне, закончившейся в 1815 году, все прекрасно понимали необходимость осуществления в России модернизационного проекта. Россия реально отставала.

Второе, что необходимо отметить, это то, что российская политика всегда строилась на разделении по линиям «западники – славянофилы», «красные и белые» или, как сейчас, «силовики и либералы». (Хотя, конечно, здесь же отмечу, что в жизни всё зачастую сложнее. Но что делать, любая схема – это заведомое упрощение.)

Так вот, в 1825 году западно ориентированная часть российского общества решила взять инициативу в свои руки. Она, к несчастью для российского общества, решилась на восстание, попытавшись осуществить в России диктатуру западно ориентированного меньшинства. Но, так же к несчастью для российского общества, она проиграла.

С одной стороны, хорошо, что декабристы проиграли, с другой стороны – негативные последствия этого проигрыша были огромными, потому что Россия лишилась второй, прозападной части своей политической системы. Из петербургских и московских салонов исчезли «прыгающие, улыбающиеся люди», и ноша государства безраздельно пала на консерваторов.

А консерваторы, к сожалению, не опиравшиеся на ценности российской цивилизации, такие, как, допустим, избрание Патриарха, не сумели предоставить обществу более-менее внятный проект модернизации. Были некие тактические действия, которые, в том числе, поддерживал и Александр Сергеевич, но целостной модели консервативно-модернизационного развития обществу предложено не было. В этом трагедия Пушкина, поддерживавшего это направление консерватизма.

Тот консерватизм закончился «отложенной» катастрофой России в 1856 году и окончательной – в феврале 1917 года.

Параллели с нынешним временем здесь, думаю, понятны.

Михаил Демури

Хотел бы коротко в заключение поделиться несколькими мыслями. Начну с цитаты и закончу цитатой. Надеюсь, Георгий Николаевич на меня не обидится: я приведу две строфы из его стихов. Они к нашему сегодняшнему обсуждению имеют прямое отношение: «Вспоминая, / мы обретаем – завещаньем – долг, / и долг наследуют / нас любящие души».

Сегодня мы не просто говорили о Пушкине и русской традиции. Мы восстанавливали понимание долга, свойственное русскому человеку, человеку русской культуры. Сегодня наш долг – спасти русскую культуру, русскую традицию. И на это у нас почти нет времени. Речь поэтому должна идти не столько о развитии и возрождении России, сколько о преображении нашего народа и нашей страны. А для этого необходима большая духовная энергия. Без правильного понимания идейной основы жизни накопление этой энергии, на мой взгляд, невозможно.

Надо, однако, сказать, что на протяжении русской истории понимание того, насколько значима идейная основа жизни, нередко и у власти, и у общества было довольно зыбким. Отсюда смуты, которые периодически отбрасывали Россию назад, как это было, в частности, в конце XVI – начале XVII века, потом в первые два десятилетия XX века и вновь в 1980–1990-х годах. До последнего времени российские смуты более или менее успешно преодолевались. Степень успешности зависела опять же от того, насколько всеобъемлюще и глубоко была сформулирована идейная, смысловая основа преодоления. За проявленные в середине XVII века неумение беречь единство православного народа и стремление к подчинению веры политическим замыслам мы получили Петра I, его реформы, синодальную систему. Платой за неспособность найти для религии, да и для русской культурно-исторической традиции в целом, достойное место в новой доктрине переустройства страны после 1917 года стал её перестроечный и последующий либерально-западнический развал.

В 2007 году Владимир Владимирович Путин, а в 2008 году – Дмитрий Анатольевич Медведев в своих посланиях Федеральному Собранию заговорили о ценностях, которыми нельзя поступиться. Прозвучали слова о духовном и нравственном богатстве народа, о вере в Россию, о ценности глубокой привязанности к родной почве и родной культуре, о необходимости ощущать себя единым народом и даже о важности возвращения российскому образованию функции воспитания на основе освоения ценностей нации. Почему же эта положительная, консервативная по своей сути программа не реализуется? Не в результате ли козней врагов? Нет – вследствие непоследовательности в самой постановке вопроса. Дело в том, что с подачи либералов «ельцинского призыва» высшими ценностями в

России продолжают и сегодня объявлять человека самого по себе, его права, его собственность. Это серьёзный и чреватый трагическими последствиями разрыв с выстраданными и выверенными за века ценностями и идеалами русской духовной, культурно-исторической и политической традиции. Разрыв, который нужно преодолевать.

Именно поэтому так важен сегодня разговор о Пушкине, об актуальных векторах его влияния на русскую философскую и политическую мысль XIX–XX веков, на формирование русского исторического самосознания, на современные умонастроения в России. Разговор о том, как великий поэт постепенного охладевал к европоцентризму и либерализму, как он уходил от нравственной фривольности и безбожия, как проникался русским национальным духом, безусловным уважением к своей истории во всей её полноте, «славянофильством пророческих предчувствий», семейными и религиозными ценностями.

Непременное условие такого поиска опоры на традицию, преодоления сохраняющегося пока разрыва с ней – подобные исследования должны быть «привязаны» к современным потребностям России, устремлены в будущее. В этом – одно из важнейших динамических оснований современного русского консерватизма. Только так можно обрести новый живой и цельный синтез веры и знания и на этой основе создать новую цельную политику, экономику, социальную организацию, культуру.

Пушкинская диалектика опоры на традицию и русский дух, с одной стороны, и открытости по отношению к внешнему миру, с другой, является, в моём понимании, прямым наследованием идеям преподобного Сергия Радонежского. Великий старец заложил основу русской политической традиции важнейшим поучением о том, что политическая независимость невозможна и бессмысленна без обретения независимости духовной. В XIV веке именно на этой основе началось преодоление раздробленности русских княжеств и было достигнуто такое состояние духа и воли, которое одно только и могло способствовать победе сначала над собой, а потом над врагом, способствовать началу действительно общенационального строительства на Руси. Как нельзя более актуальным остаётся это наставление Игумена земли русской и в наши дни.

В этом же контексте видится трансформация отношения Пушкина к западничеству и либерализму, ярко отразившаяся не только в его

гражданской поэзии и письмах, о чём немало написано, но и в самом что ни на есть лирическом произведении – в «Евгении Онегине». Почему Онегин, западник и либерал в современном понимании, оказывается отвергнутым? Что удерживает Татьяну от фактической реализации соблазна, в котором мысленно она, конечно же, пребывает, думая о «возможном и близком» счастье и проливая слёзы над письмами Онегина? Может быть, нежелание своим согласием вводить его в окончательный грех вседозволенности? Может быть, только этот отказ из любви к Онегину и способен заставить его задуматься о том, что же не так в его жизненном жребии? Поищите ответы на эти вопросы вместе с Валентином Семёновичем Непомнящим, и вы увидите в этом романе в стихах бездну общественной философии.

Органично проросло в пушкинских творениях и другое великое поучение преподобного Сергия и его самого знаменитого ученика Кирилла Белозерского о том, что правда Евангелия выше правды власти: «Возненавидь всякую власть, влекущую тебя ко греху...»¹. Проросло не сразу, можно было бы сказать мучительно, если бы речь шла не о Пушкине. У Пушкина же от уверенности, что поэт «сам свой высший суд», до истинно православного взгляда на власть и свободу в так называемом «каменноостровском цикле» внешне не особенно продолжительная дистанция. Но какой глубины пропасть он, в отличие от немалого числа золотых перьев русской классической литературы, смог преодолеть в эти немногие годы!

На этот счёт немало было сказано, особенно о проблеме «власть – вера – личность – народ» в «Борисе Годунове» и «Капитанской дочке». Мне же лично наиболее значимой в этом контексте представляется трансформация отношения Пушкина к Петру I и вместе с этим к понятию гения. Если в «Полтаве» Пётр – любимый персонаж Пушкина, гений, вместе с которым мужает Россия молодая, то в «Медном всаднике» этот гений, чьей «волей роковой под морем город основался», становится для Пушкина «кумиром», «горделивым истуканом». Именно Пётр наводит на город и его жителей Божий гнев, именно за его самоволие расплачиваются его наследники и, как всегда в России, народ. И именно поэтому, на мой взгляд, требует уточнения пушкинское утверждение о несовместности гения и злодейства. Они, как говорит история от Каина и

¹ Из послания святого Кирилла Белозерского к великому князю московскому Василию Дмитриевичу (1399–1402). – *Прим. ред.*

подтверждает XX век, вполне совместны – в отличие от злодейства и Божьего дара. А именно таким даром в полной мере был наделён великий русский поэт.

Остановиться в размышлениях о Пушкине непросто: он бесконечен, несть числа и нашим проблемам, для большинства из которых он поможет найти если не само решение, то точно верный подход к его поиску. А это уже очень и очень много. В конце концов, вспоминаем мы Пушкина, как и вообще обращаемся к нашей истории и нашей национальной традиции не для того только, чтобы испытать интеллектуальное удовольствие от общения с прекрасным и великим. Мы вспоминаем их в поиске духовного, нравственного, гражданского императивов жизни в сегодняшнем мире. Для кого-то речь идёт о том, чтобы эти императивы восстановить и укрепить, для кого-то – обрести, для кого-то – скорректировать. И нашей дискуссией мы хотели помочь сделать это всем, кто того желает. Надеюсь, нам это удалось. В конце концов, как учит нас Александр Сергеевич, «никакое богатство не сможет перекупить влияние обнародованной мысли» (XI, 264).

Георгий Василевич

Я могу сказать, что есть пушкинская форма динамического консерватизма. Это, собственно говоря, то, что я услышал у вас. Если говорить по-пушкински, проявление консерватизма – это равенство перед Богом, а если говорить о динамизме этого консерватизма, то это неравенство перед знанием судьбы...

ПОЛИТИЧЕСКОЕ МИРОСОЗЕРЦАНИЕ А.С. ПУШКИНА

Константин Михайлович Долгов,
доктор философских наук, профессор,
заведующий кафедрой философии, политологии
и культурологии Дипломатической академии МИД России

Существует огромное количество работ по самым различным аспектам творчества А.С. Пушкина, и их количество постоянно возрастает. Но о политических воззрениях поэта известно всего лишь несколько исследований: «Пушкин как политический мыслитель», «Пушкин об отношениях между Россией и Европой» С.Л. Франка, «Певец империи и свободы» Г.П. Федотова¹ – и, пожалуй, всё, если говорить о серьёзных работах. В остальных исследованиях о Пушкине его политические взгляды рассматриваются мимоходом и весьма поверхностно.

В своей очень интересной работе «Пушкин» Д.С. Мережковский, например, писал: «Политические увлечения его были поверхностны. Впоследствии он искренне каялся в них, как в заблуждениях молодости. В самом деле, Пушкин менее всего был рождён политическим бойцом и проповедником»².

В своих гениальных статьях «Судьба Пушкина» и «Значение поэзии в стихотворениях Пушкина»³ Вл. Соловьёв, отмечая у поэта «ясный и прямой ум», соединённый с «необузданною чувственною натурой», писал: «Пушкин вовсе не был мыслителем в области умозрения, как не был и практическим мудрецом; но здравым пониманием насущных нравственных истин, смыслом правды он обладал в высокой степени... Вся высшая идейная энергия исчерпывалась у него поэтическими образами и звуками, гениальным перерождением жизни в поэзию, а для самой текущей жизни, для житейской практи-

¹ Пушкин в русской философской критике. М., 1990. С. 396–422, 452–465, 356–375.

² Там же. С. 97.

³ Там же. С. 15–41, 41–91.

ки, оставалась только проза, здравый смысл и остроумие с весёлым смехом»¹. Основной отличительный признак поэзии Пушкина Вл. Соловьёв видел в том, что она есть «свобода от всякой предвзятой тенденции и от всякой претензии»². Но главное достоинство пушкинской поэзии он усматривал в красоте: «Но есть в поэзии своё содержание и своя польза. Поэзия может и должна служить делу истины и добра на земле, – но только по-своему, только своею красотой и ничем другим. Красота уже сама по себе находится в должном соотношении с истиной и добром, как их осязательное проявление. Следовательно, всё действительно-поэтическое – значит, прекрасное – будет тем самым содержательно и полезно в лучшем смысле этого слова. Ни в чём, кроме красоты, настоящая поэзия не нуждается: в красоте её смысл и польза»³. Таким образом, и Вл. Соловьёв почти не касался не только политических воззрений Пушкина, но даже его философских идей, полагая, что поэзия Пушкина есть чистая поэзия, поэзия красоты.

Я думаю, что рассматривать Пушкина как чистого поэта не совсем верно, особенно если учесть его блестящее окружение: это Карамзины, Вельгурские, Вяземские, Раевские, Жуковский, Гоголь, Баратынский, Плетнёв, Бестужев, Рылеев, Кюхельбекер, Пущин, Дельвиг, Чаадаев и многие другие выдающиеся люди России того времени, для которых философия, история, религия, политика, литература и искусство, право и мораль, внешняя и внутренняя политика России и вообще судьбы России не были чем-то внешним и далёким, а составляли основу и содержание духовной жизни. Творчество этих людей, равно как и творчество Пушкина, свидетельствует о том, что политика интересовала их не в меньшей, если не в большей, степени, чем другие сферы человеческого духа. Естественно, и Пушкин не мог стоять в стороне от политических событий, будь то внутренних или международных, что подтверждается всем его творчеством. Я думаю, что можно было бы с полным правом сказать, что Пушкин был не только величайшим русским поэтом, но и, как справедливо писал об этом С.Л. Франк, «величайшим русским политическим мыслителем XIX века»⁴ и величайшим русским мыслителем вообще.

¹ Пушкин в русской философской критике... С. 20.

² Там же. С. 44.

³ Там же. С. 46.

⁴ Там же. С. 398.

Формирование и развитие политических воззрений Пушкина было основательно исследовано С.Л. Франком, определившим основные этапы его духовного, поэтического и политического развития: юношеский, лицейско-петербургский (до 1820 года), кишинёвский (1820–1823), одесский (1823–1824), михайловский (осень 1824 – осень 1826 года), зрелый (1826–1831)¹.

Пушкин, отличаясь необычайно глубоким и универсальным интеллектом, быстро развивался и как поэт, и как мыслитель: от буйного веселья, связанного с «вольнолюбивыми мечтами» раннего периода, он движется к идее конституционной монархии и господству «вечного закона» над царями и императорами («Деревня», «Вольность» и другие произведения), затем – к размышлениям о судьбе России в послепетровские времена, а через развенчание русского либерализма того времени – к политическому консерватизму и к монархии как незыблемой основе русской политической жизни. Об этом идёт речь в «Борисе Годунове», где власть царя рассматривается как данная от Бога. В глубоко народном образе Пимена раскрываются основные качества русского человека – кроткое, мудрое, набожное отношение к власти царской и открытое, резкое неприятие всего, что ей противопоставляется. В письме к П.А. Вяземскому от 14 августа 1826 года Пушкин писал: «Бунт и революция мне никогда не нравились, это правда; но я был в связи почти со всеми и в переписке со многими из заговорщиков» (XIII, 286). А если к этому добавить показания Пушкина по делу об элегии «Андрей Шень», где, как он сам перечисляет, речь идёт о взятии Бастилии, о победе революционных идей, об уничтожении царей, о провозглашении равенства и так далее, что значительно превосходит по своим параметрам «несчастный бунт 14 декабря»; если к этому присовокупить то, что он писал А.Х. Бенкендорфу 6 декабря 1833 года: «...я оставил вымысел и написал *Историю Пугачёвщины*. <...> ...я по совести исполнил долг историка: изыскивал истину с усердием и излагал её без криводушия, не стараясь льстить ни Силе, ни модному образу мыслей» (XV, 226); если принять во внимание намерение Пушкина издавать «политический и литературный журнал», в коем печатались бы «политические и заграничные новости»²; если принять во внимание спор Пушкина

¹ Пушкин в русской философской критике... С. 399.

² См. письма А.Х. Бенкендорфу 21 июля 1831 года (XIV, 256) и 27 мая 1832 года (XV, 206).

с Чаадаевым о судьбах России от 19 октября 1836 года, где он отстаивает историческое величие России и её особое предназначение; если иметь в виду отношение Пушкина к греческому и польскому восстаниям и к их участникам... Словом, если иметь в виду эти и многие другие факты, не говоря уже о собственно поэтических и художественных произведениях, посвящённых проблемам свободы, воли, народа и власти, исторического предназначения России, бунта и революции и так далее, то станет очевидным не только безусловно глубокий интерес Пушкина к весьма широкой политической проблематике, но и к роли и месту России в современном ему мире и в международных отношениях.

Прежде всего, стоит отметить глубокое знание Пушкиным истории политических и международных отношений.

Прочитав брошюру, присланную ему Чаадаевым, Пушкин в письме к нему писал: «Я доволен переводом, в нём сохранена энергия и непринуждённость подлинника. Что касается мыслей, то вы знаете, что я далеко не во всём согласен с вами. Нет сомнения, что схизма <разделение церквей> отъединила нас от остальной Европы и что мы не принимали участия ни в одном из великих событий, которые её потрясали, но у нас было своё особое предназначение. Это Россия, это её необъятные пространства поглотили монгольское нашествие. Татары не посмели перейти наши западные границы и оставить нас в тылу. Они отошли к своим пустыням, и христианская цивилизация была спасена. Для достижения этой цели мы должны были вести совершенно особое существование, которое, оставив нас христианами, сделало нас, однако, совершенно чуждыми христианскому миру, так что нашим мученичеством энергичное развитие католической Европы было избавлено от всяких помех» (XVI, 392, оригинал на французском языке). Тем самым Пушкин развенчивает миф об исторической отсталости России, о её историческом прозябании и неучастии в великих исторических событиях, убедительно доказывая, что дело не в этом, а в особом предназначении России, в её особой исторической, духовной и социально-политической миссии.

На тезис Чаадаева о том, что источник православия – Византия была достойна презрения, а посему этот источник нельзя считать «чистым», Пушкин решительно возражает своему другу и наставнику: «Ах, мой друг, разве сам Иисус Христос не родился евреем и

разве Иерусалим не был притчею во языцех? Евангелие от этого разве менее изумительно? У греков мы взяли евангелие и предания, но не дух ребяческой мелочности и словопрений. Нравы Византии никогда не были нравами Киева. Наше духовенство, до Феофана, было достойно уважения, оно никогда не пятнало себя низостями папизма и, конечно, никогда не вызвало бы реформации в тот момент, когда человечество больше всего нуждалось в единстве. Согласен, что нынешнее духовенство отстало. Хотите знать причину? Оно носит бороду, вот и всё. Оно не принадлежит к хорошему обществу» (XVI, 392–393, оригинал на французском языке).

Здесь Пушкин развенчивает сразу несколько мифов: миф об отсталости Византии, ибо в X веке, когда Русь приняла христианство, Византия была одним из самых высокоразвитых и высококультурных государств мира; и миф об отсталости русского духовенства, Русской Православной Церкви, которая во многом была выше Католической Церкви, ибо никогда не занималась такими делами, какими занимались католические священники (продажа индульгенций, проповеди о непогрешимости папы, насильственное обращение представителей других народов в католичество и так далее), что привело к реформации, то есть к ещё большему расколу христианства и христианских церквей.

Столь же решительно Пушкин возражает Чаадаеву относительно «нашей исторической ничтожности». «Что же касается нашей исторической ничтожности, то я решительно не могу с вами согласиться. Войны Олега и Святослава и даже удельные усобицы – разве это не та жизнь, полная кипучего брожения и пылкой и бесцельной деятельности, которой отличается юность всех народов? Татарское нашествие – печальное и великое зрелище. Пробуждение России, развитие её могущества, её движение к единству (к русскому единству, разумеется), оба Ивана, величественная драма, начавшаяся в Угличе и закончившаяся в Ипатьевском монастыре, – как, неужели всё это не история, а лишь бледный полузабытый сон? А Пётр Великий, который один есть целая всемирная история! А Екатерина II, которая поставила Россию на пороге Европы? А Александр, который привёл вас в Париж? и (положа руку на сердце) разве не находите вы... чего-то такого, что поразит будущего историка? Думаете ли вы, что он поставит нас вне Европы? Хотя лично я сердечно привязан к государю, я далеко не восторгаюсь всем, что вижу вокруг себя; как

литератора – меня раздражают, как человек с предрассудками – я оскорблён, – [я] но клянусь честью, что ни за что на свете я не хотел бы переменить отечество, или иметь другую историю, кроме истории наших предков, такой, какой нам Бог её дал» (XVI, 393, оригинал на французском языке).

В этих словах не просто чувство патриотизма и гордости за отечественную историю, полную событий, прославивших Россию в веках, – нет, здесь налицо глубочайшее проникновение в суть политических деяний России, понимание специфики её исторического и политического становления, формирования и развития, прозрение в сущность мировых событий, выявление глубинных причин, обусловивших великие победы России и поражение её противников как на Востоке, так и на Западе. Здесь Пушкин выказывает своё государственно-патриотическое настроение, которое было присуще ему всегда, даже в самые тяжёлые годы испытаний, выпавших на долю России.

Будучи человеком глубочайшего ума и необыкновенных дарований, Пушкин отдавал себе отчёт в сильных и слабых сторонах русской государственности и русского духа. «Действительно, нужно сознаться, что наша общественная жизнь – грустная вещь. Что это отсутствие общественного мнения, это равнодушие ко всякому долгу, справедливости и истине, это циничное презрение к человеческой мысли и достоинству – поистине могут привести в отчаяние» (XVI, 393, оригинал на французском языке). Как эти слова подходят к нашему современному состоянию и положению дел в России, верным сыном и гражданином которой он был и остался навсегда!

В письмах к Пушкину Чаадаев размышляет о том, как важно осознавать своё призвание на этой земле. Так, в письме, написанном в марте – апреле 1829 года, Чаадаев пишет своему младшему другу: «Нет более огорчительного зрелища в мире нравственном, чем зрелище гениального человека, не понимающего свой век и своё призвание... Я убеждён, что вы можете принести бесконечное благо этой бедной России, заблудившейся на земле. Не обманите вашей судьбы, мой друг... нет ни одной книжки, журнала, где бы ни шла речь о вас... Видите, что могли бы сделать вы для своей славы. Обратитесь с воплем к небу, – оно ответит вам»¹.

¹ Чаадаев П.Я. Полн. собр. соч. и избранные письма. Т. 2. М., 1991. С. 66–67.

Будучи сам гениальным человеком, Чаадаев, как никто другой, понимал историческое предназначение Пушкина и очень опасался, что поэт, окунувшись в увеселения света, не сможет выйти на стезю своего призвания. Он много и постоянно думал о Пушкине, о том, что его мучило и огорчало. Чаадаев направил Пушкину рукопись своего первого «Философского письма». Поэт внимательно изучил его и написал большое ответное письмо Чаадаеву, где высказал свои суждения о принципиальных положениях письма своего старшего друга, о чём мы уже говорили выше.

Чаадаев очень сожалел, что им «не суждено было идти вместе, и что из этого впоследствии бы нечто полезное для нас и для других»¹, – писал он Пушкину в письме от 17 июня 1831 года. В этом же письме он просит Пушкина: «Пишите мне по-русски; вам не следует говорить на ином языке, кроме языка вашего призвания»². Чаадаев обсуждает с Пушкиным самые важные проблемы эпохи: гибель старого и рождение нового мира, Июльскую революцию 1830 года, возможность новой «всеобщей войны», вопросы поэзии и религии и так далее. По всем этим вопросам ему интересно знать мнение Пушкина. Но и обсуждая, анализируя столь важные проблемы, Чаадаев не забывает о призвании Пушкина. «О, как желал бы я иметь власть вызвать сразу все силы вашего поэтического существа! Как желал бы я извлечь из него, уже теперь, всё то, что, как я знаю, скрывается в нём, дабы и вы дали нам услышать когда-нибудь одну из тех песней, какие требует век. Как тогда всё, что теперь бесследно для вашего ума проходит перед вами, тотчас поразило бы вас! Как всё приняло бы новый облик в ваших глазах»³, – пишет Чаадаев в письме от 18 сентября 1831 года. И Чаадаев нетерпеливо ждал, чтобы Пушкин со всей своей гениальностью откликнулся на требования века.

В этом же письме он поздравляет Пушкина с тем, что ему поручено написать историю Петра I, прекрасно понимая, что только Пушкин сможет воздать должное величайшему государственному деятелю России. И что ещё замечательно: Чаадаев высказывает в этом письме свои впечатления от двух стихотворений Пушкина – «Клеветникам России» и «Бородинская годовщина»: «Я только что

¹ Чаадаев П.Я. Полн. собр. соч. и избранные письма. Т. 2. С. 67.

² Там же. С. 68.

³ Там же. С. 72–73.

увидал два ваших стихотворения. Мой друг, никогда ещё вы не доставляли мне такого удовольствия. Вот, наконец, вы – национальный поэт; вы угадали, наконец, своё призвание. Не могу выразить вам того удовлетворения, которое вы заставили меня испытать... Стихотворение к врагам России особенно изумительно; это я говорю вам. В нём больше мыслей, чем их было высказано и осуществлено за последние сто лет в этой стране. Да, мой друг, пишите историю Петра Великого... Мне хочется сказать: вот, наконец, явился наш Дант... может быть слишком поспешный. Подождем»¹.

Пушкин как истинный патриот тяжело переживал затянувшийся конфликт России с Польшей, полагая, что этот мятеж можно было подавить уже давно, чтобы не лилась напрасная кровь с обеих сторон. В своём письме к П.А. Вяземскому от 1 июня 1831 года Пушкин писал о героическом сопротивлении поляков, об их храбрости и мужестве в сражениях с русскими войсками. Вместе с тем, отдавая себе отчёт в том, что европейские страны выступают с клеветническими нападениями на Россию и с угрозами вмешаться в этот конфликт на стороне Польши, поэт пишет своему другу: «Но всё-таки их надобно задушить, и наша медленность мучительна. Для нас мятеж Польши есть дело семейственное, старинная, наследственная распря; мы не можем судить её по впечатлениям европейским, каков бы ни был, впрочем, наш образ мыслей. Но для Европы нужны общие предметы внимания и пристрастия, нужны и для народов и для правительств. Конечно, выгода почти всех правительств держаться в сем случае правила non-intervention, т.е. избегать в чужом пиру похмелия; но народы так и рвутся, так и лают. Того и гляди, навяжется на нас Европа. Счастье ещё, что мы прошлого году не вмешались в последнюю французскую передрагу! А то был бы долг платежом красен» (XIV, 169).

Пушкин, естественно, был хорошо знаком с историей взаимоотношений России и Польши, а также с историей «разделов» Польши. В этом он занимал открыто патриотическую позицию, которая проявилась и в оценке им польского восстания, или «мятежа», как внутреннего, «семейного» дела России, исключавшего иностранное вмешательство.

Насколько внимательно следил Пушкин за событиями в Польше, свидетельствует его письмо к П.А. Вяземскому от 14 августа 1831

¹ Чаадаев П.Я. Полн. собр. соч. и избранные письма. Т. 2. С. 72–73.

года: «...наши дела польские идут, слава богу: Варшава окружена, Кржнецкий сменён нетерпеливыми патриотами. Дембинский, незначай явившийся в Варшаву из Литвы, выбран в главнокомандующие. Кржнецкого обвиняли мятежники в бездействии. Следственно они хотят сражения; следственно они будут разбиты, следственно интервенция Франции опоздает, следственно граф Паскевич удивительно счастлив. Король голландский погорячился, но, кажется, он принужден будет отложить попечение о Бельгии: Пруссии не до него» (XIV, 207).

То, о чём Пушкин писал в письме к П.А. Вяземскому, он поэтически выразит в стихотворении «Клеветникам России»:

О чём шумите вы, народные витии?
Зачем анафемой грозите вы России?
Что возмутило вас? волнения Литвы?
Оставьте: это спор славян между собою,
Домашний старый спор, уж взвешенный судьбою,
Вопрос, которого не разрешите вы.

Уже давно между собою
Враждуют эти племена;
Не раз клонилась под грозой
То их, то наша сторона.
Кто устоит в неравном споре:
Кичливый лях иль верный росс?
Славянские ль ручьи сольются в русском море?
Оно ль иссякнет? вот вопрос (III-I, 269).

Пушкин считал, что европейцы не могут понять «семейной вражды» между славянскими народами, а потому Европе лучше не вмешиваться в эти распри. «Оставьте нас...» – взывает к ним поэт. Он прекрасно понимал, что Европа никогда не относилась к России дружелюбно, скорее, наоборот: «И ненавидите вы нас...» За что? Очевидно, за то, что Россия не склоняла своей головы перед завоевателями, и в частности перед Наполеоном, покорившим все европейские народы.

И ненавидите вы нас...

За что ж? ответствуйте: за то ли,
Что на развалинах пылающей Москвы
Мы не признали наглой воли
Того, под кем дрожали вы?
За то ль, что в бездну повалили
Мы тяготеющий над царствами кумир
И нашей кровью искупили
Европы вольность, честь и мир?..

Вы грозны на словах – попробуйте на деле!

(III-I, 269–270)

Поэт напоминает клеветникам о великих победах России, в том числе и в битвах с европейскими государствами, которые почти всегда терпели поражение, когда нападали на великий русский народ. Он предупреждает, что и впредь «встанет русская земля» против любых захватчиков и им будет уготован бесславный конец.

Так высылайте ж нам, витии,
Своих озлобленных сынов:
Есть место им в полях России,
Среди нечуждых им гробов (III-I, 270).

Эти мотивы Пушкин развивает в другом стихотворении – «Бородинская годовщина», написанном в честь взятия Варшавы русскими войсками 26 августа 1831 года. Он снова напоминает врагам России о проигранных ими сражениях и о том, что они найдут себе гибель в полях великой державы, если снова вздумают покорить её.

Великий день Бородина
Мы братской тризной поминая,
Твердили: «Шли же племена,
Бедой России угрожая;
Не вся ль Европа тут была?
А чья звезда её вела!..
Но стали ж мы пятою твёрдой
И грудью приняли напор

Племён, послушных воле гордой,
И равен был неравный спор.

И что ж? свой бедственный побег,
Кичась, они забыли ныне;
Забыли русский штык и снег,
Погребший славу их в пустыне.
Знакомый пир их манит вновь –
Хмельна для них славянов кровь;
Но тяжело будет их похмелье;
Но долог будет сон гостей
На тесном, хладном новоселье,
Под знаком северных полей!

.....

Но вы, мутители палат,
Легкоязычные витии,
Вы, черни бедственный набат,
Клеветники, враги России!
Что взяли вы?.. Ещё ли росс
Больной, расслабленный колосс?

.....

Ваш бурный шум и хриплый крик
Смутили ль русского владыку?
Скажите, кто главой поник?
Кому венец: мечу иль крику?
Сильна ли Русь? Война, и мор,
И бунт, и внешних бурь напор
Её, беснуясь, потрясали –
Смотрите ж: всё стоит она! (III-I, 273–275)

Эти стихотворения Пушкина получили самую высокую оценку Чаадаева и передовых людей России того времени. Действительно, в них Пушкин выразил основные идеи, касающиеся взаимоотношений России с европейскими странами, а также со странами славянскими. Он показывает основные устои русской внутренней и внеш-

ней политики, направленной не на то, чтобы «топтать в прахе своих врагов», и не на месть врагам, а на защиту своего отечества, на его сохранение и развитие.

Стихотворения эти, как и многие другие, оказались пророческими: Европа после этого ещё много раз пыталась покорить Россию, но всякий раз, за редким исключением, Россия выходила из этих сражений победителем. Особенно явственно это проявилось во время Второй мировой войны, когда гитлеровский вермахт маршем прошёл по всей Европе и никто не смог оказать ему серьёзного сопротивления. Только Советская армия, как и раньше, сломала хребет военной машине Германии и спасла народы Европы и всего мира от фашистского порабощения.

В наши дни войска НАТО бомбили Югославию, где гибли мирные жители – старики, женщины, дети. Эта война была направлена против славянских народов, против их святынь, против памятников материальной и духовной культуры. Угроза миру исходила снова от просвещённой и культурной Европы, а также от Соединенных Штатов, пытающихся навязать народам мира свой «новый мировой порядок», а по существу – мировое господство США. В этих условиях слова Пушкина, обращённые к клеветникам и врагам России, звучат так, как будто они написаны сегодня. Да, Россия, ослабленная предательской, антинародной и антироссийской, антигосударственной политикой «перестройки» Горбачёва, «реформ» Ельцина и их окружения, потеряла былую мощь «сверхдержавы», но она ещё обладает достаточным военным потенциалом, чтобы уничтожить всех врагов и клеветников, кто посмеет на неё напасть: их ждёт та же участь, что и их знаменитых предшественников, с одной лишь разницей – гробы уже будут не нужны: хоронить будет некого, нечего, некому и негде. Стоило бы над этим задуматься внутренним и внешним врагам и клеветникам России, столь распоясавшимся в последние годы.

«Заметки по русской истории XVIII века» проливают свет на весьма определённое отношение Пушкина к Петру I и Екатерине II. Он высоко ценил государственные деяния великого Петра, которые, независимо ни от чего и ни от кого, продолжались и после его смерти. Пушкин перечисляет некоторые из преобразований Петра I: разрыв связей древнего порядка вещей, преданий и воспоминаний, распространение и развитие просвещения, умножение граждан-

ского и военного чиновничества и так далее. Но между деяниями Петра Великого и его «последователей» образовалась пропасть: «Ничтожные наследники северного исполина, изумлённые блеском его величия, с суеверной точностью подражали ему во всём, что только не требовало нового вдохновения. Таким образом, действия правительства были выше собственной его образованности и добро производилось ненарочно, между тем как азиатское невежество обитало при дворе» (XI, 14). К этому высказыванию Пушкин делает примечание: «Доказательства тому царствование безграмотной Екатерины I, кровавого злодея Бирона и сладострастной Елисаветы».

Действительно, «наследники» Петра I лишены были не только его гениальности, государственного ума и размаха, но и того «вдохновения», без которого невозможно «строить» великое государство и успешно управлять им. Их позитивные деяния Пушкин оценивал как некую инерцию деяний самого Петра, поскольку действия правительства послепетровского времени, несомненно, превосходили его «образованность» или, точнее, его «азиатское невежество».

Разница между деяниями Петра и делами его «наследников» имела качественный характер. Пётр сознательно ставил перед собой и перед Россией великие цели, знал, какими средствами можно этих целей достигнуть, и, главное, – он любил свой народ и своё Отечество и всё делал ради улучшения жизни народа, величия и процветания государства Российского. Пётр не страшился народной свободы, неминуемого следствия просвещения. Не боялся он и коренной ломки политических институтов, разрывов социально-культурных традиций, смены укоренившихся нравов и обычаев новыми, не боялся противостояния своим реформам, как и не надеялся на немедленное их одобрение всеми слоями или сословиями общества. Пушкин особо отмечал неудачные борения аристократов с деспотизмом, попытки аристократии ограничить самодержавие: «...к счастью, хитрость государей торжествовала над честолюбием вельмож и образ правления остался неприкосновенным. Это спасло нас от чудовищного феодализма и существование народа не отделилось вечною чертою от существования дворян. Если бы гордые замыслы Долгоруких и проч. совершились, то владельцы душ, сильные своими правами, всеми силами затруднили б или даже вовсе уничтожили б способы освобождения людей крепостного состояния, ограничили б

число дворян и заградили б для прочих сословий путь к достижению должностей и почестей государственных. Одно только страшное потрясение могло уничтожить в России закоренелое рабство; нынче же политическая наша свобода неразлучна с освобождением крестьян, желание лучшего соединяет все состояния противу общего зла, и твёрдое, мирное единодушие может скоро поставить нас на ряду с просвещёнными народами Европы» (XI, 14–15).

Пушкин отстаивал монархическую власть против власти вельмож, против власти местнической, ибо хорошо понимал, что только единое, сильное, централизованное государство способно выстоять в жестокой борьбе с внешними врагами и успешно развивать все сферы своей жизнедеятельности. Для России он не мыслил иной формы государственности, кроме монархии. Не случайно русский мыслитель Г.П. Федотов называл Пушкина певцом империи и свободы.

Рассматривая деяния Екатерины II, Пушкин отмечал: «Царствование Екатерины II имело новое и сильное влияние на политическое и нравственное состояние России. Возведённая на престол заговором нескольких мятежников, она обогатила <их> за счёт народа и унизила беспокойное наше дворянство. Если царствовать значит знать слабость души человеческой и ею пользоваться, то в сем отношении Екатерина заслуживает удивление потомства. Её великолепие ослепляло, приветливость привлекала, щедроты привязывали. Самое сластолюбие сей хитрой женщины утверждало её владычество. Производя слабый ропот в народе, привыкшем уважать пороки своих властителей, оно возбуждало гнусное соревнование в высших состояниях, ибо не нужно было ни ума, ни заслуг, ни талантов для достижения второго места в государстве. Много было званых и много избранных; но в длинном списке её любимцев, обречённых презрению потомства, имя странного Потёмкина будет отмечено рукою Истории» (XI, 15).

Пушкин умело, мастерски срывает все фальшивые маски с блистательной правительницы, обнажая суть её природы – чудовищной, глубоко порочной, циничной, ханжеской, извращённой. А ведь в те времена вплоть до сегодняшнего дня в России и в Европе восхищались и продолжают ещё восхищаться деяниями «великой государыни, достойной своего великого предка».

Пушкин же беспощадно раскрывает всё убожество – социальное, политическое, культурное – этой «универсальной развратницы» во

всех сферах её деятельности. «Униженная Швеция и уничтоженная Польша, вот великие права Екатерины на благодарность русского народа. Но со временем история оценит влияние её царствования на нравы, откроет жестокою деятельностью её деспотизма под личиной кротости и терпимости, народ, угнетённый наместниками, казну, расхищенную её любовниками, покажет важные ошибки её в политической экономии, ничтожность в законодательстве, отвратительное филярство в сношениях с философами её столетия – и тогда голос оболыщённого Вольтера не избавит её славной памяти от проклятия России» (XI, 15–16).

Правда, история государства Российского будет свидетельствовать о том, что семена разложения, оскудения, деградации и вырождения политических деятелей, посеянные сей государыней, дадут богатые всходы как на императорской ниве, так и на большевистской, а затем и на ниве «перестройки» и «демократических реформ». В эпоху царствования Николая II политика и политические деяния сведутся к «распутинщине» – явлению, по существу, уничтожившему царскую власть и основы монархической власти в России вообще. В годы советской власти, в годы большевизма, политика превратится в деяние узкой группы лиц, а затем и в деяние одного лица – деспота, крившего и перекраивавшего Россию в соответствии со своими односторонними, плоскими и убогими представлениями и идеалами «социальной справедливости», «социальной свободы», «всеобщего равенства» и «строительства социализма и коммунизма». В годы же горбачёвской «перестройки» и в годы ельцинских реформ политика сведётся к безмыслию и абсурду: гласность превратится в «гласность» сытых и богатых, демократия – в демократию для жуликов, воров, бандитов, спекулянтов и проходимцев, наживших на страданиях и бедах народа, на его ограблении миллиардные состояния, в то время как сам народ – более восьмидесяти процентов – превратится в нищих, а нищета, как известно, есть наихудший вид рабства.

Пушкин чётко формулирует «исторические деяния» Екатерины II: «Екатерина знала плутни и грабежи своих любовников, но молчала. <...> Отселе произошли сии огромные имения вовсе неизвестных фамилий и совершенное отсутствие чести и честности в высшем классе народа. От канцлера до последнего протоколиста всё крало и всё было продажно. Таким образом развратная государыня развратила и своё государство. Екатерина уничтожила звание

(справедливее – название) рабства, а раздарила около миллиона государственных крестьян (т.е. свободных хлебопашцев) и закрепила вольную Малороссию и польские провинции. Екатерина уничтожила пытку – а тайная канцелярия процветала под её патриархальным правлением; Екатерина любила просвещение, а Новиков, распространивший первый лучи его, перешёл из рук Шишковского в темницу, где и находился до самой её смерти. Радищев был сослан в Сибирь; Княжнин умер под розгами – и Фон-Визин, которого она боялась, не избегнул бы той же участи, если б не чрезвычайная его известность» (XI, 16), – таковы «гуманистические» достижения этой «просвещённой государыни». По жестокости она не уступала ни Ивану Грозному, ни Петру Великому, зато по развращённости, казнокрадству, цинизму и вероломству она, пожалуй, превосходила всех – и прежних и будущих правителей России. С нею могут сравниться разве что современные «демократы», разграбившие и разворовавшие и продолжающие разворовывать Россию самым бессовестным образом и отправлять капиталы в зарубежные банки на свои счета. По некоторым данным, объём финансовых средств, находящихся сегодня на счетах «новых русских» за рубежом, в десятки раз превышает размер годового бюджета России.

Что касается просвещения, то и здесь Екатерина II нанесла России огромный вред. «Екатерина явно гнала духовенство, жертвуя тем своему неограниченному властолюбию и угождая духу времени. Но лишив его независимого состояния и ограничив монастырские доходы, она нанесла сильный удар просвещению народному. Семинарии пришли в совершенный упадок. Многие деревни нуждаются в священниках. Бедность и невежество этих людей, необходимых в государстве, их унижает и отнимает у них самую возможность заниматься важною своею должностью. От сего происходит в нашем народе презрение к попам и равнодушие к отечественной религии... Жаль! ибо греческое вероисповедание, отдельное от всех прочих, даёт нам особенный национальный характер. В России влияние духовенства столь же было благотворно, сколько пагубно в землях римско-католических. <...> У нас... завися, как и все прочие состояния, от единой власти, но ограждённое святыней религии, оно всегда было посредником между народом и государем, как между человеком и божеством. Мы обязаны монахам нашей Истории, следственно и просвещением. Екатерина знала всё это и имела свои виды» (XI, 16–17).

Таким образом, за что бы ни бралась Екатерина II, она, согласно Пушкину, или разрушала то, что было сделано до неё, или возводила и строила то, что приносило России огромный вред. Видимо, не случайно именно в годы её царствования разразилась «пугачёвщина», в которой выразилась ненависть простого народа к политике, проводимой Екатериной II и её ближайшим окружением, к политике, усиливавшей эксплуатацию народа, его обнищание, вырождение, к политике, приводившей Россию к разорению материальному и оскудению духовному, к установлению несправедливости и лжи, воровства, жульничества, казнокрадства, всеобщего унижения и оскорбления человеческого достоинства. Пугачёв на одном из допросов сказал: «Богу было угодно наказать Россию через моё окаянство» (см.: IX-I, 77). «Пугачёвщина» была реакцией народа на «екатерининщину» – политику, проводившуюся Екатериной II не столько ради процветания и усиления России, сколько ради интересов разложившейся и аморальной группы «мятежников», возведших её на трон и с её благословения грабивших великую страну и великий народ, нисколько не заботясь об их судьбе и об их будущем.

Вот почему Пушкин с такой брезгливой неприязненностью говорил о Екатерине II, её деяниях и о деяниях её окружения. А о её знаменитом на всю Европу «Наказе» он гневно писал:

«Наказ её читали везде и на всех языках. Довольно было, чтобы поставить её наряду с Титами и Траянами, но, перечитывая сей лицемерный Наказ, нельзя воздержаться от праведного негодования. Простительно было фернейскому философу превозносить добродетели Тартюфа в юпке и в короне, он не знал, он не мог знать истины, но подлость русских писателей для меня непонятна.

Царствование Павла доказывает одно: что и в просвещённые времена могут родиться Калигулы. Русские защитники Самовластия в том несогласны и принимают славную шутку г-жи де Сталь за основание нашей конституции: *En Russie le gouvernement est un despotisme mitigé par la strangulation*¹) (XI, 17).

Хотелось бы привести очень верное высказывание С.Л. Франка относительно мировоззрения и умонастроения Пушкина: «Общим фундаментом политического мировоззрения Пушкина было национально-патриотическое умонастроение, оформленное как государственное сознание. Этим был обусловлен, прежде всего,

¹ Правление в России есть самовластие, ограниченное удавкойю.

его страстный постоянный интерес к внешнеполитической судьбе России. В этом отношении Пушкин представляет в истории русской политической мысли совершенный уникум среди независимых и оппозиционно настроенных русских писателей XIX века. Пушкин был одним из немногих людей, который остался в этом смысле верен идеалам своей первой юности – идеалам поколения, в начале жизни пережившего патриотическое возбуждение 1812–1815 годов. Большинство сверстников Пушкина к концу 20-х и в 30-х годах утратило это государственно-патриотическое сознание – отчасти в силу властвовавшего над русскими умами в течение всего XIX века инстинктивного ощущения непоколебимой государственной прочности России, отчасти по свойственному уже тогда русской интеллигенции сентиментальному космополитизму и государственному бессмыслию¹. Эти люди были озлоблены и не любили не тех, кто правил тогда Россией, а не любили России, были злы на неё и стояли к ней в оппозиции. Это, кстати, во многом повторилось и с оппозиционной интеллигенцией в годы советской власти – многие её представители встали в оппозицию не против правящей элиты, а против Советского Союза или Советской России.

О государственно-патриотическом сознании Пушкина свидетельствует его отношение к польскому восстанию. В письме к Е.М. Хитрову от 21 января 1831 года Пушкин писал:

«Вопрос о Польше решается легко. Её может спасти лишь чудо, а чудес не бывает. <...> ...мы получим Варшавскую губернию, что следовало осуществить уже 33 года тому назад. Из всех поляков меня интересует один Мицкевич. В начале восстания он был в Риме, боюсь, не приехал ли он в Варшаву, чтобы присутствовать при последних судорогах своего отечества.

Я недоволен нашими официальными статьями. В них господствует иронический тон, не приличествующий могуществу. <...> Совершенно излишне возбуждать русских против Польши. Наше мнение вполне определилось 18 лет тому назад» (XIV, 423, оригинал на французском языке).

И хотя Пушкин был дружен с Мицкевичем и другими поляками и сочувствовал их борьбе за освобождение, он не мог изменить своему Отечеству, с болью переживал неудачи наших войск, и был необычайно рад, когда узнал о взятии Варшавы нашими войсками. В

¹ Пушкин в русской философской критике... С. 409.

письме П.А. Осиповой от 11 сентября 1831 года он писал: «Не буду говорить вам о взятии Варшавы. Вы представляете себе, с каким восторгом мы приняли это известие после 9-месячных тяжёлых неудач. Что скажет Европа? вот вопрос, который нас занимает» (XIV, 423, оригинал на французском языке). Он оставался верен своему национально-государственному умонастроению и сознанию.

Другой пример – отношение поэта к греческому восстанию. Пушкин познакомился с некоторыми деятелями этого восстания, которых он охарактеризовал как толпу «трусливой сволочи, воров и бродяг», а офицеров – как «полное ничтожество», людей, которые не имеют «ни малейшего понятия о военном деле, никакого представления о чести, никакого энтузиазма», и пишет далее: «...дело Греции вызывает во мне горячее сочувствие, именно поэтому-то я и негодую, видя, что на этих ничтожных людей возложена священная обязанность защищать свободу» (XIII, 529, оригинал на французском языке).

Следует согласиться с мнением С.Л. Франка относительно политического мировоззрения Пушкина: «По общему своему характеру, политическое мировоззрение Пушкина есть *консерватизм*, сочетающийся, однако, с напряжённым требованием свободного культурного развития, обеспеченного правопорядка и независимости личности, – т.е. в *этом смысле* проникнутый *либеральными* началами. Консерватизм Пушкина складывается из трёх основных моментов: из убеждения, что историю творят – и потому государством должны править – не «все», не средние люди или масса, а избранные, вожди, великие люди, из тонкого чувства исторической традиции, как основы политической жизни, и, наконец, из забот о мирной непрерывности политического развития и из отвращения к насильственным переворотам»¹. Пушкин доказывает эти идеи и свои убеждения во многих произведениях: в «Истории Петра», в «Исторических записках» и в «Исторических заметках», в «Истории Пугачёва» и в «Борисе Годунове» и во многих других.

Неудивительно, что Пушкин был открытым и убеждённым противником демократии, в которой он видел одну из самых худших форм правления. В статье «Джон Теннер», Пушкин, воздавая должное политическому устройству Соединённых Штатов Америки, или Северо-Американских Штатов, заметил, что при более тщательном

¹ Пушкин в русской философской критике... С. 412.

исследовании государственного и общественного устройства этой страны положительное мнение меняется на отрицательное. «С изумлением увидели демократию в её отвратительном цинизме, в её жестоких предрассудках, в её нестерпимом тиранстве. Всё благородное, бескорыстное, всё возвышающее душу человеческую – подавленное неумолимым эгоизмом и страстию к довольству (comfort); большинство, нагло притесняющее общество; рабство негров посреди образованности и свободы; родословные гонения в народе, не имеющем дворянства; со стороны избирателей алчность и зависть; со стороны управляющих робость и подобострастие; талант, из уважения к равенству, принужденный к добровольному ostracism; богач, надевающий оборванный кафтан, дабы на улице не оскорбить надменной нищеты, им втайне презираемой: такова картина Американских Штатов, недавно выставленная перед нами» (XII, 104). При этом Пушкин ссылается на «славную книгу» Токвиля: «De la democratie en Amerique».

В своей статье «О дворянстве» Пушкин доказывает необходимость этого сословия, обладающего соответствующими качествами для управления государством (образование, воспитание, храбрость, благородство и так далее). Дворянство как «потомственное сословие народа высшее, т. е. награждённое большими преимуществами касательно собственности и частной свободы» в России постепенно вырождалось. Если боярство пало при Иоаннах, то дворянство – при Петре Великом, который уничтожил его введением «Табели о рангах» или чинами. Тем не менее в хорошо устроенном государстве править, согласно Пушкину, должны наилучшие, аристократы, меньшинство, а не большинство; царь или монарх, а не рабы.

Удивительно, что взгляды Пушкина на монархию во многом совпадали со взглядами Никколо Макиавелли, которого он высоко ценил как политического деятеля и политического мыслителя. «Езуит Посвин, столь известный в нашей истории, был одним из самых ревностных гонителей памяти Макиавеллевы. Он соединил в одной книге все клеветы, все нападения, которые навлек на свои сочинения бессмертный флорентинец, и тем остановил новое издание оных. Учёный Conringius, издавший «Il Principe» в 1660 году, доказал, что Посвин никогда не читал Макиавелля, а толковал о нём понаслышке». И далее. «Человек по природе своей склонен более к осуждению, нежели к похвале – говорит Макиавелль, – сей ве-

ликий знаток природы человеческой» (VIII, 64), – писал Пушкин о Макиавелли в то время, когда его почти все третировали и критиковали. Это лишний раз свидетельствует о великом политическом уме и чутье Пушкина.

К сожалению, и в политическом, и в поэтическом, и в художественно-эстетическом отношениях Россия пошла не по путям, проложенным Пушкиным, а, скорее, по совершенно противоположным. Возможно, именно этим можно объяснить дальнейшую не очень удачную и не очень счастливую историю России вплоть до сегодняшних дней.

И тем не менее, изучая политические воззрения Пушкина, народы России будут всё более ориентироваться на его политическую формулу: «монархия – сословное государство – свобода – консерватизм»¹, а не на избитую и принесшую много бед и несчастий формулу: «демократия – радикализм – (якобинство) – цезаристский деспотизм» или ещё более низменную и ничтожную формулу, существующую сегодня: «демократия – авторитаризм – олигархизм – криминализм», которая ведёт Россию к разрушению государственных, социально-экономических, нравственно-культурных и духовных основ, к нищете, духовному одичанию и интеллектуальному оскудению, к утрате великого исторического предназначения России.

Обращение к Пушкину поможет духовному возрождению нашей великой Родины, нашего Отечества, ибо Пушкин сегодня – это и наша национальная идея, и наши корни, и наши истоки, и наше будущее².

¹ Пушкин в русской философской критике... С. 412.

² Приводится в сокращении и с изменениями. Опубл.: Долгов К.М. Политическое мирозерцание А.С. Пушкина // *Философия хозяйства*. Альманах Центра общественных наук и экономического факультета МГУ им. Ломоносова. М., 1999, № 6.

ДВОРЯНСТВО В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ИДЕЙ А.С. ПУШКИНА

Вадим Петрович Старк,
доктор филологических наук,
профессор Санкт-Петербургского института
телевидения и дизайна,
главный редактор журнала «Художественный вестник»

По своему рождению Пушкин принадлежал к дворянскому сословию, к классу служилых землевладельцев. История предков поэта стала предметом детального изучения начиная ещё с 1850-х годов. Происхождение ни одного из русских писателей так не волновало читателей, как пушкинское. М.П. Алексеев в предисловии к книге В.М. Русакова, посвящённой уже потомкам поэта, писал: «Пушкин любил заниматься генеалогией своих предков. Хорошо известно, что это увлечение, имевшее глубокие корни, нашло неоднократное отображение во всём его творчестве – поэзии и прозе, в критических статьях, письмах, деловых документах... Достаточно напомнить такое стихотворение, как «Моя родословная», или исторический роман «Арап Петра Великого», созданный на основе его собственных генеалогических изысканий архивного характера и семейных преданий»¹.

В письме графу А.Х. Бенкендорфу, защищая себя по поводу стихотворения «Моя родословная», задевшего многих сильных мира сего, не могущих назвать и трёх поколений своих предков, и вызвавшего недовольство Уварова, Нессельроде и других, Пушкин писал: «...я чрезвычайно дорожу именем моих предков, этим единственным наследством, доставшимся мне от них» (XIV, 242; оригинал по-французски). К сожалению, и это наследство оказалось в беспорядочном состоянии, что стало причиной многих досадных упущений и ошибок самого Пушкина в его обращениях к истории

¹ Алексеев М.П. Предисловие // Русаков В.М. Рассказы о потомках А.С. Пушкина. Л., 1982. С. 3.

рода. Завершая первое из них, то есть примечание к строфе L главы первой «Евгения Онегина» (в его первом издании), автор сам же сетует на ограниченность своих источников: «В России, где память замечательных людей скоро исчезает, по причине недостатка исторических записок, странная жизнь Аннибала известна только по семейственным преданиям» (VI, 655).

Такие предания – в силу специфики своего возникновения и бытования – неизбежно грешат вольными или невольными ошибками, хронологическими несуразницами и домыслами во имя возвеличения рода. Предания пушкинского рода в этом смысле не исключение. Перенесённые же из сферы научной в повседневно широкое обращение, дополненные досужими толкованиями, эти версии, высказанные в осторожной форме, тиражировались и приобретали характер аксиом, искажая и даже вовсе преображая истинную историческую картину.

«Гордиться славою своих предков не только можно, но и должно; не уважать оной есть постыдное малодушие» (XI, 55), – писал Пушкин, выстрадав убеждение, что гордость за свой род не имеет ничего общего с чванством, она есть основа основ, столп «самостоянья человека».

Пушкинский взгляд на дворянство, его позиция в отношении сословия, к которому он принадлежал по рождению, становятся особенно наглядны, если мы вспомним само определение этого сословия, которое дается Пушкиным в статье «О дворянстве»: «Что такое дв.<орянство>? потомственное сословие народа высшее, т. е. награждённое большими преимуществами касательно собственности и частной свободы. Кем? народом или его представителями. С какую целию? с целию иметь мощных защитников или близких ко властям и непосредственных предстателей. Какие люди составляют сие сословие? люди, которые имеют время заниматься чужими делами. Кто сии люди? люди отменные по своему богатству или образу жизни» (XII, 205).

Веками складывалось сословие столбовых дворян, к числу которых относился и Пушкин. Понятие это, в наше время утратившее былой смысл, смутно связывается с древностью рода. В действительности же понятие «столбовой дворянин» полно глубокого смысла и чрезвычайно образно. В январе 1682 года, в последние месяцы царствования Фёдора Алексеевича, было принято решение

об отмене местничества, практически проложившее путь петровской «Табели о рангах», которая окончательно разрушит память об исторических родах в России. Пушкин в своих статьях будет горячо отстаивать это, пусть и мятежное, право местничества, в котором коренилось достоинство рода, на котором основывалось и чувство личного участия в судьбе отечества. Усиление бюрократических начал в государстве, по мнению Пушкина, превратит класс служилых землевладельцев из политически активного в сословие исполнителей чужой воли.

Отмена местничества сопровождалась значительными усилиями по составлению генеалогии служилых родов – того сословия, которое в России именовалось дворянством. Мужские имена выстраивались в длинные вертикальные цепи: сверху ставилось имя прародителя, далее вниз шла вертикаль, заканчивающаяся кружком, от него следующие звенья и новые кружки с именами потомков. Так вырос столбец, а то и столб, как их образно стали называть. Отсюда и пошло именование «столбовой дворянин», и чем выше был столб, тем более древним считался род. У потомков легендарного Рюрика такие столбы имели к 30-м годам XIX века до тридцати колен с именами предков. Но, как писал Пушкин, «у нас иной потомок Рюрика более дорожит звездой двоюродного дядюшки, чем историей своего дома, т.е. историей отечества» (XI, 162). Поэт постоянно иронизировал над новой аристократией, жадно рвущейся к власти и надменно забывающей ничтожество своего происхождения. В этом смысле Пушкин обыгрывает само понятие столбового дворянства в «Сказке о рыбаке и рыбке», где говорит зарвавшаяся старуха:

Не хочу быть чёрной крестьянкой,
Хочу быть столбовою дворянкой!

Нельзя стать столбовою дворянкой, ею надо родиться.

Достаточно взглянуть на писанное акварелью и чернилами «Родословное древо Пушкиных», хранящееся ныне во Всероссийском музее А.С. Пушкина в Петербурге, чтобы не осталось никаких сомнений в том, что поэт был истинным столбовым дворянином. Неоднократно публиковавшееся, оно значит как написанное неизвестным художником в начале XIX века по справке, выданной дядюшке поэта В.Л. Пушкину из Московского архива

Коллегии иностранных дел. «Древо» включает в себе 104 кружка с именами, первым из которых значится имя легендарного основателя рода Радши. В левом верхнем углу листа прочитывается надпись: «Во дни Благовернаго Великаго Князя Александра Невскаго приехал в Россию муж честен именем Радша».

В статье Пушкина «Опровержение на критики» есть слова, зачёркнутые им, но не утратившие оттого своего смысла: «Я русской дворянин, и... знал своих предков прежде чем узнал Байрона» (XI, 406). В «Борисе Годунове» уже отразилось это знание, восходящее к «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина. О времени же происхождения своего рода Пушкин впервые упоминает в полемическом послании К.Ф. Рылееву лета 1825 года. В ответ на вопрос Рылеева: «Тебе ли чваниться пятисотлетним дворянством?» Пушкин поправляет его: «Ты сердисься за то, что я чванюсь 600-летним дворянством (NB. моё дворянство старее)» (XIII, 219). Рылеев, как видно, исчисляет древность дворянства Пушкина со времени Григория Александровича Пушки, жившего в XIV веке, чьё прозвище дало фамилию пушкинскому роду, а Пушкин возводит свой род к первой половине XIII века, то есть к эпохе Александра Невского. Позднее он закрепляет своё утверждение в стихотворении «Моя родословная», в статье «Опровержение на критики», в «Начале автобиографии». В повести «Гости съезжались на дачу», которая датируется концом 1829 – началом 1830 года, русский, беседуя с испанцем, говорит: «...корень дворянства моего теряется в отдалённой древности» (VIII, 42). В вариантах рукописи после этих слов можно прочесть: «Я не мог отыскать в хрониках моего родонача<льника> – знаю только, что предки мои уже сражались близ Алекс.<андра> Невск.<ого>...» (VIII, 542). В стихотворении «Моя родословная» поэт, называя имя основателя рода, прямо связывает его с именем великого новгородского князя:

Мой предок Рача мышцой бранной
Святому Невскому служил...

Однако Пушкин не был выразителем мнений и суждений только лишь одного дворянского сословия, каким бы оно ни было древним и какие бы ни числились за ним заслуги перед отечеством, – иначе он бы не был национальным поэтом. Пушкин аккумулирует всю

Россию. Пушкин первый национальный поэт не потому только, что он великий и гениальный, а потому, что он, прежде всего, создатель оригинальной русской литературы, первый в полной мере выразивший идеи и устремления нации. В 1812 году Жермена де Сталь, гонимая Наполеоном и оказавшаяся в России, написала, что Россия ещё не имеет оригинальной литературы, но необычайные происшествия нашего времени обещают появление в России национального гения. Говоря об оригинальной литературе, она как раз и имела в виду национальную литературу, то есть не подражательную, какой в значительной степени была русская литература до Пушкина. Необычайные происшествия – это, прежде всего, Отечественная война 1812 года, вызвавшая необычайный патриотический подъём в России.

Таким образом, замечательная французская писательница предсказала появление в России национального гения. Имя ему – Пушкин. В ту пору он учился в Лицее, тогда были напечатаны его первые стихотворения, Царское Село стало его поэтическим отечеством. Но ни то, что было написано тогда, ни то, что было написано затем, в годы петербургской юности, ни даже то, что было создано на Юге и принесло ему славу первого поэта России, не сделало его национальным поэтом. Пушкин, сын своих родителей, родился в Москве. Пушкин – поэт, романтик – родился в Царском Селе. Пушкин как национальный поэт, выразитель всеобщих идей, родился в Михайловском. В этом смысле можно припомнить мысль Пушкина, вложенную им в уста просвещённого дворянина из «Романа в письмах»: «Петербург прихожая, Москва девичья, деревня же наш кабинет. Порядочный человек по необходимости проходит через переднюю и редко заглядывает в девичью, а сидит у себя в своём кабинете» (VIII-I, 52).

Когда мы говорим «Пушкин – наше всё», то можем забыть, что сформулировал эту аксиому Аполлон Григорьев: она созвучна всем нам. Не случайно, когда Пушкин скончался, то в первом отечественном некрологе он был назван солнцем русской поэзии. А в первом европейском некрологе на смерть Пушкина, написанном Адамом Мицкевичем и напечатанном в Париже, было сказано, что пуля, поразившая Пушкина, нанесла интеллектуальной России невозвратимую потерю, что ни одной стране не дано дважды рождать человека со столь выдающимися и столь разнообразными способностями.

Первый национальный поэт Польши Адам Мицкевич очень точно выразил суть того, что такое национальный поэт, всего в нескольких словах: «Выразитель устремлений нации своей». И совершенно не важно, что Пушкин, первый национальный поэт России, никогда не покидал Россию, а Мицкевич, первый национальный поэт Польши, никогда не был в Польше. Суть не в том, жил ли ты в своём Отечестве, а в том, что ты для него сделал. Именно как выразитель идей и устремлений России Пушкин нам так созвучен и дорог. О каком бы направлении идей Пушкина мы ни говорили, о какой области его знаний, о каком жанре его творчества, – всё сводится к этому.

Отношение к дворянству, идеи, с ним связанные, в этом ракурсе представляются вовсе не сословно ограниченными. На них, как в некоем фокусе, сходятся многие любимые идеи поэта. Они основополагающие и ведущие от рождения Пушкина и до его гибели. Он родился дворянином и стал «невольником чести»: выйдя к барьеру, он закончил свою жизнь. Осознал он это давно, ещё до окончания Лицея, вступая в жизнь, когда написал: «Равны мне писари, уланы, / Равны Законы, кивера, / Не рвусь я грудью в капитаны / И не ползу в ассессора...» (I, 259). Капитанский чин в армии, ассессорский в гражданской службе давал их носителям права на дворянство. Пушкин же был родовой дворянин.

Петровское время с его «Табелью о рангах» положило конец старому дворянству, и пошло дворянство новое, началось расслоение, которое так волновало Пушкина. Старое дворянство становится, по мысли Пушкина, источником революционных потрясений. Он писал, что в России нет третьего сословия, которое во Франции сделало революцию, род третьего сословия у нас – обнищавшее дворянство, то есть то, к которому принадлежал он сам. Он пишет о себе: «Я по кресту не дворянин, / Не академик, не профессор; / Я просто русской мещанин» (III-I, 261).

Поэт иронично может рассказать свою родословную, вспомнив, что она 600-летняя, что его предки служили ещё Александру Невскому и другим государям. При этом Пушкин выбирает ключевые моменты русской истории и везде он отмечает «гонимость» своего рода. Пушкин даже немного преувеличивает то, насколько гонимы его предки. Для него это идея, концепция: «они гонимы во все времена, гоним и я».

Когда Пушкин пишет: «Не торговал мой дед блинами, / Не ваксил царских сапогов. / Не пел с придворными дьячками, / В князя не прыгал из хохлов, / И не был беглым он солдатом / Австрийских пудренных дружин...» (III-I, 261) – то он задевает не тех прославленных людей, которых таким образом поминает (Меншикова, Безбородко, Чернышёва и других), а их ничтожных потомков. И со времени Михайловской ссылки нет ни одного крупного произведения зрелого Пушкина, в котором так или иначе не поднималась бы тема дворянства.

Для современного человека в эпоху разрушенных связей между целыми сословиями родство людей между собою далее третьего или четвертого колена представляется курьёзным, ибо забытыми порою оказались даже имена родных дедов и прадедов. На древней же Руси делом чести и неперменным фактором сосуществования в обществе почиталось «счастесья», то есть сосчитаться родством, каким бы отдалённым оно ни казалось. Конечно, это в первую очередь относилось к классу служилых землевладельцев, дворянству. Порода в системе Московского государства поднимала человека несоизмеримо выше личной заслуги, которая служила на практике лишь слабым подспорьем к «отечеству», то есть происхождению.

Ликвидация местничества, когда знатность рода была основным критерием при определении места того или иного лица в служебной иерархии, казалось, положила конец этой практике, но на самом деле она надолго осталась в нравах русского общества. Появление при Петре I в 1722 году знаменитой «Табели о рангах», отделившей от родового происхождения титулы, чины и звания, привело к забвению старых исторических родов, рождению бюрократического дворянства. Уже Пушкин писал: «У нас нова рожденьем знатность» (III-I, 261). Естественно, что в первопрестольной, патриархальной Москве и в русской провинции, вдалеке от чиновного Петербурга с министерствами и департаментами, устойчивее сохранялся старый родовой дух. Разговоры о родне составляли неотъемлемую часть беседы в поместьях родовых, в окружении фамильных портретов. От знаменитой «бабушки московской» в стихах Пушкина с её рассказами о старине, думается, произошло название известных «Рассказов бабушки» Елизаветы Петровны Яньковой, наполненных милыми воспоминаниями о давно отошедших в лучший мир родственниках, – рассказов, пленяющих уже несколько поколений

читателей¹. Тема дворянства стала одной из ведущих тем большой литературы от петровского времени, потрясшего и возвысившего Россию, до литературы русской эмиграции XX века, то есть на протяжении двухсот лет. Литература эта создавалась преимущественно писателями-дворянами, многие из которых состояли в родстве друг с другом, в том числе и с Пушкиным. Но не родство по крови, а родство по духу определило постановку темы дворянства в русской литературе после Пушкина и вослед ему.

Так, уже в стихотворении «Смерть поэта» Лермонтов очень точно определил пушкинских врагов:

А вы, надменные потомки
Известной подлостью прославленных отцов,
Пятою рабскою поправшие обломки
Игрую счастья обиженных родов!²

«Подлость» в данном контексте следует понимать не как нравственную оценку тех, кого клеймит Лермонтов. Речь идёт о низком происхождении из «подлого люда» тех представителей нового дворянства, которых задевает Пушкин в своём стихотворении «Моя родословная». Лермонтов развивает именно пушкинскую концепцию отношения старого и нового дворянства, вызвавшую особенную ярость против Пушкина, а затем и против Лермонтова со стороны высокопоставленных представителей новых фамилий, поднявшихся из низов.

Оба поэта принадлежали к «обиженным родам» – старым русским фамилиям. В Пушкине не течёт кровь Лермонтовых, но в Лермонтове течёт кровь Пушкиных. У поэтов был общий предок – Иван Гаврилович Пушкин, живший в XV веке и бывший прямым потомком легендарного Радши в X колене. Ещё спустя десять поколений потомками Ивана Гавриловича по одной линии оказался Пушкин, а по другой – Юрий Петрович Лермонтов, отец поэта. Таким образом, Пушкин приходился Лермонтову дядей в X колене. О столь отдалённом родстве обе стороны могли и не знать, во всяком

¹ Рассказы бабушки. Из воспоминаний пяти поколений, записанные и собранные её внуком Д. Благово. Л., 1989. Сначала публиковались в журнале «Русский вестник» с 1878 по 1880 год. Впервые отдельно вышли в 1885 году в издании А.С. Суворина.

² *Лермонтов М.Ю.* Смерть поэта («Погиб поэт! – невольник чести...») // Лермонтов М.Ю. Полн. собр. соч.: В 5 т. М.; Л., 1935–1937. Т. 2. С. 17.

случае, Пушкин. Лермонтов же мог знать о том, что его прапрадед Иван Герасимович Боборыкин был женат на Евдокии Фёдоровне Пушкиной, дочери казнённого 4 марта 1697 года за участие в заговоре против Петра I окольного Фёдора Матвеевича Пушкина. Их дочь Анна Ивановна Боборыкина вышла замуж за будущего прадеда поэта Юрия Петровича Лермонтова. В честь него будет назван и отец поэта, также Юрий Петрович. Конечно же, знал Лермонтов стихотворение Пушкина 1830 года «Моя родословная», наделавшее много шума в свете, где поминается «казнённый Пушкин» – Фёдор Матвеевич, прямой предок Лермонтова.

Гоголь также выразит свои мысли, близкие пушкинским, в статье «О сословиях в государстве»: «Прошло то время, когда идеализировали и мечтали о разного рода правлениях, и умные люди, обольщённые формами, бывшими у других народов, горячо проповедывали: одни – совершенную демократию, другие – монархию, третьи – аристократию, четвёртые – смесь всего вместе, пятые – потребность двух борющихся сил в государстве...»¹.

По поводу дворянства Гоголь также развивает мысли Пушкина: «Дворянство наше должно непременно <иметь> другой характер, чем дворянства других краёв. Во всех других землях дворянство образовалось из пришельцев, из народов, захвативших земли туземцев и обративших народ силою в своих вассал<ов>. Оно установило насильственно отдельную касту аристократии, в которую уже не допускали никого. У нас дворянство есть цвет нашего же нас<еления?>. Большею частью заслуги перед царём, народом и всей землёй русской возводили у нас в знатный род людей из всех решительно сословий. Право над другими, если рассмотреть глубже, в основании, основано на разуме. Они не что иное, как управители государя. В награду за доблести, за испытанную честную службу даются ему в управление крестья<не>, даются ему, как просвещённейшему, как ставшему выше пред другими, – в предположении, что такой человек, кто лучше других понял высокие чувства и назначение, может лучше править, чем какой-нибудь простой чиновник, выбираемый в заседатели или капитан-исправники. Вольно было помещикам, позабывши эту высокую обязанность, глядеть на крестьян, как на предмет только дохода для своей роскоши и увеселений. Этим они

¹ Гоголь Н.В. О сословиях в государстве // Гоголь Н.В. Полн. собр. соч.: В 14 т. М.; Л., 1937–1952. Т. 8. 1952. С. 489.

ничуть не доказали, что государи были неправы, а доказали только, что они сами уронили звание помещика»¹.

«Дворянство, – продолжает Гоголь, – должно быть сосудом и хранителем высшего нравственного чувства всей нации, рыцарями чести и добра, которые должны сторожить сами за собою. Так должны быть они в России, где не хвастают ни родом, ни происхождением, ни point d'honneur, но каким-то нравственным благородством, которое, к сожалению, обнаруживает² только во дни высших жертвований»².

Л.Н. Толстой, гордившийся своими предками, дорожил своим родовым гнездом — яснополянским домом, о котором писал: «Он мне дорог по воспоминаниям, я его никогда не продам, это последняя вещь, с которой я решусь расстаться». Лев Толстой сформулировал осознание своего «я», во многом отвечающее тому, которое выработал для себя Пушкин: «Быть, чем есть: а) по способностям – литератором, б) по рождению – аристократом». В итоге Толстой бросил дом своих предков и семью в поисках иного понимания мироустройства, но переделать этот мир он уже не мог.

Уже в XX столетии – у Александра Блока, как и у Пушкина, не сразу проявился интерес к собственной родословной, и ему также пришлось довольствоваться «семейственными преданиями», когда он писал: «Дед мой – лютеранин, потомок врача царя Алексея Михайловича, выходца из Мекленбурга...» На самом же деле первым из Блоков в России появился прадед поэта Иван Леонтьевич Блок – в царствование императрицы Елизаветы Петровны, в 1755 году. Один из его внуков, Лев Александрович Блок, женившись на Ариадне Александровне Черкасовой, стал дедом поэта, а другой – Иван Фёдорович Блок (1815–1848), отставной поручик лейб-гвардии Конного полка, имел женою Надежду Александровну Веймарн (1825–1904), праправнучку Абрама Петровича Ганнибала от его дочери Софии Абрамовны, в замужестве фон Роткирх, родной сестры Иосифа Абрамовича Ганнибала. Надежда Адамовна Роткирх, двоюродная сестра матери поэта Надежды Осиповны, вышла замуж за полковника Павла Леонтьевича Шемиота. У них было две дочери – София и Ольга, троюродные сёстры Пушкина. Старшая из сестёр София Павловна (1798–1827) стала первой женою Александра

¹ Гоголь Н.В. О сословиях в государстве... Т. 8. С. 492.

² Там же. С. 493.

Фёдоровича Веймарна, а после её смерти за Веймарна вышла младшая из сестёр Ольга Павловна (1802–1879). Дочь Веймарна от первого брака Надежда Александровна и вышла замуж за Ивана Фёдоровича Блока, двоюродного брата Льва Александровича Блока, родного деда поэта. У них было два сына – Александр, умерший холостым, и Фёдор, женившийся на своей двоюродной сестре Ольге Дмитриевне Зиновьевой, внучке того же Александра Фёдоровича Веймарна и его второй жены Ольги Павловны, дочь которых София Александровна вышла замуж за Дмитрия Васильевича Зиновьева. В лице Фёдора Ивановича Блока и Ольги Дмитриевны Зиновьевой соединились потомки Ганнибалы, но этот брак был бездетен.

Блок, как известно, вообще плохо знал историю своего рода, особенно отцовского, ибо ему не было и трёх лет, когда скончался его дед Лев Александрович Блок, а мать вскоре разошлась с отцом поэта, и мальчик рос в семействе Бекетовых. Но некая «таинственная» и кровная связь не разрывалась никогда. Как писала в «Семейной хронике» М.А. Бекетова, тётка и первый биограф поэта, «Александр Блок не был бы тем, чем он стал, если бы не был сыном не только матери своей, Бекетовой, но и отца»¹. В речи «О назначении поэта» сам Блок говорил: «Сын может быть не похож на отца ни в чём, кроме одной тайной черты; но она-то и делает похожими отца и сына».

Тема истории рода, его эволюции на обширном фоне истории России занимала Блока, как некогда Пушкина. Этому Блок посвятил поэму «Возмездие», оставшуюся незавершённой подобно пушкинскому роману «Арап Петра Великого». Он писал об основной идее этой поэмы: «Тема заключается в том, как развиваются звенья единой цепи рода». И высказал её в прологе поэмы:

Сыны отражены в отцах:
Коротенький обрывок рода –
Два-три звена, – и уж ясны
Заветы тёмной старины:
Созрела новая порода, –
Угль превращается в алмаз.

¹ Бекетова М.А. Семейная хроника // Литературное наследство. 1982. Т. 92. Кн. 3. С. 757.

Надо заметить, что прадед поэта Александр Иванович Блок, чей племянник Иван Фёдорович женился на праправнучке Ганнибала, отнюдь не был чужд литературе и был фигурой весьма заметной в пушкинском Петербурге. Пушкин, несомненно, встречал его в свете, у них было много общих знакомых. Тайный советник, гофмейстер двора, знакомый В.А. Жуковского, он ведал придворной канцелярией и по службе оказывал помощь писателям в переписке их произведений силами подчинённых ему писцов. Этих писцов в литературных кругах столицы даже окрестили «блоковскими мальчишками».

В каждом последующем звене рода откладывалось нечто продуктивно новое, дав России Александра Блока. Иллюстрацией к этому итогу – одинокому Поэту – служат его собственные слова из планов поэмы «Возмездие»: «На фоне каждой семьи встают её мятежные отрасли — укором, тревогой, мятежом. Может быть, они хуже остальных, может быть, они сами осуждены на погибель, они беспокоят и губят своих, но они всегда правы новизною, они способствуют выработке человека. Они обыкновенно сами бесплодны. Они последние. В них всё замыкается. Им нет выхода из собственного мятежа – ни в любви, ни в детях, ни в образовании новых семей»¹.

Наконец, последним в ряду писателей, развивавших вослед Пушкину тему дворянства, следует назвать Набокова. Он писал в «Других берегах», начиная главу, посвящённую собственной родословной: «Восемнадцати лет покинув Петербург, я... был слишком молод в России, чтобы проявить какое-либо любопытство к моей родословной; теперь я жалею об этом – из соображений технических: при отчётливости личной памяти неотчётливость семейной отражается на равновесии слов»². Таким образом, выраженное Набоковым ощущение сродни тому, которое испытал в своё время Пушкин, когда принял за историю собственного рода. Утрата России, а с нею вместе могил предков и родовых гнёзд возбудила в Набокове дремавший до того интерес к истории рода, дала осознание своей связанности с нею, обусловленности себя и своей судьбы тайным генетическим кодом. В предисловии к русскому изданию своей автобиографии Набоков скажет: «Её цель – описать прошлое с предельной точностью и отыскать в нём полнозначные

¹ Блок А.А. Стихотворения. Поэмы. Театр. М., 1968. С. 747.

² Набоков В.В. Собрание сочинений: В 4 т. Т. 4. М., 1990. С. 157.

очертания, а именно: развитие и повторение тайных тем в явной судьбе»¹. Набоков впервые в 1936 году приступил к автобиографическому повествованию, живя во Франции, в канун столетия со дня рождения Пушкина, что в значительной мере определило направленность его работы.

Вероятнее всего, оживление «семейной памяти» дало импульс к тому, что внутренне начало созреть. Набоков пишет: «Уже в эмиграции кое-какими занятными сведениями снабдил меня двоюродный мой дядюшка Владимир Викторович Голубцов, большой любитель таких изысканий. У него получалось, что старый дворянский род Набоковых произошёл не от каких-то псковичей, живших как-то там в сторонке, *на обочье*, и не кривобокого, *набокого*, как хотелось бы, а от обрусевшего шестьсот лет тому назад татарского князька по имени Набок»². В этом сообщении следует отметить пассаж о «шестисотлетнем дворянстве», которым Набоков опять-таки «наводит мостик», на этот раз генеалогический, между собою и Пушкиным, нарочито подчёркивавшим факт своего также шестисотлетнего дворянства. Безусловно, Набоков понимал, что никакой татарский князь не мог оказаться на русской службе до Куликовской битвы 1380 года и тем более успеть обрусеть. Если подходить к этой как бы несурянице с точки зрения канонической генеалогии, то к легенде, закреплённой Набоковым, могли бы быть применимы слова знаменитого генеалoga академика С.Б. Веселовского, писавшего: «Многочисленные легенды о знатных выходцах из-за рубежа дискредитировали генеалогические предания вообще, хотя в них нередко бывали элементы правды очень далёких времён»³. Между тем Набоков, восприняв в эмиграции эту семейную легенду, направляет её в то русло, которое считает наиболее продуктивным с художественной точки зрения, – ракурс, который в данном случае проецируется на Пушкина. Не сословный снобизм, но определённые художественные установки, а также благородная гордость за историю своего рода двигали Набоковым, когда он вплетал их в свои создания, следуя пушкинским принципам. На уровне сопоставления родовых интересов двух великих писателей, сопостав-

¹ *Набоков В.В. Собрание сочинений...* Т. 4. С. 133.

² Там же. С. 158.

³ *Веселовский С.Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев.* М., 1960. С. 41.

ления приёмов и методов их отражения в художественном тексте в наибольшей мере обнаруживается их литературное родство.

Пушкин так и не закончил своего автобиографического повествования, сохранились только его фрагменты и план. Известная программа записок выявляет стремление Пушкина переплести частную историю своего рода с историей отечества, а начать записки с происхождения семьи отца и матери, со своих первых впечатлений, воспитания, характеристик гувернанток и иностранных воспитателей, продолжить описанием образования в Лицее и так далее (см.: XII, 307–308). Сама эта схема и её принципы с известными поправками (поправками на время и частные отличия) была воспринята Набоковым.

Приведённые примеры можно было бы множить до бесконечности, и они наглядно показывают, что идеи Пушкина в отношении дворянства вообще и интерес к истории собственного рода как основе самостоятельной человеческой личности были продолжены и развиты в большой русской литературе вплоть до XX века. Если же говорить о дне сегодняшнем, то можно сказать, что всё возвращается на круги своя. Любимые идеи Пушкина стали ведущими и для поколения его потомков, помнящих свои корни.

Через родовые связи и предания человек вплетается в историческую жизнь Отечества, понятия «род» и «Родина» соединяются в нерасторжимое целое. К примеру, все французы начала XX века находились между собою не далее чем в седьмой степени родства. Для России, обширной и с более усложнённой во времени историей переплетения народов и наций, степень этого родства намного выше, но внутри относительно замкнутого как класса дворянства предельная эта степень не так уж и велика. Родственные связи дворян между собой, их родство с выдающимися деятелями истории органично вплетались в их жизнь, открывая настежь двери в самую историю, которая, став частью семейного быта, формировала сознание всякого, принадлежавшего к ней, в том числе и прежде всего – писателей, выразителей этого сознания, дороживших, говоря словами Пушкина, историей своего рода, то есть историей Отечества.

ПУШКИНСКОЕ НАСЛЕДИЕ ДЛЯ РУССКИХ В ИЗГНАНИИ: Сербия, 1937 год

Елена Бондарева,
*директор общественных программ
Фонда исторической перспективы*

Имя великого поэта для русского рассеяния в 20–40-е годы XX века действительно сыграло ту роль, которую предвидел В. Ходасевич: строки пушкинских стихов стали условным сигналом, кличем, созывавшим культурные силы к мобилизации. В жизнеутверждающем, мудром творчестве для отчаявшихся душ был найден, по выражению Е.В. Спекторского, «последний завет Пушкина нам: «Исчезни краткий наш позор, Россия, встань и возвышайся!»¹.

Как свидетельствуют исследования, посвящённые зарубежной пушкиниане², творческое наследие Пушкина стало в определённом смысле «русской идеологией в изгнании». При этом всеми разделялся тезис о жизнеутверждающей силе поэзии Пушкина, ставшей для эмиграции нравственной опорой в борьбе за выживание и спасение, за сохранение своей «русскости», средством передачи «национального кода» последующим поколениям. Однако роль поэта далеко не исчерпывалась выполнением этой культурной задачи. Его наследие столь неизмеримо по своей нравственной, философской, мировоззренческой глубине, что ориентиры и вдохновение в нём находили для себя достаточно далёкие друг от друга идейные течения в русской диаспоре. Величие Пушкина ещё раз сказалось в том, что он «перекрывал» все политические оттенки и в действительности стал объединяющим духовным и культурным началом.

¹ *Спекторский Е.В.* Заветы Пушкина // Пушкинский сборник. Прага, 1929. С. 63. Приведённый здесь завет – контаминация строк из двух стихотворений Пушкина: «Наполеон» (1821) и «Бородинская годовщина» (1831). – *Прим. ред.*

² См.: «В краю чужом...» Зарубежная Россия и Пушкин / Сост. М. Филин. М., 1998.

Кульминацией этого процесса стал 1937 год, когда скорбный юбилей отмечали в 42 государствах и 230 городах по всему миру. Именно тогда стихи Пушкина впервые зазвучали на многих иностранных языках. Помимо всего прочего, этот год стал прорывом пушкинской поэзии в мировую культуру.

Одним из центров торжеств был Белград, к 1937 году располагавший всем необходимым, чтобы достойно отметить столь значимое культурное событие. Центром культурной жизни был «Русский дом имени Императора Николая II», с прекрасной библиотекой, Русским научным институтом, великолепным концертным залом. В Белграде к середине тридцатых годов сложились сильные профессиональные театральные труппы – как балетные и оперные – в составе Народного театра Югославии, так и русские драматические. Их силами пушкинские произведения шагнули на белградские сцены и шли в течение нескольких недель с неизменным аншлагом. Следует отметить, что сербское общество как никогда активно участвовало в подготовке и проведении пушкинских дней: выдающиеся деятели культуры Исидора Секулич и академик Александр Белич открыли торжества в Коларчевом университете, ставились спектакли «Моцарт и Сальери», «Скупой рыцарь», все крупные журналы выпустили специальные юбилейные пушкинские номера, были опубликованы серьезные научные исследования¹. К сожалению, нет возможности полнее остановиться на праздновании пушкинских дней в Югославии в целом – это самостоятельная большая тема. Отмечу только, что это событие широко и искренне отмечалось также в Скопле, Загребе, Нови Саде и в других городах

Все мероприятия координировал Пушкинский комитет, в состав которого входили В.Н. Штрандтман, А.И. Белич, Е.В. Аничков, П.Б. Струве, Л.М. Сухотин, Ю.Л. Ракитин, И.Н. Голенищев-Кутузов, К.Ф. Тарановский и Н.З. Рыбинский. 10 февраля в Русской Святотроицкой церкви митрополит Анастасий отслужил панихиду в память поэта, а вечером в Русском доме состоялось торжественное собрание, на котором прозвучали доклады П.Б. Струве «Дух и Слово Пушкина», А.Л. Погодина «Пушкин и государственная идея», И.Н. Голенищева-

¹ Подробнее см.: *Джурич О.* Руска литерарна Србија. Белград, 1989; *Бадалич И.* Русские писатели в Югославии. М., 1966; *Петар М.* Пушкин код Срба. Скопле, 1937.

Кутузова «Пушкинская лирика» и Е.В. Аничкова «Пушкин и театр». Ведущие русские актёры М. Ведринская, В. Греч, П. Павлов, П. Холодков, Ю. Вальяни, Л. Попова, С. Слатина-Давыдова были заняты в постановках «Каменного гостя», «Русалки», «Моцарта и Сальери», отрывков из «Бориса Годунова» и других произведений Пушкина.

Белградская русская общественность к этому времени располагала и солидными издательскими возможностями. Поэтому пушкинский год был отмечен рядом серьёзных публикаций. В. Розов издал книгу «Александр Пушкин (1799–1837)», это была первая полная биография поэта на сербском. Уникальный русско-сербский журнал «Русский архив» посвятил пушкинской теме не один, а три номера, и не зря – на его страницах выступили Алексей Ремизов, Марина Цветаева, Марк Слоним, Владислав Ходасевич, Василий Архангельский, Евгений Ляцкий, Иван Лапшин, Надежда Мельникова-Папоушкова, Алексей Елачич, Модест Гофман. Можно сказать, что «ударные тексты» ведущие русские литераторы отдали белградскому «Русскому архиву» и эти тексты увидели свет на сербском языке благодаря энергии издателей Ф. Махина и Е. Лебедева.

П.Б. Струве, в тридцатые годы живший и преподававший в Югославии, организовал издание в Белграде двух значительных работ: «Заветы Пушкина. Мысли о национальном возрождении России» Н.А. Цурикова (с предисловием П.Б. Струве, Белград, 1937), а также исследование С.Л. Франка «Пушкин как политический мыслитель» с предисловием о политических взглядах поэта самого Струве. Издание книг этих двух авторов было, несомненно, важным событием для политической жизни как русских в Югославии, так и для эмиграции в целом.

Хорошо известно, что «персонифицированный стяг» Пушкина как русской культурной парадигмы был поднят именно П.Б. Струве ещё в 1926 году в «Возрождении». Сформулированный им тогда постулат о спасительном для русского рассеяния либеральном консерватизме поэта, который следует не только постичь, но и принять как объединяющую интегральную для русских идеологию, за прошедшее десятилетие не только не исчерпал себя, но и получил серьёзное подкрепление. Основные положения, высказанные Струве: Пушкин не отрицал национальной силы и государственной мощи;

«земная сила» у Пушкина всегда склоняется пред «тайной Божьей»; Пушкин «любовно озирает прошлое и прозревал будущее», – нашли дальнейшее развитие в трудах многих исследователей, в том числе в изданных в Белграде статьях С.Л. Франка, Н.А. Цурикова. Эти мысли встретили поддержку у И.А. Ильина, Б.К. Зайцева, А.В. Карташёва, И.С. Шмелёва.

Наиболее кратко эта позиция была сформулирована Струве в работе «О политических взглядах Пушкина» следующим образом: «Пушкин непосредственно любил и ценил начало свободы, и в этом смысле он был либералом. Но Пушкин также непосредственно ощущал, любил и ценил начало власти и его национально-русское воплощение, принципиально основанное на законе, принципиально стоящее над сословиями, классами и национальностями, укоренённое в вековых преданиях или традициях народа, – Государство Российское в его исторической форме – свободной принятой народом монархии. И в этом смысле Пушкин был консерваторм»¹.

Продолжая эту линию, Цуриков говорит о наследии поэта как об «основе для построения национального мировоззрения». Как замечает автор, эмиграция «дала людям огромного духовного опыта» и именно они могут выработать ту идеологию, которая окажется необходимой новой России. «Сила и ясность», «мера и мерность», данные Пушкину и воспринятые русской нацией, позволят избежать многих ошибок. В том числе Цуриков обращает внимание на утрату в государстве имперского духа, который требует не узко националистического подхода, а «наднациональной цели»: Российская империя требует другого гражданина – россиянина, а не только русского, и это прекрасно просматривается в позиции поэта. Обращает внимание Цуриков и на роль закона в государственном строительстве, – закона, «единого для всех». И в сфере чувств и идей, как считает автор, «Пушкин – лекарство от духовного хлыстовства»².

Особое место в белградской пушкиниане занимают труды, созданные иерархами РПЦЗ – митрополитом Антонием (Храповицким)

¹ Струве П.Б. О политических взглядах Пушкина. Белград, 1937. Цит. по: «В краю чужом...»... С. 195.

² См.: Цуриков Н.А. Пушкин – наш первый национальный учитель // «В краю чужом...»... С. 165, 172.

и митрополитом Анастасием (Грибановским). Их жизнь, деятельность и издание ими статей о Пушкине неразрывно связаны с Югославией¹. Размышления о религиозности поэта, о его отношении к Богу и к Православию приобретали особую значимость в связи с той линией, которую проводила советская пушкинистика, акцентируя и преувеличивая религиозные сомнения поэта, прямо провозглашая его атеистом, что противоречило как личным высказываниям Пушкина, так и его творчеству. Можно сказать, что эта тема была своего рода линией фронта, причём в полемике не только с коммунистической идеологией, но и с либерально-западнической традицией, отравлявшей скепсисом глубокие и мудрые стихотворные православные прозрения Пушкина. Анализируя всё творческое наследие поэта, митрополит Антоний обращает внимание на тот факт, что «из его поэм и драм видно, что он считает религиозное настроение древности более духовным, более Евангельским, чем настроение современного ему общества, и последнему предпочитает благочестие простого народа русского»².

Самым значительным изданием юбилейного года был, конечно же, «Белградский Пушкинский сборник». Он продолжил традицию, начатую в Праге в 1929 году (в котором участвовали Шмурло, Спекторский, Францев, Бём, Лапшин, Завадский, Струве, Ляцкий), однако существенно расширил круг авторов. В белградском сборнике выступили такие авторитетные учёные, как Вл. Ходасевич, С.Л. Франк, Н.С. Трубецкой, П.М. Бицилли, И.И. Лапшин, П.Б. Струве. Из живущих в Югославии авторов кроме Струве здесь были представлены ещё Е.В. Аничков, А.В. Соловьёв, В.В. Топор-Рабчинский, Н.Ф. Преображенский и молодые учёные – П. Митропан, И. Голенищев-Кутузов и К.Ф. Тарановский, а также К. Римарич-Вольнский, В. Прокофьев, Д. Атряскин. Всего в этом объёмистом, более чем четырёхсотстраничном издании было представлено 16 авторов.

Работу по подготовке сборника, подбору авторов и статей с самого начала и весьма активно вёл П.Б. Струве, а в последний год редакционные вопросы взял на себя Е.В. Аничков. По замыслу это

¹ *Митрополит Антоний*. Пушкин как нравственная личность и православный христианин. Белград, 1929; *Архиепископ Анастасий*. Духовные прозрения Пушкина в драме «Борис Годунов». Вестник СД в западной Европе. Париж. 1926. № 12; *он же*. Пушкин и его отношение к религии и Православной Церкви. Нови Сад, 1939.

² Цит. по: Русский рубеж. М., 1991. С. 363.

издание должно было суммировать результаты исследования творчества Пушкина в его общекультурном значении, а также подробнее проанализировать славянскую тематику, в особенности – широко представленную в лирике поэта тему южных славян. Как писал в предисловии академик Белич, задача «Белградского Пушкинского сборника» – «выявить общие черты славянского гения и показать, насколько полно они воплотились в Пушкине».

В первую часть книги вошли тексты о Пушкине и южнославянской культуре. П. Митропан написал о переводах поэта в Сербии. Как оказалось, впервые имя Пушкина сербы слышали в 1825 году, раньше чехов и болгар. Это был первый шаг молодого слависта в изучении этой проблемы, вскоре автор выпустил книгу. Поэт и литературовед Вл. Ходасевич создал изящное эссе – исследование биографии Авроры Шернваль, в замужестве Демидовой, красавицы, фрейлины, в своё время обратившей на себя внимание Пушкина, прабабушки князя-регента Павла Карагеоргиевича. Н.С. Трубецкой, крупнейший филолог, посвятил свою работу «Песням западных славян», проанализировав их стихотворный размер. Другой филолог с мировым именем, а в 1937 году – самый молодой участник сборника – Кирилл Тарановский считал эту статью Трубецкого «краеугольным камнем в основании новой науки – фонологии, структуральной метрики, версификации в целом»¹.

А.В. Соловьёв, историк общественной мысли и права, прекрасный знаток славянских литератур, исследовал различные славянские темы в творчестве Пушкина – чешские, польские, болгарские и южнославянские, – которым поэт, по мнению исследователя, отдаёт предпочтение. В этом сказалось близкое личное знакомство Пушкина с семьёй Карагеоргия в его бытность в ссылке в Кишинёве. Два молодых автора В. Прокофьев и Д. Атряскин предприняли попытку выяснить отношение сербских поэтов XIX века к их русскому собрату. Римарич-Вольнский разбирает исследование учёного Иосифа Бадалича «Пушкин в хорватской литературе», а Н. Преображенский пишет о восприятии Пушкина словенцами. Следует отметить, что тема «Пушкин и славяне» была в те годы в полном смысле новаторской, и эти работы открывали новую страницу в пушкинистике.

Второй раздел «Белградского Пушкинского сборника» начинает

¹ *Джурич О.* Руска литерарна Србија... С. 238.

статья С.Л. Франка «О задачах познания Пушкина». Франк много занимался этой проблематикой и считал, что Пушкин «не только величайший русский поэт, но и истинно великий *мыслитель*». Важнейшей задачей общества и науки, по мнению Франка, является постижение «духовного хозяйства» поэта по аналогии с тем, как в своё время Ходасевич обратился к его «поэтическому хозяйству». Отдельной брошюрой в Белграде в этом же году вышла работа Франка, в которой, следуя поставленной цели, он анализирует политические взгляды Пушкина.

Философ и специалист по теории творчества И.И. Лапшин рассматривает «технику» пушкинской трагедии, сравнивая его с Расином, Кальдероном, Шекспиром. Он приходит к выводу, что трагическое в творчестве Пушкина носило имманентный характер.

П. Бицилли, также неоднократно обращавшийся к изучению Пушкина, остановился на «Путешествии в Арзрум», рассматривая этот шедевр как «психологическую загадку». Наиболее ёмко взгляд Бицилли на роль и значение Пушкина выражен в другой его работе: «Державин – Пушкин – Тютчев и русская государственность» (опубликована в сборнике статей, посвящённых Милокову, в Праге в 1929 году).

Евгений Аничков посвятил своё исследование анализу «Моцарта и Сальери». Пётр Бернгардович Струве продолжил текстологический анализ произведений Пушкина, выявив «таинственно-неразрушимую связь Слова и Духа». Глеб Петрович Струве познакомил с новыми документами о жизни Пушкина из собрания Британского музея. Кирилл Тарановский – сын академика Фёдора Тарановского – написал удачную статью об отношениях Мицкевича и Пушкина. Прекрасным стилем и блестящим анализом отличается статья И. Голенищева-Кутузова «Роза в стихах Пушкина».

Новую тему затронул и удачно развил В. Топор-Рабчинский. Его обширная статья «Этическое сознание Пушкина» подводит к выводу, что именно нравственные устои вывели поэта на религиозный путь. Автор пишет: «Неповторимый как личность, человек вместе с тем – звено в цепи его рода, член сословия, составная часть нации, элемент государства. И тот не понимает нравственности (именно так ставил вопрос Пушкин), кто вырывает человека из этих связей».

«Белградский Пушкинский сборник» – это, несомненно, веха в развитии непрерывного «пушкинского семинария» в изгнании. Откликнувшийся рецензией на его выход историк литературы Н.К. Кульман писал: «Этот сборник вышел позднее других пушкинских юбилейных изданий, но должен занять среди них первое место... должен быть особо отмечен в истории пушкинских дней»¹.

Это издание постигла печальная судьба. Выйдя в свет накануне Второй мировой войны, оно не приобрело широкой известности, а так как большая часть тиража в годы войны была утрачена, то позже это издание стало подлинным раритетом. Важно отметить, что авторы сборника продолжили свою пушкиниану, большинство из них подтвердило или завоевало авторитет в мировой науке. Белградский круг подарил пушкинистике новые имена, новые темы.

Прошло 70 с лишним лет, однако и сейчас мы, как наши соотечественники в 1937 году, по справедливому замечанию П.Б. Струве, «в размышлениях и образах Пушкина должны искать не рецептов, а идей».

¹ *Кульман Н.К.* «Белградский пушкинский сборник». Современные записки. Париж, 1938. Кн. 66. С. 460.

ПУШКИН – «ПОЭТ ДЛЯ КАЛЕНДАРЕЙ»?

Вадим Юрьевич Венедиктов,
кандидат исторических наук,
ответственный секретарь
Института динамического консерватизма

Имя Пушкина, безусловно, является собирательным, через это имя проходит и развивается вся история русской литературы. Трагедия Пушкина в том, что он действительно «хороший поэт». А как известно, «хороший поэт – мёртвый поэт». Хорошим поэтом можно либо восхищаться – либо тихо ненавидеть и завидовать его долгой славе. Третьего, как известно, не дано.

Аполлон Григорьев догматизировал образ поэта известной формулой: «Пушкин – наше всё». Не все могли смириться с таким поистине *панпушкинизмом*. Владимир Маяковский, например, предложил вообще «сбросить Пушкина с корабля современности». Но и этот антитезис Маяковского Григорьеву не был принят даже в условиях построения «нового мира». В Стране советов мистическая формула «наше всё» не подлежала серьёзному пересмотру. Стали плодиться, как грибы после дождя, музеи имени Пушкина, города Пушкина, улицы и площади Пушкина, станции метро Пушкина...

В начале третьего тысячелетия в так называемой «свободной России» Эдуард Лимонов причислил Пушкина к «лику» священных монстров¹, самого поэта при этом обозвав календарным. И добавив, что «вульгарное двухсотлетие – юбилей Пушкина – совсем потопило его»². Наверное, к 210-летию поэта народ и вовсе должен был позабыть того, кто некогда был «нашим всё». Ан нет! Некоторые по-прежнему испытывают удовольствие от прочтения «Энциклопедии русской жизни». А высокие «рейтинги» поэта (например, второе место в историческом конкурсе «Имя Россия» в 2008 году) опять кого-то явно раздражают. Или обличают?

Ревностно-раздражительное отношение к поэту лишний раз подтверждают известные слова Н.В. Гоголя, что «Пушкин есть явление чрезвычайное, и, может быть, единственное явление русского духа».

¹ См.: Лимонов Э. Священные монстры. М., 2003. С. 8–13.

² Там же. С. 8.

Он – вершина национального творческого дарования. Это и поэт, и писатель, и мыслитель, и историк.

Приведём здесь несколько высказываний Петра Петровича Перцова (†1947) – видного русского публициста, литературного и художественного критика конца XIX – начала XX века. Перцов – автор замечательных «Литературных афоризмов», ставших дополнением к его основной прижизненной работе «Основания космономии» (другое название – «Основания диалогии»). Эта работа, по словам Перцова, представляла «попытку установления точных законов мировой морфологии»¹. Среди афоризмов, относящихся к Пушкину, находим следующий: «Никто не умел так оставаться поэтом, не выходя из жизни. Это секрет, потерянный после Пушкина. После – или остаются в жизни, перестав быть поэтами (Достоевский, Толстой), или поэтизируют вне жизни (символисты, стилисты и т.д.). Нужно уметь прямо из реализма перейти в *realiora* (действительность – лат. – *V.V.*). Это – у Пушкина»².

Пушкин удивительным образом для всех стал своего рода «псалмопевцем» XIX столетия. Именно благодаря его поэтическому вкладу в русскую поэзию XIX век называют *золотым* веком русской литературы. Стихи Пушкина действительно – «царские стихи», как и стихи Лермонтова – «пророческие стихи»³.

Современный обыватель считает, что пушкинский стиль – яркий, благозвучный, пышный, красивый, комплиментарный – прямое следствие его генетической породы. То ли он потомок какого-то негра, то ли араба? В общем, «арап Петра Великого» (его таинственный прародитель) и обогатил царскосельского, «гламурного» отпрыска необходимым для здешней суровой действительности генофондом южанина, считает обыватель. В итоге получилось нечто похожее на «американское чудо» в образе Обамы. Только с учётом дворянского воспитания и русских замашек а-ля «XIX столетие». Таким образом, подводит итог обыватель, Пушкин – это «русский Обама», только «той эпохи». Не политик, конечно, а литератор/поэт. В любом случае, «восточного» в творчестве Пушкина больше, чем русского. Даже «брак Пушкина – характерная «восточная» женитьба старика на молоденькой. Она – явный признак его ранней старости: в 30–32

¹ Перцов П.П. Литературные афоризмы // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII – XX вв. Вып. 1. М., 1991. С. 212.

² Там же. С. 214–215.

³ Там же. С. 215.

года Пушкину, в сущности, уже 60–62. Несомненно, что ни при каких обстоятельствах он не мог бы прожить долго»¹.

Пушкину не суждено было прожить долго. Иначе бы он не был Пушкиным. «Пушкин – это прежде всего молодость»². Он *смолоду был молод*. Поэтому он так всегда любим молодежью. Для романтически настроенных школьников – он свой. Для хулиганствующих школьников – он такой же *вечно молодой и вечно пьяный*. Пушкин всегда будет и останется поэтом школьной программы³. Его стихи будут заучивать наизусть до конца истории. Его музеи останутся на века местом паломничества людей, искренне интересующихся творчеством гения.

Образ Пушкина всегда политкорректен. Этот образ гармонично вписывается в гамму цветов полиэтничной России. Он многоцветен и радужен. Он – для всех. Он для всей России. Ему заслуженно уделяют столько внимания, так как если бы не Пушкин – не было бы Лермонтова, Достоевского, Блока. Если бы не Пушкин – не было бы русской литературы и литературного языка.

Но Пушкин – это *не* «наше всё». Он выдающийся памятник эпохи, яркий момент русской истории. *Самый умный человек в России*⁴ первой половины XIX века.

Известен афоризм: «В Греции – есть всё!» Так вот, Пушкин – не Греция. Пушкин не может вмещать в себя «всё» и быть «всем» по определению. Кстати, как не может и Греция содержать в себе «всё» (знаменитая греческая поговорка передаёт любовь маленького народа к своей маленькой родине). Пушкин – безусловно, русский гений, великолепный русский художник, поднявший русскую культуру на вселенскую высоту. Пушкин достоин того, чтобы быть «Именем России», достоин того, чтобы в честь него называли музеи, институты и даже города. Издавали календари. Но он выше всего этого пафоса и натужности. Он свободнее и чище. Он – свят. Это священный бисер русской литературы. Необходимый индикатор нравственности русских людей. Окажись этот бисер под спудом, стань этот бисер лишь поэтом для календарей – конец России.

¹ Перцов П.П. Литературные афоризмы... С. 217.

² Там же. С. 214.

³ Очень правильная, на наш взгляд, оценка литературной деятельности А.С. Пушкина даётся в учебнике А.Н. Боханова для 8 класса основной школы. См.: Боханов А.Н. История России. XIX век: Учеб. для 8 кл. основ. шк. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ООО «Русское слово – учебная книга», 2002. С. 138–141.

⁴ Фраза Николая I после известного разговора весной 1826 года между императором и поэтом.

**ПАМЯТИ
САВВЫ ВАСИЛЬЕВИЧА
ЯМЩИКОВА**

РУКА НА ПУЛЬСЕ

Валентин Курбатов

Я был у Саввы вечером (как оказалось, за несколько часов до смерти). Операция была позади. Он был спокоен. Выглядел плохо. Большой, ещё пухший от лежания и болезни – Санчо Панса с сердцем и отвагой Дон Кихота. Но храбрился, читал иронического Галича, просил врача поскорее устроить вставание, отдавал мне распоряжения самого, как всегда, глобального свойства. Рука была на пульсе. Это у него было любимое выражение – «рука на пульсе». Чтобы чувствовать сердце времени. Прощаясь, улыбнулся: ну, как там у тебя Витька-то Конецкий говорил: давай краба!

Мы были знакомы пятьдесят лет, а дружны сорок. Целая жизнь. Иногда делили с ним экспедиции, после которых мне выпадало счастье писать о его открытиях – о Ефиме Честнякове, о ярославских портретах, о нём самом, наконец.

И всегда это был полёт и кипение друзей – в Костроме, Ярославле, Вологде, Новгороде, у нас, в Пскове – в звоннице В.П. Смирнова, у М.И. Семёнова, у А.И. Селивёрстова. Всегда это были пиры с пышными натюрмортами из «малых голландцев» («масса пива, масса мяса, масса водки» – так измерялось содержание этих «натюрмортов») и Савва в центре – Силен и Вахх в наядах и nereидах. Но при этом как-то само собой делалась огромная работа в музее, в реставрации – отборы икон для расчистки, поновление фресок в Михайловском соборе в Печерском монастыре и он под потолком, новые экспозиции, выставки с очередями на них, устные альманахи в Доме художника. И там вокруг него естественно и согласно В. Васильев и Е. Максимова, В. Ливанов и М. Терехова, И. Роднина и В. Уланов, Б. Мессерер и Б. Ахмадулина, Л. Гумилёв и В. Янин, В. Старшинов и А. Якушев. И он всем кричал весело, собирая зал в живое единство: Да, Слав? Правда, Коль? Помнишь, Саш?

Он так и чувствовал культуру – как братство и общее сердце. И в этом тоже был его урок и условие его победы в его многостороннем

делании. Посмотрите сейчас в Пскове его «Музей друзей» – последнюю выставку картин, подаренных ему в разное время благодарными художниками. Он сам был такой «Музей друзей» – с меняющейся «экспозицией» (в последнее время он рвал и с друзьями резко и решительно до оскорблений, если они в его понимании изменяли духу и делу прежнего единства). Он, верно, и думать не думал, что, собирая вокруг себя таких разных людей, он воскрешает русское единство, где все мы при всей разности занятий были прежде всего – народ. Но это делала сама его верно чувствующая, именно народная душа.

А потом был провал депрессии. На годы. И горячая борьба за него матери Александры Васильевны, которая и в 80 лет в любое время года опрокидывала на себя на балконе таз с ледяной водой и с крепкой молитвой шла поднимать упдающий дух своего Саввы. Она уже потеряла от этой болезни одного сына и не могла уступить другого. Но Савва и в депрессии был Савва. Когда я однажды заманил к нему Распутина, то после встречи Валентин Григорьевич с изумлённой улыбкой говорил: «Это мы все больные, а он один на всю страну здоровый человек». Кажется, это было году в 1995-м. Он смотрел все передачи всех каналов и читал все газеты – от «Коммерсанта» до «Завтра» (он делал это до последнего времени), и суд его был ясен, расстановка сил очевидна. Он лежал, но рука его была на пульсе.

И когда после смерти матери (как я боялся, что тут всё оборвётся) он встал, чтобы держаться уже своей молитвой и силой, то кинулся в жизнь прямо с запятой и сразу оказался на переднем крае, в самой середине общественного сражения.

Телевизионные дискуссии и жёсткие репортажи, пламенные статьи, громкие открытия выставок. Всё было баррикадой против цинизма ложной демократии, против легко меняющихся принципов и пересмотра истории. Тут он был подлинно лев и не мерил противников, будь это министры, высокие думцы, владыки, губернаторы, председатели партий. Он сражался за Гоголя, за Михайловское, за Псков с настоящею отвагой, не боясь идти хотя бы один против всех. И более и первенственнее всего – за Псков, потому что слышал его скрепляющую роль в русской истории – так, как мы, подхваченные цветным ветром обманчивого благополучия и живущие

одним днём и рекламными проспектами, уже не слышим. Он острее других слушал нашу пограничность, сознавая Псков как нательный крест России, которым она поворачивается к вызовам разгулявшейся цивилизации. И успел много. Очень много. Дал бы нам только Бог услышать его в настоящей полноте его духовного завещания.

Теперь отчётливо чувствуешь, что с ним уходит кровь русского возрождения, золотое целостное сознание, которое не знало специализаций, а жило единым живым телом и единой кровью. И видишь, как ещё история присматривает за Россией и напоминает ей о заветах единства. Его будут отпевать в Святогорском монастыре. Он проведёт там последнюю ночь, как провёл её там Александр Сергеевич Пушкин. Его похоронят рядом с Семёном Степановичем Гейченко, с которым они дружили и делали общее дело хранения русской культуры. И, значит, пока мы сами слепы, Бог напоминает нам о законах нашей силы и нашего духовного воскресения.

Он умер на лету в огне продолжающихся боев за Псков, за русскую культуру. Его будет очень не хватать. Но враги его напрасно будут надеяться расслабиться – рука его на пульсе.

«Псковская губерния», № 28 (449) от 22–29 июля 2009 года

САВВА ЯМЩИКОВ. ЖИЗНЬ И БЕССМЕРТИЕ

Виктор Линник

19 июля 2009 года перестало биться сердце Савелия Васильевича Ямщикова, великого хранителя русской культуры и истории, преданного друга газеты «Слово».

Невосполнимая потеря для всех, кому дороги русское дело и судьбы нашего Отечества.

Реставратор всяя Руси, заботник о державе, непримиримый боец и борец с погубителями отечественной культуры и истории – так называют его теперь многие, оглушённые трагической вестью. Савва Ямщиков не только возвращал к жизни древние русские иконы или работы русских провинциальных художников прошлого, не только открывал миру гения в лице Ефима Честнякова, хотя каждое из этих открытий сделало бы громкое имя любому исследователю. Он был для нас, как прекрасно сказал екатеринбуржец Сергей Рыбаков, «реставратором высоких смыслов» – всегда как высшую ценность провидел в душе и в делах своих великую страну с великим и талантливым народом. Народ для него – это зодчие древних храмов и мастера-реставраторы, творцы светоносных икон и создатели нетленного русского Слова, воины и ревнители православной веры.

Этому народу и этой стране он присягал, их всегда держал перед своим внутренним взором, им оставался верен до своего последнего вздоха.

Сиротство – вот что испытывают сегодня все, кто знал и любил его.

Он был делателем добра, не знающим усталости, отдыха, смятения и нерешительности.

Рачительный и бережный, он относился к национальному достоянию страны, как к своему собственному. И бился за него со всей страстью и неутомимостью своей пылкой натуры.

Смерть настигла его среди вороха начатых дел, груды замыслов, в расцвете творческих сил, в пору, когда он особенно нужен России.

Савва Васильевич играл роль, на которую нельзя было назначить, в которую можно было только вырасти всей жизнью. И эта роль – объединителя тех, кто любит Россию. Энциклопедист, человек многих талантов и неистового темперамента, он не был лидером в стане патриотов, ибо общепризнанного вождя в нём нет. Но был самым близким к этому понятию человеком. Ибо связывал, сцеплял между собой сотни людей, которые без него не общались бы друг с другом. И в этом качестве его не заменит никто.

«Я служу по России», – часто повторял он о себе знаменитые пушкинские слова. И в его устах это не казалось преувеличением. Он заработал их своим подвижничеством, неустанным титаническим трудом на благо своей страны, её истории, её культуры. Распад Советского Союза он воспринял как личную трагедию. «Когда не стало Родины моей, мне кажется, меня не стало», – с горечью повторял он строчки Татьяны Глушковой о катастрофе 91-го года. Она и стала одной из причин его ухода в затвор почти на десять лет.

Он ненавидел душителей русской культуры. Уничтожение культуры и истории он уподоблял убийству нации.

Терпеть не мог приспособленцев – тех, кто, кажется, в одну ночь перекарасился из Савлов в Павлы, кто из комчиновников мигом обернулся ревнителем «свобод», веры и благочестия, кто из коммунистов стал «красным директором», а потом и олигархом. Постоянно подчёркивал кровное родство нынешней демократуры с большевиками 1918 года. Ибо объединяет их ненависть ко всему русскому: укладу жизни, русской интеллигенции, православному Богу, нашей истории. Если первые полагали, что Россия пригодна разве что в качестве хвороста для разжигания мировой революции, то нынешние считают, что страну надо всенепременно пристегнуть пятым колесом в телегу западной цивилизации – дескать, иного будущего для неё и быть не может. Между тем сегодня явственно видно, что только традиционалистские общества – Индия, Китай, страны с пятитысячелетней культурой – способны сохранить себя в противостоянии с глобализмом.

Савва Ямщиков свято верил, что у России особая миссия, что если миру и суждено спастись, то спасение это может прийти только через Россию, где большинство отвергает потребительство и культ Мамоны, где противостоят гибели духовности. Поэтому всё, что служило сохранению этой духовности – монастыри, иконы, музеи,

русский язык, старинные русские города, великая и совестливая русская литература, – являлось предметами его неустанной заботы. Все же, кто способствовал разрушению этих основ, были его заклятыми врагами.

Их и вышпустили в теле- и радиоэфир сразу после его кончины. Швыдкой чуть не глицериновые слёзы пускал на «Радио России», рассказывая о том, какой был Савва великий собиратель культуры. Винокур смутно вспомнил в «Комсомолке», что Ямщиков реставрировал иконы. Третьяков, который по либеральной своей широте взглядов отказывал Ямщикову в публикациях в «Московских новостях», разрылся сожалениями по случаю его кончины.

Но есть и другие, низкий им поклон: Второй канал Олега Добродеева говорил об уходе Ямщикова из жизни как о потере национального масштаба. То же самое сделали и «Известия» усилиями Гузель Агишевой. И как результат – сюжеты, посвящённые кончине и погребению Саввы Ямщикова, воспоминания о нём заняли сначала второе, а потом и первое место в недельных интернет-рейтингах Второго канала.

Во власти нашей, где многие считают себя умнее и Бога, и дьявола, он умел находить сторонников своего дела. И радовался тому, что находит. Но вместе с тем хорошо понимал: всякая власть переходяща, даже, как оказалось, власть помазанника Божия. А Россия вечна. Ей он и служил.

Для «Слова» он был и неутомимым автором, и деятельным распространителем, и пропагандистом. Иногда казалось, наша газета никому не была нужна так, как ему, хотя трибуны — и печатной, и телевизионной – в последние годы ему хватало с лихвой. Он тотчас подхватил ливановскую идею создания Общественного совета газеты из лучших представителей русской интеллигенции и немедленно привлёк в него Валентина Распутина, Валентина Курбатова, Владимира Васильева, Вячеслава Старшинова, Вадима Юсова, Валентина Янина, Валентина Лазуткина и других. Василий Ливанов привёл с собой Евгения Стеблова и Геннадия Гладкова.

За десятилетие существования «Слова» Савва Васильевич опубликовал на наших страницах сотни материалов. Интервью, открытые письма к руководителям страны и министрам, памфлеты и статьи, реплики и очерки, эссе и зарисовки – он не чурался ни малых, ни больших форм и, торопясь, едва ли не захлебываясь в мыслях и

чувствах, клокотавших и бурливших в нём, жаждал успеть выплеснуть на страницы свои негодование, любовь, страсть.

Иной раз я слышал: «Что-то много у тебя в газете Ямщикова». «Ну разве можно так писать? – недоумевали поклонники политеса, знакомясь с его очередными гневными и обличительными памфлетами. Наш «Савва Нарола», – в шутку назвал его кто-то в редакции. «Ну, Савва имеет право говорить то, что думает», – обронил по схожему поводу Валентин Распутин.

«Нет, старик, газету мы не сдадим, – говорил он мне, когда в начале года повеяли холодные ветры нынешнего кризиса. – Буду говорить с самыми разными людьми». И действительно, нашёл деньги в самые критические для нас месяцы. Воспринял дело газеты как своё кровное.

Безбрежный в своих привязанностях к одним, он был властно решителен в неприязни к другим. Часто ошибался в людях – они на поверку оказывались совсем не такими славными, как он их себе представлял. Но ошибки его всегда были на стороне добра, слишком большого доверия к человеку, не иначе.

Я был свидетелем: его узнавали на улицах совершенно незнакомые люди, подходили, благодарили его за всё, что он делает. Последний раз видел это совсем недавно на Усачёвском рынке в Москве, неподалёку от усадьбы его Института реставрации. «Вот оно, бремя славы, Саввушка», – говорил ему смеясь. Ему нравилось внимание людей.

А посиделки в его подвале на улице Бурденко! Собирались там Валентин Распутин, Леонид Ивашов, Валентин Лазуткин, Валентин Фалин, Юрий Болдырев, Игорь Острецов, ваш покорный слуга, реже — Валентин Курбатов, Владимир Васильев, Василий Ливанов. Говорили обо всём – о новостях культуры, образования, о засилье пошлости, серости и безвкусыя на телевидении. Судачили, печаловались, шутили...

И в центре этих обсуждений был хозяин подвала – Савва.

На одной из таких посиделок генерал-полковник Леонид Григорьевич Ивашов сказал: «С атомными зарядами в стране пока всё в порядке. Здесь я спокоен. А вот Ямщиковых у нас маловато». И дальше процитировал стихи: «Ну что ж, такое бремя русских. Наш век не лучший из веков. Но светят нам на небе тусклом Белов, Распутин, Ямщиков». Эти слова для меня выше любого ордена, сказал Савва.

И это только часть людей, с которыми он дружил в течение жизни. Архимандрит Алипий, митрополит Питирим, Лев Гумилёв, Валентин Янин, Василий Белов, Вячеслав Старшинов, Валентин Гафт, Василий Пушкарёв и многие, многие другие. Великие имена, золотом вписанные в скрижали Отечества...

Начало пути

Профессор Игорь Острецов, одноклассник Саввы, вспоминал:

– В конце 40-х годов жил Слава – так он себя тогда называл, стесняясь своего старорусского имени, – в бараках на Павелецкой набережной вместе с бабушкой, матерью и братом. Дом их стоял метрах в двадцати от железнодорожного полотна – шум, грохот, паровозная гарь 24 часа в сутки. Как они умудрялись там жить – уму непостижимо. Но, наверное, ко всему привыкаешь. Юный Савва с длинными вьющимися локонами был высокого роста, прекрасно играл в баскетбол. В 9-м классе он был вынужден уйти в другую школу. А на выпускной вечер явился к нам с двумя девушками в белом, каждая из них держала в зубах по красной розе. Дескать, нате вам! Однажды приехала в Москву команда английских футболистов, после игры Савва подошёл к ним. Похлопав одну из звёзд по плечу, снисходительно сказал: «You are a very good player» – «Ты очень хороший игрок». Тот так и присел от неожиданности...»

– Стучилось так, что мы на полвека расстались с Саввой, – продолжал Острецов далее. – Я после окончания МИФИ – кстати, именно он посоветовал мне туда поступать – работал в «ящиках». Увидев его имя в одной из газет, позвонил. Не сразу, но всё же дали его телефон. Встретились. «Как же тебя теперь называть?» – спросил его. «Да зови, как звал», – великодушно согласился Савва. «Что с тобой случилось?» – спросил, подивившись его габаритам. «Ну, что ты хочешь, старик? Излишества бурной жизни».

Кстати, московский мэр Юрий Лужков тоже жил в бараках неподалёку. Через полсотни лет они встретились, узнали друг друга, вспомнили, что в конце 40-х вместе гоняли в футбол на пустыре.

«Моё детство прошло в послевоенных бараках, – вспоминал Савва Васильевич в одном из своих интервью. – И я тогда не мог предполагать, что попаду на искусствоведческое отделение МГУ и буду слушать лекции, скажем, по искусству Древней Греции. Такие мысли не приходят, когда встаёшь в 5 утра, чтобы записаться в очередь

за подсолнечным маслом или мукой. Тебе на руке напишут 1572-й номер, а пока идёт очередь, нужно сбежать на станцию, украсть угля или дровишек, чтобы протопить печку.

Но в школе я почувствовал тягу к книгам, класса с 5-го читал запоем. Вот мы последние три года боремся за то, чтобы 200-летний юбилей Гоголя провести на должном уровне. А я вспоминаю 1952-й, когда мне шёл 15-й год и отмечалось 100-летие со дня смерти Гоголя. Отмечалось очень широко. Под личным наблюдением Сталина. Выпустили знаменитый синий шеститомник, он и по сей день со мной. Гоголь, считаю, проторил мне дорогу в мир искусства. Конечно, были Бог, учителя, родители. Но Гоголь для меня – это всё. И без Диккенса я своего детства тоже не мыслил. Русская литература и история – это то, что меня очень к себе тянуло».

Я не знал Савву времён его молодости, но, рассматривая старые его фото, всегда удивлялся тогдашней его стати: красивый, ладный, на диво крепко сбитый – истинно русский добрый молодец! И как же неоглядно щедро надо было тратить себя по жизни, чтобы такому богатырю уйти в 70 лет! Казалось, запаса в нём было на два века...

Но и в последние годы и дни ярко-голубым огнём светились его глаза, белели коротко стриженные густые волосы. Большой, грузный, неповоротливый, он передвигался с трудом, не очень хорошо слышал, но прежняя мощь угадывалась в нём. «Старик, – говорил не раз, – ноги не ходят, но руки ещё работают. При случае могу врезать так, что мало не покажется».

И живость ума, и образность витиеватого слога отличали его до самого последнего дня.

Писал он легко – сразу набело, с минимальной правкой. И всегдашний его темперамент жёг страницы неистовым пламенем.

Он говорил от себя, но говорил за многих, чувствовавших так же, как он, но не имевших его дара слова и возможностей обратиться к людям с газетной полосой и телеэкрана.

Помню его 65-летие, которое он праздновал в Ярославле, – десятки гостей за огромным столом, размашисто, хлебосольно, по-русски уставленным яствами и напитками, – музейщики, реставраторы, кузнецы, чиновники, артисты – в тот раз были Владимир Смирницкий, Юрий Назаров, Владимир Васильев...

Любой город коренной, срединной Руси – Владимир, Суздаль, Ярославль, Кострома, Плёс, Вологда, Новгород – всегда ждал и при-

нимал его как своего. Псков был особой любовью. Везде были ему рады, всюду ломились на его выступления, просили помощи, совета, поддержки. И получали их.

Он был неутомим в своих путешествиях, разъездах, кочевьях, странствиях.

Всё это была его Русь, которой он был свято предан. При первой возможности старался удрать из Москвы.

Он любил говорить и мог владеть аудиторией часами – естественно, раскованно, свободно; между слушателями и оратором бежал живительный ток общения. Ему были готовы внимать сколь угодно долго, потому что сегодня – в век электронной и бумажной фальши, тотальной промывки мозгов – он говорил правду. И ещё потому, что – и это безошибочно угадывалось всеми, кто слушал его, – он не просто верил в эту правду, но жил по этой правде сам и готов был отстаивать её со всем присущим ему неистовством.

Повторяться он не боялся. В конце концов и молитвы – тоже тысячекратное повторение одних и тех же слов. Важны искренность чувства и вера, с которыми их произносишь.

Любимые им монастыри он навещал постоянно: Ферапонтов, Псково-Печерский, Святогорский, Кириллов, Троице-Сергиеву лавру.

Случилось так, что почти семь лет назад я потерял своего ближайшего друга, последнего в жизни, как казалось тогда. И в ту самую пору мы познакомились с Ямщиковым в Ассоциации книжных издателей на Малой Никитской на презентации книги В. Астафьева, изданной иркутским книгоиздателем Геннадием Сапроновым, увы, тоже ушедшим из жизни за несколько дней до кончины Саввы.

Теперь понимаю, что это Господь послал мне Савву в утешение, ибо сошлись мы с ним на удивление быстро, спаянные духовным родством.

Из тех сотен дней, что длилась наша дружба, наберётся едва ли 20–30, чтобы мы не говорили с ним по телефону и раз, и два, и три на день. И таких собеседников у него было – десятки.

Паузы были связаны с отъездами, кочевьями этого вечно «очарованного странника», как верно назвал его кто-то.

Говорили с ним обо всём: как защитить директора Пушкинского Заповедника Г. Василевича, как трудно пробивается идея празднования 200-летнего юбилея Гоголя, какую гнусную передачу выпустил Познер, какую очередную диверсию против русской культуры

затеял вертлявый Швыдкой, какая выставка открывается у него на улице Бурденко.

Или как сыграли любимые наши «спартачи» в последнем туре чемпионата. По ходу футбольных матчей созванивались после каждого гола, ну и само собой – в перерыве. После июньской встречи Бразилия – США в Кубке Конфедерации американцы после первого тайма неожиданно для всех повели в счёте 2:0. «Ты смотри, как закатили, играючи», – громко восхищался он. В конце матча настал черёд изумиться ещё раз: бразильцы выиграли второй тайм 3:0, а с ним и игру. Оставалось только вспомнить слова Пеле: наши соперники забивают, сколько могут, а мы забиваем, сколько хотим. «Знаешь, – поправлял Савва судью, – четвёртый гол – не засчитанный – всё-таки был. Похоже, хотели унижить американцев, показать, кто в футболе настоящий король».

Любая мелочь могла дать толчок его бесчисленным историям и воспоминаниям. Вспоминал учителей, университетских преподавателей, сокурсников, любимых женщин, собутыльников. В последний визит наш в Переделкино уже этим летом, когда посетили семью Золотусских и писателя Олега Михайлова, показывал мне дачи — Беллы Ахмадулиной, чью-то ещё: «Вот здесь, старик, немало дней и недель проведено. Я-то вёл себя скромно: засыпал где-то в углу». Теперь понимаю: хотел он, чтобы его друзья запомнили о нём как можно больше – казалось бы, самые незначительные подробности.

Многие из тех «друзей» времён шумной богемы забыли о нём, отринули в те десять лет, что он болел и не выходил из дома. Простить им предательства он не мог, высказывался о них осуждающе и резко. По простествии времён оказалось, что они в другом лагере, из той интеллигенции, что забыла в беде не только его, но и весь народ наш.

Он был в словах, как рыба в чешуе. И слова его, сочные, яркие, выпуклые, щедро сдобренные русской ненормативной лексикой, придавали этим историям неповторимый саввинский аромат.

О женщинах всегда говорил хорошо, без грана пошлости. И, кажется, они это чувствовали мгновенно, откликаясь с благодарностью. В нём до последнего сильно ощущалось мальчишество, что особенно подкупает женщин. Савва очень близко сходил с людьми, но грань не переходил, на панибратство не сбивался – верный признак некоего врождённого аристократизма, который присутствовал в нём, несмотря на барачное детство на Павелецкой.

Мне он стал как старший брат.

«Давай, родной. Обнимаю. Храни тебя Господь» – так завершал он все наши разговоры в последние месяцы. И казалось, так будет всегда.

Он вообще умел и любил восхищаться другими. «Вот некоторые от зависти чахнут, когда другим что-то удаётся. А я, когда сделают или напишут что-то хорошо, радуюсь так, как будто сам это сделал».

Радовался, когда помог издать речь к 200-летию юбилею Гоголя, которую 1 апреля на торжественном заседании в Малом театре прочёл Игорь Золотусский, лучший в стране знаток жизни и творчества великого гения. Издание финансировал Павел Анатольевич Пожигайло. Савва называл речь Золотусского великой данью памяти Гоголя. «Такие тексты надо в школьные хрестоматии включать. Чтобы с детства учили», – как всегда, когда речь заходила о чём-то важном, горячился Савва.

Последние дни

В среду, 15 июля вечером, на мой звонок по мобильному номеру Саввы ответил Игорь Гаврюшкин, его псковский друг, советник тамошнего губернатора. «Савве Васильевичу сделали операцию. Открылось желудочное кровотечение прямо по дороге из Тригорского во Псков, где он должен был открывать выставку «Музей моих друзей». Пришлось везти его прямо в больницу, а там срочно на операционный стол. Сейчас он в реанимации. Вы не волнуйтесь, чувствует он себя неплохо». Но как было не волноваться – Саввино здоровье у всех, знавших его, давно вызывало тревогу.

Он только что отлежал месяц в клинике Сеченовского института на Пироговке, где эскулапы осмотрели его с головы до пят: УЗИ, капельницы, уколы, процедуры. Лёг с ногой – «Опухла, зараза, – жаловался. – Раза в два толще другой». Думал, сосуды, оказалось – на сей раз рожистое воспаление. «Ну, Саввушка, – сказал я ему на эту новость, – у тебя пошли болезни великих. Диккенс умер от рожи на ноге. Так что смотри там, поосторожней. Лечись как следует». И – вроде всё шло хорошо. Прямо в палате, на больничной койке писал статьи для «Слова», других изданий. Принимал гостей...

«Я тебе посылаю вперёд, с запасом, чтобы было что на лето ставить». «Получил?» – спрашивал уже через час. «Сначала поставь письмо А. Авдееву (министру культуры), а потом про Швыдкого.

Как можно было не включить меня в комиссию по реституции! – возмущался. – Это всё равно что Путина снять с премьер-министров!»

Два его материала газета дала в прошлом номере, который отвезли во Псков вместе с моей запиской ему. Но прочесть их ему было не суждено. Третья статья идёт в этом номере, посвящённом ему.

Считанные дни он пробыл дома после выписки из Сеченовки и умотал во Псков, в Тригорское. «Опять меня палец на ногу достаёт, – звонил уже оттуда. – Замучил».

Я в шутку выговаривал ему за то, что отбивает гостей с моего дня рождения, который должен был быть на следующей неделе, – он пригласил гостей к себе в Тригорское на 25-е число. «Надо время выбирать правильное, когда родиться, – парировал Савва. – Зимой, осенью или весной. А летом только сибариты рождаются». На распросы о здоровье отвечал, как всегда, уверенно: «Да всё в порядке».

На следующий день, в четверг, 16-го, он удивил звонком из реанимации Псковской областной больницы. «Да что случилось? Ехали в Псков из Тригорского открывать мою выставку «Музей друзей». Чувствую, плохо мне. Кровь пошла. Мне говорят: «Ты зелёный совсем. Какая выставка? В больницу!» Ничего, оклемаюсь...» Голос его был слаб, надтреснут, но жалоб от него не прозвучало.

Последний звонок его ко мне был в пятницу. «Вчера весь день спал, после наркоза было легче. Сегодня похуже. Звонят мне, предлагают перевезти в Москву. Но я доверяю здешним врачам». Может, и зря доверял...

В субботу говорил только с Игорем Гаврюшкиным, который был у него на связи. «Всё идёт нормально, Савва Васильевич настроен на поправку», – сообщил он.

А в воскресный полдень прозвучал звонок от Игоря Золотусского: «Виктор Алексеевич, скорбная весть – скончался Савва». И яркий летний день потемнел.

В понедельник вечером выехали к нему во Псков из Москвы дочь Марфа и с нею те, кто хорошо знал Савву Васильевича: Павел Пожигайло, председатель Попечительского Совета ВООПИК, организовавший это скорбное путешествие, Фалины, Золотусские, Острцов, Демурын, Темерзянова, коллеги по Институту реставрации – всего человек двадцать. На псковском вокзале с потемневшими лицами встречали нас Игорь Гаврюшкин с друзьями Саввы по

Пскову. Оправились в музей, где Савва Васильевич должен был открывать свою выставку и где сегодня стоял гроб с его телом.

Огромный, большой, он лежал в сером костюме, в галстук, которых никогда не носил при жизни. Потом галстук догадались снять.

На следующий день, уже на похороны, подъехали Назаровы, Валентин Лазуткин, Игорь Найвальт, Василий Вдовин...

Упокоился он совсем рядом, на земле городища Воронич возле Свято-Георгиевской церкви, где в среду, 23 июля за полдень, в последний раз пропели ему Вечную память. Вокруг буйно цвело июльское разнотравье, за ложиной — темнела окнами усадьба Осиповых-Вульфов, где так часто бывал Пушкин. Погожий день сменялся короткими дождями, потом зацвела огромная, в полнеба, радуга. В виду Тригорского холма, на благословенном месте...

Трудно представить себе в скученной Москве простор и ширь здешних мест, упоение живительного воздуха, вдохновлявших лучших людей. Это — сама Россия.

Последние три горсти на гроб. Последний земной поклон.

* * *

Он был проповедник со страстью огненного протопопы Аввакума. Недаром его предки по матери были староверами.

«Главный урок, вынесенный из жизни, — говорил он о себе, — если в 25 лет я был уверен, что знаю всё, то сейчас, прежде чем что-то сказать, я десять раз перепроверю и посоветуюсь с людьми, которым доверяю».

Многие, знавшие его, получали от него письма, открытки с поздравлениями — с Рождеством, Пасхой. Написанные стремительным, изящным почерком, эти заботливые и обязательные послания его теперь, в электронную эпоху корявых эсэмэсок, когда, кажется, уже напрочь забыто старинное искусство письма на бумаге, напоминали о европейской традиции общения, веяли дыханием дворянских усадеб. И многое говорит о его любви ко всем нам.

И теперь, подставляя руки под прохладные струи подмосковного родника или идя вдоль тёмных вод канала, я ловил себя на сходящем неведомо откуда ощущении: когда брал воду прошлый раз, когда гулял здесь неделю назад, Савва был ещё жив. И мысль эта сжимает сердце, не даёт дышать.

Но — надо жить, а значит, всем сообща делать дело, которое делал он.

Это будет лучшей памятью о нём и самым верным способом заглушить те пустоту и отчаяние, которые образовались с его уходом. Уходом Брата.

«Держите всегда светильник зажжённым», – часто повторял Савва слова Евангелия. Что ж, теперь настал черёд друзей, сподвижников и единомышленников подхватить светильник из выпавших рук. Это и будет лучшей данью памяти этого великого человека. И пусть не думают его враги, что с уходом Саввы стихнет негодование, которое он обрушивал на них, что теперь им удастся уйти в тень.

Псков должен был 25 июля присвоить ему звание Почётного гражданина города. Голосовали накануне тайно в псковской Думе: 11 голосов «за», около двадцати¹ – «против». Сделавший для города много, как никто, он был отвергнут бюрократами. Не простили его яростных протестов против олигархической застройки в исторической части города. Послушные законодатели, похоже, не могли допустить, что «чужак Ямщиков» — бóльший патриот города, чем они. Чья рука вмешалась в это дело, нанося исподтишка последний удар человеку на больничной койке?

Общественный совет и редакция газеты «Слово» продолжают расследование деятельности Швыдкого по реконструкции Большого и Мариинского театров, его причастности к скандалу в МХТ. Эта часть нашей общей работы будет продолжением дела жизни Саввы Васильевича.

В своём комментарии на нашем сайте в связи с кончиной Саввы реставратор Сергей Попов написал: «Архитектор-реставратор Барановский, архимандрит Алипий, Савелий Васильевич Ямщиков – каждого из этих праведников поставил Господь в своё время для спасения нашей многопечальной Руси, её памяти, духовности в самом высоком смысле. Очевидно, поэтому Бог даст продолжателя дела Саввы Ямщикова». «Бог обязательно даст, – отвечает ему другой наш читатель... – Он не оставляет после *таких* людей пустоту. А мы ему поможем».

На поминках в Пушкинских Горах кто-то сказал: верю, что мы ещё доживём до времени, когда Савву причислят к лику святых...

«Слово» № 28–29 (648–649), 31 июля – 3 сентября 2009 года

¹ Голосование проходило 17 июня 2009 года, против было подано 9 голосов. – *Прим. ред.*

ОТ НАС УШЁЛ САВВА ЯМЩИКОВ, РЕСТАВРАТОР ВСЕЯ РУСИ

Гузель Агишева

Обычно он звонил в 9 утра и зачем-то говорил: «Гуля, это Савва...» Но я и так знала: день начнётся с него. Ждала этого. Потому что хорошо, когда день начинается с Ямщикова: это значит, день не пропал. Ты непременно будешь вовлечена в орбиту спасения кого-то, например Георгия Василевича, директора Пушкинского Заповедника, или даже целого города – Пскова или Суздаля.

Однажды позвонил и сказал:

– Прочитал твою заметку «Здесь был Вася». Низкий тебе поклон за Пушкарёва. – Так не по-современному он любил выражаться, когда душа была настроена на лирический лад, когда был спокоен и расслаблен. – Таких, как Василий Алексеевич, ещё долго не будет. Я бьюсь за то, чтоб на его родном Русском музее доску мемориальную повесили. Ведь все они кормятся плодами его труда – мыслимо ли: человек приобрёл свыше 120 тысяч экспонатов! Уникальных икон XIII–XVIII веков – свыше пятисот, лучшее собрание авангарда! – Потом помолчал и добавил: – Гуль, когда помру, я бы хотел, чтоб некролог писала ты – поняла, да? – В смысле: ну, мы договорились?! Поняла, говорю, но вы будете жить вечно.

Конечно, он ни на минуту не верил, что это может случиться в обозримом будущем. Такие занятые люди, борцы по сути своей, должны жить долго, а ему всего-то ничего – 70 стукнуло.

Мы с ним практически не разговаривали «за жизнь». Все разговоры были о деле. Близился юбилей Гоголя, и группа деятелей культуры инициировала письмо с предложением перенести памятник Гоголю работы Андреева на прежнее место, на Гоголевский бульвар. «Да как они не понимают, что памятник там погибнет из-за выхлопов. И потом он абсолютно на месте возле дома, где Гоголь жил последние годы, где сжёг второй том «Мёртвых душ» и где умер...» Потом пошла борьба за музей Гоголя. Если надо, он мог позвонить

какому угодно начальству глубокой ночью или ранним утром... Ему не нужно было представляться – это, мол, председатель Ассоциации реставраторов России вас беспокоит. Обычно человеку на том конце провода достаточно было услышать: «Савва Ямщиков...»

– Они Василевича хотят убить. Он только вышел из больницы, только стал приходить в себя после криза, а местные милицейские чиновники его каждый божий день на допросы тягают. Ну, ты понимаешь, да, каких либерастов это заказ? Василевич же земли пушкинские не даёт продавать. Надо писать Медведеву. Только он может его спасти. Сейчас Распутину позвоню...

Он приводил в движение такие силы, что даже его друзья присвистывали от восхищения и изумления: «Ну, вы, Савва Васильевич, даёте!» Любил говорить прямо даже самые нелицеприятные вещи. «Я с цифрами в руках докажу, что все средства вы разбазарили. Я вас посажу», – сказал он директору одного мемориального музея на важном заседании. И это были не просто эмоции, вырвавшиеся в запальчивости, он вслед за Жегловым считал, что вор должен сидеть в тюрьме.

Он был тщеславен, как ребёнок, которому нужно, чтоб время от времени его гладили по голове. Когда к 70-летию сделала с ним интервью с говорящим названием «Савва Ямщиков – реставратор всея Руси», был польщён и этого не скрывал. Сказал, что ещё покойный Саша Афанасьев из «Комсомолки» его так же хорошо понимал. Афанасьев, говорю, меня в «Комсомолку» и привёл. Савва просиял: «Все хорошие люди должны держаться вместе». А насчёт «реставратор всея Руси» – хотя и звучит пафосно, но это буквальная и абсолютная правда, потому что нет ни одного музея в России, где бы он не побывал и не произвёл опись икон. Даже в Ясной Поляне описывал икону графа Толстого XIII века, которую тот хранил в своём заветном сундуке.

Мы всё-таки раз поговорили «за жизнь». Совсем недавно. Он лежал в Бурденко, стояла жара, он её плохо переносил. Договорились, что приду к нему в подвальчик их реставраторского особняка, он рядом с больницей.

– Там хорошо, прохладно. Будут ещё Гаврюшкин и Василевич. Порежем огурчики с помидорчиками, выпьем минералки...

Под эту минералку он вспомнил, как год назад у него умер шофёр Лев Палыч. Этот человек был ему близок, как пушкинский Савельич

был близок Гринёву. Тогда Савва был поражён, как обыденно случилось – сидел человек рядом с ним в комнате и тихо умер, никто и опомниться не успел. И он подумал было, что пожелал бы себе такой вот смерти. А потом стал размышлять и понял: не-е-ет, без покаяния, без причащения... Потом ему вспомнился отец, который хоть и был неверующий, но бабушке и матери верить не запрещал. А в декабре 1941-го на него при тушении пожара обрушилось три тонны ледяной воды. И перед смертью этот коммунист и командир пожарного взвода вдруг попросил: крест в воду окуните и этой водой умойте.

Поздно вечером позвонил:

– В Абхазии Новоафонский монастырь начнут восстанавливать...

Напишем, говорю. Ты же знаешь, говорит расслабленно, как я тебя люблю. Знаю, говорю.

– Ну а уж 25 июля во Псков-то, надеюсь, приедешь? – тут же крепнет его поставленный голос. – Там же я акцию общероссийскую провожу – «Все на возрождение историко-культурных святынь России»!

Не сомневайтесь, заверяю я.

16-го вечером звонит из Пскова. Язык заплетается.

– Бог меня всё же любит, уберёт-таки. Я из реанимации звоню. Ничего страшного, уже прооперировали, но наркоз ещё не отошел. Ладно ещё всё случилось здесь, во Пскове. Тут Гаврюшкин. Сразу меня в больничку. Ты-то собираешься сюда?

18-го звонок Савве переадресовался Игорю Гаврюшкину. Тот успокоил, что дедушка бодр и весел, частушки поёт. А наутро следующего дня пришла беда, откуда не ждали – отказал кардиостимулятор.

Савва мечтал, чтоб его похоронили в Тригорском, поближе к Пушкину. Любил эти места. Как только выдавались свободные деньки, ехал «к Василевичу». Эти места пушкинские – они настоящие, здесь жизнь обретает смысл, здесь человек постигает простые, казалось бы, истины. Что жизнь – прекрасная штука. Что во многом она борьба. За своё любимое дело, за свои идеалы, за своих друзей. Так жить – не напрасно жить.

Савва Васильевич, вы же знаете, как мы все вас любим...

«НУ ЛАДНО, МИЛЫЙ, ОТДЫХАЙ»

Вспоминая
Савву Ямщикова

Гузель Агишева

19-го утром умер Ямщиков. И хотя все уже знали, что он в Пскове «загрел» в больницу, этого никто не ожидал, оттого осознать событие не получалось. Писала о нём в номер и, уже сдав текст, подумала, что надо бы позвонить Валентину Распутину, нежнейшему его другу. Телефона Валентина Григорьевича под рукой не было, и я решила позвонить Савве, спросить. И сама же себе поразилась – что это я, Савва-то умер. Никогда ему уже не позвонить. Он никогда больше не позвонит. До сего дня каждый день по нескольку раз созванивались, и вот всё закончилось. Не будет уже его вечернего: «Ну ладно, милый, отдыхай»... Кто утром рассыплется с благодарностями за заметку в защиту Пскова?..

– Вы единственный, кто всегда благодарит, – сказала ему недавно.

Он засмеялся, довольный:

– У меня хорошее барачное воспитание.

Поздно вечером пошла на канал. Захотелось к воде, к прохладе, и чтоб последний солнечный луч скользнул по изумрудной голове селезня прежде, чем он её спрячет в тёплых пушистых боках. Стояла и вспоминала, как впервые увидела Савву. В другой совсем жизни. В совершенно иной стране. Выставка «Шедевры реставрации. Ефим Честняков». Здоровый дядька, стриженный под ёжик. Зелёный свитер-самовязка, потёртые вельветовые брюки. Голос сильный, взгляд цепкий. «Идёмте, я вас с Ямщиковым познакомлю, – говорит Александр Романов, мой начальник и редактор отдела культуры журнала «Наука и религия». – Толковый искусствовед и реставратор от Бога. Но он такой...» – «Какой?» – «Резкий».

Недавно с Саввой мы вспоминали некоторые эпизоды. Он вдруг сказал:

– И зачем тебе Египет, поехали лучше в Тригорское к Василевичу. – Потом вздохнул. – Завидую. Мечтаю посмотреть пирамиды. Но это мечта несбыточная.

Почему же, говорю, несбыточная?

– С моими-то ногами?! Ну, ты понимаешь... А то поехали в августе в Кизи, я август всегда там у друзей провожу. В Кизях я много работал. Они мне в прошлом году к семидесятилетию устроили вечер, показали слайды сделанных работ. Я был поражён: мы столько гуляли, пили – когда же всё это сделали?! А там белые ночи, не спится. Встал, распахнул окно. И глянул на икону, над которой работал, потом в окно – те же краски: синее небо, жёлтые листья, вода блестит. Я много жил и в Суздале, наблюдал за людьми в компаниях, на базаре, в пивных – они все похожи на святых со своих икон. Там же равнина кругом – и речь у них плавная, характер ровный. И доску они левкасят, как стекло, так зашлифуют, что смотреться можно. И пишут послойно – оттого и говорят «будто дымом писано». Или вот Новгород и Псков – вроде совсем рядом, всего 200 километров между ними. Новгород – богатый, основательный, храмы – с ровными стенами. А у псковских церквей стены – что куличи: здесь неровно, тут просело, там вздулось... А отойдёшь – всё там живет и клубится, это же чистой воды импрессионизм.

Сейчас вот думаю: какой был хрупкий в общем-то человек, даже столь мощный с виду. Ходил с трудом, с палочкой, всё больше опираясь на кого-то. Давление шкалило, страшно болели ноги, он без конца их лечил. Когда спрашивала, что с ним, усмехался: «Пить надо было меньше». Десять лет практически был выключен из жизни, потом «воспрял подобно Илье Муромцу» – кто-то так о нём сказал. И заторопился, заспешил жить. Хитрил даже в этой своей ненасытности: не успеет что-то обговорить, он уж удочку на следующий «проект» закидывает – мол, хорошо бы вот это ещё сделать, а потом вот это, а уж после... «Ямщиков, не гони лошадей!» – говорила я ему про себя.

Любил знакомить со своими друзьями. Редкое, между прочим, качество в наше время. Обычно люди тяжело колются, когда просишь их даже о такой мелочи, как сообщить чей-то мобильный

для дела. Как бы и не уверены, входишь ли ты в число тех, кому можно его шепнуть. Господи! Савва сам предлагал: «Давай я тебя с Георгием Василевичем познакомлю, директором Пушкинского Заповедника. Вы друг другу понравитесь». Или: «Позвони Володьке Сарабьянову, сыну академика. Я тебе сейчас телефон дам. Он чудный реставратор и симпатичный человек». А сколько я слышала о Гаврюшкине, «моторе» питерских карнавалов? Я его ещё ни разу не видела, но относилась к нему чуть ли не как к родственнику – Савва как молитву и заклинание повторял его имя. «Гаврюшкин сказал», «Игорь обещал»... А другой Игорь, Игорь Петрович Золотусский? «Порядочнейший, деликатнейший человек»... А Валя Курбатов? А Валя Лазуткин? Нанизывал нас всех, как жемчуг на нитку, считал, что себя нужно окружить надёжными людьми, близкими по крови. И пусть они меж собой общаются.

Жду его звонка. Какое неприятное слово «никогда». Вычеркнуть бы его из лексикона.

«Известия», 21 июля 2009 года

ВЫСОКОПАРНЫХ СЛОВ НЕ НАДО ОПАСАТЬСЯ

Георгий Василевич,
директор Пушкинского Заповедника

Казалось, смерть и Ямщиков – вещи несопоставимые.

Но он ушёл. На той земле, которую любил, славил, защищал, воспевал. И умер он так и там, где, наверное, и хотел бы. И, даст Бог, упокоится в одном из красивейших мест России – возле Георгиевской церкви на городище Воронич близ Тригорского. Именно здесь он хотел быть похороненным и говорил об этом стесняясь, как о величайшей награде за все труды, что связаны с Псковской землей.

Он был человеком XIX и XX веков. В веке XXI что-то серьёзное происходит с нами, потому что основополагающие понятия, для Ямщикова абсолютно ясные, превращаются в вещи для дискуссионных передач.

В пору советскую он успел спасти «факультет ненужных вещей» – те же иконы уникальные, памятники, за которые надо было биться, подставляться под неудобные ситуации, под выговоры, под неприятие. И то же самое он делал в наше время, когда подлинная культура всё чаще становится объектом продажи.

В этом смысле жизнь его, несмотря на все сложности, была счастливой. Он сам её так воспринимал – как возможность выполнить работу, сверху данную ему, которую, кроме него, выполнить некому. Поэтому это огромная потеря даже для тех, кто его не любил, порою даже ненавидел, потому что с уходом такого противника жизнь становится беднее.

Настоящая жизнь состоит из таких вот настоящих людей.

Игорь Золотусский,
писатель

Савва Васильевич Ямщиков шефствовал над огромным российским пространством: начиная от восстановления монастырей и реставрации икон до сохранения Абрамцева, Суздаля, Пскова... Его усилия во время гоголевского юбилея были огромны. Если бы не он, может, вообще бы ничего не было. Не было бы нашего фильма о Гоголе, который был сделан только благодаря тому, что Ямщиков познакомил меня с Добродеевым, привёл к нему, и Добродеев нашёл деньги на фильм. В Плесе, куда мы ездили недавно, устраивал судьбу священника, который вынужден покинуть свой приход не по своей воле. Устраивал его в монастырь неподалеку от Плёса. Мы с Саввой колесили по Волге, чтобы забрать его с берега и свести с настоятелем. Там большая обитель, 400 детей-сирот спасаются и учатся. Вот Савва, которого заменить нельзя.

Это зияющая рана на сердце России. Я считаю, что это всероссийская национальная утрата.

Валентин Курбатов,
писатель

Смерть не даёт осмотреться в словах. Савва всегда жил минутой, Господним сейчас, и от нас требовал того же.

Он всегда летел, легко наживая врагов и теряя друзей, он был по сложению Санчо Панса, но душою и сердцем Дон Кихот. Духовно он был всегда верен в камертоне и не потакал времени, как умеем это делать сегодня мы.

Подлинное дитя добра и света. По нему и было видно, какая это обуза – свобода и как она много требует от человека. Хотя всего-то и требует искренности во всякий час жизни, но это и есть много. И оказалось, что такая отвлечённость, как реставрация, где всё далеко, всё в прошлом, всё в истории – и требует особенной искренности и всего сердца. Он умел читать историю как сегодня и сегодня как историю. Если мы научимся у него этому, мы будем несильны и непобедимы. Спасибо, Савва.

Ирина Антонова,
директор ГМИИ имени Пушкина

Моя скорбь по Савве Васильевичу искренна. Он принадлежал к числу людей, каких, к сожалению, сейчас мало осталось в моём поле зрения. Те, кто отдавал бы себя, свою энергию, сердце своё, свою душу, всю свою жизнь сохранению художественного наследия, что в конечном счёте и составляет самое существенное в жизни. Он был настоящий. Сейчас многие так себя берегут, сохраняют, боятся сказать слово. Ведь ему всего-то 70 лет было! Смею сказать «всего-то», поскольку мне много больше.

Он был сложный человек, вы знаете. С ним можно было не соглашаться и даже где-то яростно противостоять некоторым его взглядам, которые, скажем, не совместимы с моими взглядами. Но вот его самобытность и его безусловная честность по отношению к тому, что он считал правдой и неправдой, заслуживают уважения. Я его любила и знаю, он меня тоже любил.

«Известия», 21 июля 2009 года

САВВА ЯМЩИКОВ УШЁЛ, КАК ЖИЛ – БЕЗ ГАЛСТУКА И В КРУГУ ДРУЗЕЙ

Гузель Агишева

15 июля Савва Ямщиков приехал в свой любимый Псков, чтобы открыть выставку «Музей друзей». Живописные и графические работы из его собственной коллекции. Портреты тех, кого он любил, пейзажи местечек, которые любил, – того же Пскова, точнее, Завеличья и Запсковья – с ударением на первом слоге. Сделаете ударение на втором – все поймут, что вы не пскович. Сам он говорил, как пскович. Ему приятно было чувствовать себя местным, родным этому городу человеком.

Выставку не открыл, резко плохо себя почувствовал, дал увезти в больницу. Тётку, которая хотела везти его на каталке, прогнал, ковылял из последних сил.

Потом говорили, что стимулятор подвёл. Но оказалось – нет, стимулятор исправно подавал сигналы, но вот сердце их уже не воспринимало. «Это было не сердце, – сказали специалисты, – не мышца, а кусок тряпки». А неспециалисты, которые хорошо знают Савву и мыслят вне сухих медицинских рамок, сказали иначе: нет, это был пламенный мотор, просто он выработал свой ресурс дотла.

В городе исчезли белые розы. «Ну что за капризы, – сказала продавщица, – это вам не Москва, довольствуйтесь красными». В другой ситуации фраза казалась бы смешной, а так – слегка нелепа, и только. «Но уж на веноч-то постарайтесь найти белые». – «Что писать будем на ленте?» Написали просто, как оно и было на деле: «Дорогому Савве Васильевичу Ямщикову, самому большому другу «Известий».

Псков прощался с Саввой. В том самом зале, где были уже развешаны портреты его друзей, его собственные портреты. Такой он на них мятежный, порывистый, мощный. Все художники писали Ямщикова крупными, фактурными мазками – как диктовала его бо-

гатая натура. Но автор, душа всей экспозиции лежит в гробу, неотвратно становясь натурой уходящей, и эта картина ненатуральна до невыносимости.

Можно написать: «массивный гроб утопал в алых розах» – и это правда. Но так и должно было быть. Удивило другое: внутри гроба лежали полевые цветы – ромашки, васильки, лютики – лиловые, жёлтые, белые простодушные пятнышки. Их принесли сонмы безмянных простоволосых старушек, принесли, поклонились и тихо встали в сторонке, скорбно вздыхая и крестясь.

Кто-то догадался – снял с Саввы галстук, и все это одобрили. Марфа, его дочь, первая. «Как хорошо, – сказала, – папа же никогда не носил галстука, я его в галстук ни разу не видела».

Говорили слова. Они, конечно же, казались уж очень обычными, человек-то был штучный. «Разве такие слова о вас надо?» – вертелось на языке. Но те, какие надо, вслух не произносят, их обращают внутрь себя, когда всё ещё по привычке беседуют с другом.

Те, кто это понимает, решили примкнуть к писателю Валентину Курбатову, сердечному другу Саввы Васильевича, и ехать после панихиды вместе с гробом в Пушкиногорье, в Успенский храм Святогорского монастыря, чтобы всю ночь читать Псалтырь. Вот так, распевно читая или невнятно бормоча один за другим все 150 её псалмов, наверное, и можно сказать ему про все свои чувства, про неизбывную тоску, что переполняет в этот час, про любовь, покаяться и попросить прощения за невольные обиды.

В храме Георгия Победоносца на городище Воронич, рядом с усадьбой Тригорское, прошла церемония прощания. Здесь, на скромном церковном кладбище, нашёл своё последнее пристанище Савва Васильевич Ямщиков – великий русский реставратор, искусствовед, публицист и просветитель.

Прощай, дорогой наш самый большой друг.

Земля тебе пухом.

«Известия», 22 июля 2009 года

ПЕРЕКРЕСТЬЕ ДОРОГ САВВЫ ЯМЩИКОВА

Гузель Агишева

21 июля в поезде «Москва – Псков» был один скорбный вагон без случайных пассажиров. Все его обитатели ехали на похороны Саввы Ямщикова. И в Пушкиногорье, в Святогорском монастыре во время заупокойной литии, взгляд постоянно натывался на узнаваемые лица – Валентин Фалин, Игорь Золотусский, Валентин Курбатов, Вадим Юсов, Юрий Назаров... Друзья и единомышленники. Ими он дорожил, им был предан, их обожал, и они ему платили тем же. На сороковины всё повторилось: вагон с друзьями, Свято-Георгиевская церковь городища Воронич, которую он восстанавливал и возле которой нашёл последний приют.

При его темпераменте и интенсивности нашего общения мы неизбежно должны были если не поругаться, то повздорить. Он же идеализировал одних и демонизировал других. Мир по Ямщикову делился на друзей-сподвижников и «либерастов». «Так не бывает», – говорила я ему. «Так есть», – отвечал он, с привычным упрямством клоня седую голову набок. И тут же добавлял: «Я вот позвоню такому-то, посмотрим, как они запоют...» – «Не запоют. Этот ваш бугор ничего не сделает. Он сто раз мог прищемить им хвост – у него на это все полномочия». – «Его надо дожать... Он, конечно, не герой, но хорошее от плохого отличает».

Спустя некоторое время звонил либо окрыленный – «А ты говорила!», либо подавленный – «Ты была права, оказался настоящим мерзавцем, ну зачем же было обещать?!»

Представляла, как ходит по дому, тяжело переваливаясь с боку на бок, каждый шаг доставляет боль – «нога, зараза, опять опухла», – что-то ищет в бумагах и не может найти. Поэтому пыталась переключить его на другую волну, спрашивала про жену Валю, хотя отлично знала, что она в Питере, про дочь Марфу. «Да уехала куда-то с подругой», – нехотя отвечал он, не желая переключаться. Вздыхал:

«Да-а, в такое время живём... Но ничего, Бог всё видит...» Потом вдруг начинал слушать с напряжённым интересом и наконец восклицал: «А что? Это может сработать! Ладно, позвоню позже!» И так было всегда, когда возникали ключевые слова: Гоголь, музей Гоголя, Псков, Пушкинский Заповедник, Суздаль...

Вместо утренней зарядки читал прессу – от «Завтра» до «Коммерсанта». Считал, что если про начинание не рассказано в газете или по телевидению, битва проиграна, не начавшись. Газеты «Известия» и «Слово», понятно, на особом счету. Наше с ним интервью к юбилею хотел раздать всем друзьям, закупил сто экземпляров. Весь светился. Где это вы, спросил удивлённо и весело, такую фотографию открыли. На ней Дмитрий Лихачёв, Валентин Янин и он.

– Вообще-то, – сказал, – Лихачёв ко мне относился не очень. У него были свои люди, которые постоянно что-то там нашёптывали. Однажды вызывает: «А вы зачем в командировку за границу ездили?» Да мы же, вскидываю я брови, это сначала с вами обсудили. «Что-то, говорит, не припомню». Так я еще вам джинсы и пуловер оттуда привёз, ваша знакомая передала!.. «Да? Ну ладно...»

Савва хохочет так, что на щеках появляется румянец. А тут ещё я ему рассказала забавный случай. Летела во Франкфурт. Рядом сидят две симпатичные женщины. Одна молодая, балетного вида, другая в возрасте, очень живая и до боли знакомая. Они всю дорогу щебетали и тянули французский коньяк. Когда я достала капли и салон наполнился запахом валокордина, та, что постарше, протянула фужер с коньяком: «Выпейте. Когда маме плохо, я всегда ей даю коньяк...» Я вмиг её узнала: Антонова, директор Пушкинского музея.

Савва развеселился: «Ирина Александровна потрясающая! Однажды я выступал по ТВ и, обращаясь к ней, сказал, что пора, мол, уж погоны-то снимать... Она же жёсткая, всегда стоит на своём... Ради красного словца сказал, не подумав... Говорят, она была вне себя, сказала, что, подвернись сейчас под руку ружьё, застрелила бы... Она может. Грандиозная женщина. У неё жизнь не сахар, но по ней ты никогда этого не увидишь. Мы хотя и наезжаем друг на друга, но в душе с большой симпатией».

Выставка, что открывалась в Третьяковке в конце прошлого года, называлась длинно – «Искусство Ярославской и Костромской земель XVIII–XX веков» и подводила черту под 50-летней творческой деятельностью Саввы как искусствоведа и реставратора.

Сегодня уже мало кто помнит сенсацию семидесятых – московскую экспозицию открытого в музеях Ярославля, Костромы, Рыбинска, Солигалича, Углича, Переславля-Залесского целого пласта искусства, портретов работы крепостных мастеров и выходцев из «третьего сословия». Явление миру одного лишь имени Ефима Честнякова, «художника сказочных чудес», как его окрестили в Париже, было откровением. Так что прошлогодняя выставка в Третьяковке – своего рода дежавю.

Савва подьехал к открытию – передвигается с трудом, опирается на палочку... Уселся перед журналистами, отдышался, проморгался под светом софитов, приготовленных к телесъёмке, и, увидев меня в зале, сказал громогласно: «Гуль, ты каталоги-то взяла? Возьми...» Брат-журналист ринулся к столу. Савва, видя, что мне не достанется, сказал грубовато: «Ну вы чо, господа! Подождите маненько...» Все заулыбались, стали головы поворачивать – кого это так нежно тут опекают. Он умел мгновенно установить контакт с публикой. Был психологом и артистом. Иногда даже Актёром Актёрычем, когда затягивал про «либерастов»...

Через пять минут озадачил коллег-искусствоведов заявлением: «Шагал – ничто в сравнении с Честняковым. Несоизмерим в художническом таланте, а уж в человеческом – и говорить нечего. Шагал – продолжатель искусства вывесок, Честняков – философ».

Суэта в связи с похоронами, уточняются списки, кто поедет в Псков и дальше. Звонок из солидной организации: «Нам сказали, вы можете помочь с телефонами друзей Саввы Васильевича. Нужен телефон художника Честнякова». Так он умер, говорю. На том конце трубки смятение: «Ка-а-гда?» Да в 1961-м ещё.

Выдавался свободный день – ехал в Псков. Звонил подавленный: «Кончали Псков. Надо что-то делать...»

Включила ТВ – идет документальный фильм «Мой Псков», там Савва возмущается гостиничными застройками возле старинных церквей. Молодой бизнесмен рассуждает: «Давайте будем реалистами: кому эти старые памятники нужны, если там не будет гостиницы? Кто туда поедет?» О как! Оказывается, это называется «реализм». «Да-а, вот ж..па! Уйдут старики – кто им возразит? Молодых-то они уже воспитали, все под деньги прогибаются», – сказал кто-то на похоронах. И тут же «телевизионный» Савва упрямо клонит коротко стриженную седую голову и говорит: «Матвиенко сказала,

что лучше памятник архитектуры отдать Абрамовичу, нежели он разрушится. Нет, пусть лучше разрушается. Он ещё двести лет будет разрушаться, а Абрамович со своими деньгами разрушит его за два месяца и на этом месте джакузи построит. Не верю я олигархам!»

Всё, что связано с Псковом, любой историко-культурной амнезией, переживал как личную драму. «Вот слушай: «Когда не стало родины моей, в ворота ада я тогда стучала: возьми меня!.. А только бы восстала страна моя из немощи своей». Здорово, да? Это Татьяна Глушкова, потрясающая поэтесса... Валя Курбатов замечательное предисловие написал». Тот же Курбатов написал о любви Саввы к Пскову – «осознавал Псков как нательный крест России, которым она поворачивается к вызовам разгулявшейся цивилизации».

Его похоронили 22 июля, а 17 июня Псковская дума обсуждала, присвоить ли ему звание Почётного гражданина города. Голосовали тайно: 11 голосов «за», 9 «против», не прошёл. «Ну, ты поняла, да?» – только и сказал бы Савва...

Как-то разговорились «за жизнь». Нет, говорит, в России ни одной иконы, которую бы он не описывал. Так что, смеялся, это его Днепрогэс, его целина и его космос. Спросила, боится ли смерти, всё-таки не на ярмарку, а с ярмарки уже... Я, говорит, о ней думаю... Спросила, какое самое сильное желание. Думала, начнёт про свои бесчисленные проекты, а он неожиданно: «Чтобы Марфа поправилась». Посмотрел бы сейчас на Марфу. Как она в одночасье превратилась в рассудительную, въедливую, обстоятельную родную душу. Как вместе с Павлом Пожигайло, председателем попечительского совета ВООПИК, и Игорем Гаврюшкиным, советником губернатора Псковской области, собрала всех его друзей-единомышленников, готовых продолжить начатые дела. Савва был бы доволен.

Возле одинокой Саввиной могилы стояли друзья. Венки пожухли, буйный орешник в ложине поредел, и если встать на цыпочки, отсюда видна усадьба Осиповых-Вульфов в Тригорском, где он так любил бывать. Такое впечатление, что сейчас всё о нём. В автобусе, что привёз нас к Савве, одиноко лежала на сиденье книга той самой Глушковой. Я наугад открыла и прочла: «Дует холодом в зябкие плечи, / Опускается первый снежок. / Всё пространство эпической речи / Залегло в перекрестье дорог».

САВВА ОТЧЕ

Незауспокойная лития по Савве Васильевичу Ямщикову

Лев Шлосберг

Савва Васильевич Ямщиков завершил свой земной путь в больницы реанимации. Это его последнее недобровольное пристанище удивительным образом оказалось трагически созвучно тому, что он делал всеми силами своей могучей души и обременяющего её тела. Он был реаниматором вся Руси – той страны, которую разрубили по живому и разорвали потом на куски события отеческого для него лично, но губительного для Отечества XX века. Полвека он был реаниматором русской классической культуры – не один, но одним из немногих – в сумасшедшем доме беспамятства. И острое понимание этой миссии делало его пророком в своём Отечестве, которых, как это предрешиено задолго до него, в полной мере признают лишь по-смертно.

Савва Васильевич Ямщиков жил на грани Жизни и Смерти десятки лет. На грани Жизни и Смерти Культуры. На грани Жизни и Смерти её единственного носителя – Народа, который он любил и проклинал одновременно. В рукотворных произведениях одухотворённого искусства он видел суть народа, которую пытался народу вернуть.

Реставрация икон и картин, спасение храмов и музеев, возвращение забытых имён простых людей, запечатлённых на провинциальных холстах, и подвижников всей страны, причисленных к лику святых, – всё это был для него единый и неразрывный труд Воз-Рождения Народа, утратившего волю к жизни. Реставрация. Реанимация. Возвращение к жизненным корням.

Он был огромным сколом подлинной русской культуры, самородком народного таланта, пробившимся на поверхность XX и XXI веков сквозь пласты государственных репрессий, поругания свя-

тынь, вероотступничества, клятвопреступлений, трусости и предательства.

Он был собиратель разрушенной Руси – собиратель русской культуры в единое целое, единую ткань, единое живое тело из разорванных на кровоточащие лоскуты полотен, он сращивал их собой, он оживлял их своими руками и, оживив, являл стране и миру. Лица и Лики. Посмотревшись в них, народ должен был стать другим. Осознав своё достоинство, Россия должна была возродиться. Собраться как страна.

Он носился по стране, выискивая и выхватывая из пасти времени и лап варварства драгоценные произведения человеческого духа и, точно лучи угасающего солнца, согревал их в своих больших ладонях, надеясь вернуть стране, народу сияние светила в его зените. Он искал в России очаги Руси, очаги настоящей жизни и видел в них путеводные маяки спасения всей страны.

Он физически мучился и морально страдал от вида любого разорения культуры и жизнеустройства – это был его дом, его страна, его храм. Он пришел спасать свой народ.

Образ войны и разрухи – это именно то, что видит перед собой реставратор, принимая в руки изувеченные временем и людьми произведения искусства. Война и разруха – это то, чему он противостоит, с чем он сражается. А пласты поздних записей на иконах сравнимы с веками забытия, сняв которые, он открывает современности сами корни культуры, животворящие корни народа.

Эти тысячелетние корни ворочались в нём самом и заставляли его жить и тогда, когда жить не хотелось, заставляли трудиться тогда, когда казалось, что трудиться невозможно, заставляли вспомнить о своём предназначении и соответствовать ему.

Он был яростным и поразительно терпеливым, бережным, нежным одновременно.

Природа русского мастерового пробилась в его лице сквозь глухие камни безвременья и расцвела всецветной живописной палитрой, как будто врачующей кистью его водила другая, Высшая рука.

Он точно знал, как должна жить страна, как обязан жить народ, что он должен хранить, чего он должен бежать и чему должен следовать. Он нёс в себе тот уклад национальной жизни, который счи-

тал для народа и страны единственно правильным, единственно необходимым. Он вёл за руку народ по своей стране – как пастырь, как поводырь, как проводник. Шёл, переваливаясь с боку на бок, с посохом в руке, терпя несусветную боль в измученных ногах, но мысли его двигались легко, потому что он был абсолютно уверен в правильности указанной им дороги. И – самое главное – он шёл по ней сам.

Он считал, что страна и народ тяжело больны. Больны острой культурной недостаточностью, которая губительна для народа и смертельна для страны. Он жил в режиме неотложной помощи культуре, и это было состояние не просто ежедневное – ежечасное. Это вдохновляло и калечило его одновременно.

Его лекарская миссия в культуре была сродни воинской. Мир делился на сподвижников и врагов. Чувства любви к друзьям и ненависти к врагам были в нём сопоставимы по мощи, и это разрывало его на части, истощало порой его силы и лишало его душевного равновесия, столь нужного художнику. И любовь, и ненависть были у него космического масштаба. Он был похож на огромный магнит, к полюсам которого притягивались и от полюсов которого отталкивались одновременно тысячи людей. Люди вращались вокруг него, как вокруг Солнца.

Учителей своих он почитал как святых. И многих друзей своих называл своими учителями. Больше половины сказанного и написанного им – про тех, кто сделал его самого человеком культуры, открыл ему её сокровища, передал ему её коды. Он боготворил этих людей. Рассказывая о них, он продлевал их жизнь. Он помогал им при жизни и дарил им жизнь после смерти, донося их голос до своих поздних и часто опоздавших современников. Он звал и собирал живых, заклиная их именами ушедших. Он очень хотел, чтобы его тоже помнили.

Почти все его выступления были проповедями. Он верил в слово, верил в то, что Слово врачует и казнит. Слово было частью его существа. Его полугодовой юбилейный тур по любимым городам был его прощальной проповедью перед народом. Всё, что исповедовал, он считал правдой, а всё то, чему сопротивлялся, – неправдой.

Он видел, как стране больно, и постоянно об этом кричал. Он и сам был – большой набатный колокол с надтреснутым голосом, от

звука которого колыхался, трепетал и раскалывался воздух. Святые на иконах слышали и узнавали его.

Он постоянно обрастал людьми. Друзья прозвали его Савва Большое Гнездо – как звали в древности многодетных князей, оставивших множество наследников. Каждому новому хорошему знакомству он радовался как ребёнок, он умел восхищаться людьми – с искренностью влюблённого. Он идеализировал своих друзей и демонизировал своих врагов.

Нет никаких сомнений, что враги его будут жариться в аду. Сквородку с кипящим маслом он уготовил для них лично и с полной мерой своей ответственности за это важное и богоугодное дело.

Некоторые из его врагов придут на его похороны, чтобы удостовериться, что он действительно умер. Они будут смотреть на его большое упокоившееся тело и надеяться, что теперь-то он не достанет их. Мы не вправе предрекать, что Савве Ямщикову откроется рай небесный, потому как грехов своих он не скрывал и относился к ним как не к самому печальному обременению своей натуры. Но верю, что кисть его вымолила ему прощение. Потому что когда он творил, он был всегда праведник. И там, где будет теперь обустроена его душа, он будет находиться на прямой связи с Господом, в наличии которой он не сомневался при жизни. И если уж сочтёт нужным за кого похлопотать – друзей ли, врагов ли – похлопочет всенепременно. Теперь у него есть для этого другие возможности, и суэта времени уже не помешает ему.

Восстанавливая порушенную и забытую жизнь, он ежедневно шёл против течения – удерживая голыми руками беспощадное колесо истории, обдирая ладони и костяшки пальцев до крови, до костей, до морального скрежета души. Он создавал вокруг себя турбулентное пространство – как реактивный самолёт, преодолевающий скорость звука.

Он производил собой огромную подъёмную силу – и это был неподъёмный для простого смертного труд. Он поднимал собой народ, будил в нём совесть и стыд, укорял его позором бескультурья. Культуру – и только культуру – почитал он миссией народа.

Он нашёл именно на Псковской земле свой приход, свой очаг и свой последний приют. Он не знал, где умрёт, но последним уси-

лием воли вырвался сюда – к своим духовным корням. Он заставил теперь приехать в Псков, к нему на прощание, тех, кто, возможно, никогда здесь не был. Даже последним своим движением собрал народ здесь – где должен же он, наконец, святой и грешный, свободный и рабский, стать Народом. Хотя бы и ценой его жизни тоже.

Его кончина вызвала всплеск отчаяния – во многом им самим взращённого, им выдохнутого и оглашённого – от очарования гибнущим на глазах миром, спасение и возвращение которого было смыслом всего его титанического движения по жизни. От рождения – к смерти. От смерти – к возрождению.

И это мученическое подвижничество очарованной и страдающей души дарует ему теперь жизнь вечную.

«Псковская губерния», № 28 (449) от 22–29 июля 2009 года

ИСТОВЫЙ

Михаил Демури

Миновало девять дней, как на земле нет Саввы Васильевича Ямщикова. Разум и сердце отказываются в это верить. Рассудок безжалостно констатирует этот факт.

Мы не так долго, всего несколько месяцев, общались лично, но эти встречи были частыми и насыщенными, поэтому кажется, что знал его давно. Когда я первый раз оставил ему подборку своих статей, у меня не было сомнений, что общая их мысль – о невозможности проведения нашей страной последовательной и сильной внешней политики без ясного национального самоопределения – будет ему близка. Но, честно говоря, я не был уверен, будут ли ему интересны детали. Зря сомневался. Его интересовало всё. Особенно ему понравилась статья об элите. Потом Савва Васильевич попросил написать о назначении Зурабова послом на Украину: оно его возмутило предельно. Я отнёс ему уже опубликованный в «Регнуме» текст, но мнения его так и не узнал: Савва Васильевич уехал в Плёс, потом в Псков и Михайловское, а потом я уже увидел его, неузнаваемого, в гробу.

Это был удивительно самобытный человек. Для многих в сказанном нет ничего нового, но мне хотелось бы подчеркнуть одну деталь: его самобытность была абсолютно естественной, воспринималась как должное – не эталон для всех, а то, право на что он заслужил своей жизнью и трудом. Отсюда же и его особая бескомпромиссность. Это было не упрямство, а твёрдая и обоснованная уверенность в своей правоте и в том, что в сфере культуры компромиссов быть не может.

Самобытность и цельность помогали ему жить и плодотворно работать в советское время. Какую же степень деструкции должно было ощутить его нутро в произошедшем с Россией после 1991 года, и особенно в 1993 году, что это на долгое время вышибло его из сед-

ла! Но не было бы этого провала в бездеятельность – не было бы и поистине чудесного возвращения.

Он хорошо знал себе цену, понимал, что он сделал и делает для русской культуры, для русского народа, для Церкви. Понимал и то, что многие, даже его близкие люди, не до конца это осознают. Приходилось «идти на метафоры». Например, свой труд по сохранению икон в провинциальных русских музеях он порой называл «мой БАМ» или «моя комсомольская стройка». Такие сравнения несколько резали ухо, но имели под собой основание: а как иначе объяснить неверующим людям с менталитетом экономиста или производственника значение труда музейного работника или реставратора, спасающего иконы – основу и невидимой, и видимой России.

Конечно, в нём присутствовал и дух гордости, но не он был главным. Савве Васильевичу было предельно важно быть уверенным, что он на сто процентов отработывает аванс, выданный ему Богом, когда Он вернул ему моральные и физические силы вновь заняться нужным людям делом. Он так всегда и говорил: «Я перед Господом в долгу».

Все, кто общался с ним, знали, что Савва Васильевич – борец, я бы даже сказал – солдат, и что он не просто видит в этой борьбе смысл своей жизни, но и глубоко увлечён тем, что делает. Однако, по мере того как я больше узнавал его, я понимал, что в глубине его души жила мысль о покое и воле: уехать в Михайловское, жить в тишине, спокойно думать, общаться с учениками, писать. Его возраст, заслуги, состояние здоровья давали ему право на это. Но он продолжал борьбу. Борьбу не на жизнь, а на смерть.

О главной причине, двигавшей им, я уже сказал. Но была и другая. Одной из главных черт Саввы Васильевича было глубокое чувство справедливости и его обратная сторона – органическое неприятие несправедливости. Именно это чувство понуждало его вновь и вновь выходить на передовую. Что такое борьба за справедливость в сегодняшней России, мы знаем. Эта тяжелейшая ноша полностью легла на плечи таких подвижников, как Савва Ямщиков. И они её несут.

Для России Савва Ямщиков был и остаётся *удерживающим*. Он удерживал русскую культуру и русскую память, а вместе с ними –

и мировую культуру и мировую память, от дальнейшего падения. Одновременно он был *притягивающим*: как сильный магнит, он, находясь внутри русской традиции, притягивал к ней или укреплял в ней всех, кто попадал в орбиту его дружбы, внимания, творчества. Его уход – предчувствие смерти, последние его мысли и слова, отпевание, погребение, поминовение – напоминают, как должен уходить из жизни православный христианин и как его должно провожать.

Сам же Савва Васильевич любил слово *созидающие* и так назвал свою книгу размышлений и бесед с наиболее близкими друзьями и соратниками. Когда его не стало, передо мной один за другим стали вставать вопросы, которые я не успел ему задать, и ощущение безвозвратности: никто на них уже не ответит... Но рука сама собой потянулась на полку, где стояли последние из подаренных им книг – эта и «Бремя русских», и – ответы стали являться один за другим.

А ещё он любил слово *истовый*. И сам был таким.

Что скрывать, с кончиной Саввы Васильевича в рядах тех, кто, думая о будущем, пытается уберечь русскую культуру, сохранить нашу историю и наше национальное наследие, защитить душу и укрепить дух русского народа, образовалась реальная брешь. А ведь от того, будет ли продолжено его дело как часть общего большого дела, которому он служил, зависит очень многое.

Как ни тяжело смириться с этой огромной и очень горькой утратой, это необходимо сделать. Но, к счастью, мы в этом мире не одни. Когда в Пскове закончилась официальная церемония прощания и мы уже отправлялись в Святогорский монастырь, пришла добрая весть: в Москве, в семье иконописцев, родился четырёхкилограммовый малыш, и его назвали Саввой. Божиим промыслом он или кто-то ещё, родившийся в этот день, станет иконописцем. Или реставратором. Или просветителем. Мастером своего дела. Просто честным и цельным человеком.

А Савва почивший... Недавно сын Андрея Андреевича Громыко вспоминал слова отца, объяснявшего ему, что от уступок Западу его удерживают два погибших на войне брата: на переговорах они как будто стоят за его спиной и в ключевой момент говорят: «Андрей, это не твоё, это наше, не сдавай, мы за это отдали жизнь...» Верю,

что, пройдя положенное, душа Саввы Васильевича окажется в раю и, когда в этом возникнет потребность, он будет стоять рядом с теми, кто будет хранить русскую культуру, помогая им, оберегая от слабости и ошибок. Для этого у Саввы Васильевича Ямщикова теперь будут особые силы.

Силы, которые получает тот, кто принёс себя в жертву.

«Российские вести» № 29, 29 июля – 6 августа 2009 года

СОДЕРЖАНИЕ

К читателю 3

МАТЕРИАЛЫ КОНФЕРЕНЦИИ «ПУШКИН КАК МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКОЕ ЯВЛЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ТРАДИЦИИ»

Вступительное слово: *Михаил Демурин, Евгений Богатырёв,
Георгий Василевич, Георгий Роцин, Михаил Лермонтов* 6

Выступления участников конференции

Валентин Курбатов 17

Савва Ямицков 21

Александр Казин 25

Михаил Маслин 31

Константин Долгов 34

Валентин Непомнящий 38

Юрий Лоциц 42

Наталья Михайлова 48

Вадим Старк 51

Эдуард Попов 53

Пётр Калитин 62

Выступления в дискуссии: *Виталий Аверьянов, Виталий
Волчков, Татьяна Философова, Сергей Пыхтин, Наталья
Андросенко, Валентин Радаев, Елена Бондарева, Александр
Самоваров, Дмитрий Ермолаев, Михаил Демурин,
Георгий Василевич* 65

Приложение

Константин Долгов. Политическое миросозерцание
А.С. Пушкина 95

Вадим Старк. Дворянство в контексте социально-
политических идей А.С. Пушкина 116

<i>Елена Бондарева.</i> Пушкинское наследие для русских в изгнании: Сербия, 1937 год	130
<i>Вадим Венедиктов.</i> Пушкин – «поэт для календарей»?	138

ПАМЯТИ САВВЫ ВАСИЛЬЕВИЧА ЯМЩИКОВА

<i>Валентин Курбатов.</i> Рука на пульсе	142
<i>Виктор Линник.</i> Савва Ямщиков. Жизнь и бессмертие	145
<i>Гузель Агишева.</i> От нас ушёл Савва Ямщиков, реставратор всея Руси	157
<i>Гузель Агишева.</i> «Ну ладно, милый, отдыхай»	160
Высокопарных слов не надо опасаться: <i>Георгий Василевич,</i> <i>Игорь Золотусский, Валентин Курбатов, Ирина Антонова</i> ...	163
<i>Гузель Агишева.</i> Савва Ямщиков ушёл, как жил – без галстука и в кругу друзей	166
<i>Гузель Агишева.</i> Перекрестье дорог Саввы Ямщикова	168
<i>Лев Шлосберг.</i> Савва Отче	172
<i>Михаил Демурин.</i> Истовый	177

Научно-популярное издание

МИХАЙЛОВСКАЯ ПУШКИНИАНА

Выпуск 49

МАТЕРИАЛЫ КОНФЕРЕНЦИИ

«А.С. Пушкин

как мировоззренческое явление

национальной традиции»

Редактор Л.А. Токарева

Корректор Т.П. Николаева

Компьютерная верстка: И.Г. Александрова

Фото на первой странице обложки: А.А. Токарев

Издательство

ГППО «Псковская областная типография»

180004, Псков, ул. Ротная, 34

Подписано в печать 15.10.2009. Формат 60x88 ¹/₁₆. Гарнитура Times New Roman.

Печать офсетная. Объем 11,5 печ. л. Заказ № 810. Тираж 1000 экз.

Отпечатано в ГППО «Псковская областная типография».

180004, Псков, ул. Ротная, 34

